Р3
Ч-089.

ИСТЯКОВ

БАБИЙ ГРЕХ

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА
1927

С 196373

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

196373

1944 г.
Инв. 1936 г. 196373 п.

А. ЧИСТЯКОВ

БАБИЙ ГРЕХ

РАССКАЗЫ

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

«ЖИЗНЬ ИСКУССТВА»

1927

Р-3

Обложка работы
М. УШАКОВА-ПАСКОЧИНА

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Тип. „Печатный Двор". Ленинград, Гатчинская 26.
Ленинградский Гублит № 11063 12 л. Тираж 4.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Деревня в нашей художественной литературе всегда занимала одно из первых мест. Некрасов — в поэзии, Л. Толстой и Писемский — в драме, Тургенев, Решетников, Глеб Успенский — в бытовом рассказе дали незабываемые изображения крестьянской жизни, своеобразных крестьянских типов своего времени. За ними следовал целый ряд второстепенных дарований, прорабатывавших эту тему в нашей старой литературе.

Царская цензура не особенно долюбливала беллетристов-народников, пытавшихся обрисовать вековую темноту, вековой гнет помещиков и чиновников, бесправие и безысходную муку деревни.

Теперь цепи царского режима, цепи царской цензуры, засилие помещиков и буржуазии, теперь это все — в прошлом. Деревня оздоровляется, пробуждается к новой жизни. И ее быт ярко и правдиво отражается в нашей литературе.

Революционная, послеоктябрьская беллетристика, само собою разумеется, отводит деревне надлежащее место; при чем до сих пор наши молодые крестьянские писатели черпали свой материал из эпохи граждан

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksaratov.ru/

ской войны и экономической разрухи. И в этом нет ничего удивительного. Острые переживания деревни в дни великого социального переворота, конечно, прежде всего требовали своего литературного отображения.

Наступившие теперь дни мирного хозяйственного строительства, экономического возрождения нашей деревни, планомерно идущий процесс постепенной советизации ее ставят перед беллетристом бытописателем деревни новые определенные задачи.

Основной лозунг партии и советов «лицом к деревне» должен найти соответствующий отклик и в художественной литературе, являющейся одним из могучих факторов в социалистическом строительстве новой жизни. В советской рабоче-крестьянской республике вопросы крестьянского быта должны быть освещены и проработаны до мельчайших подробностей. Ни один уголок повседневного крестьянского быта не должен укрыться от внимания писателя-беллетриста, посвятившего себя этой плодотворной и ответственной работе.

Как же пишут у нас о деревне?

Современные беллетристы, исследующие и изображающие быт советской деревни, по большей части, впадают в два диаметрально противоположных уклона. Одни в какие-то увеличительные стекла рассматривают и отображают временные, случайные несообразности и уродливости современного деревенского уклада жизни, выявившиеся в спешной ломке старых бытовых установок, понятий и обычаев. Этот уклон

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uaic.ru/

в современной беллетристике очень часто снижается, к сожалению, до уровня легковесной юмористики и просто-на-просто карикатуры. Нечего, кажется, и говорить о том, насколько малоценно такое творчество в художественном отношении и насколько вредно оно идеологически.

Противоположный уклон не менее ошибочен и вреден чем первый. Некоторые беллетристы смотрят на сложный и трудный деревенский вопрос, так сказать, через розовые очки. Они грешат искусственным подбором исключительно положительных явлений и фактов современного деревенского быта и обнаруживают какую-то наивную, близорукую оптимистичность, затушевывая все отрицательные стороны, все реальные и неизбежные трудности в упомянутом сложном и медленном процессе советизации нашей деревни. Произведения такого рода носят характер досадной штампованности и торопливой плакатности.

На более верном пути стоят те беллетристы (к ним принадлежит и автор книжки рассказов «Бабий грех» А. Чистяков), которые смотрят на современный деревенский быт прямо, трезво, без всякой предвзятости, отмечают его плюсы и минусы и не навязывают читателю никаких результативных выводов, а дают жизненным фактам самим говорить за себя. А. Чистяков дает, так сказать, сырой, беллетристический материал о деревне, но материал доброкачественный, неподдельный, выхваченный из самой гущи современного деревенского уклада жизни. Правдивость его фотографи-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

чески точных снимков деревенского быта, крестьян и крестьянок — сама по себе очень ценна. Занося в блокнот своего беллетристического искания и деревенскую темноту (наследие прошлого режима), и пьянство, и буйство, А. Чистяков отмечает также и инстинктивную тягу деревни к строительству новой, светлой жизни, веяния которой властно проникают в нее. При этом автор счастливо избегает всякой натяжки, искусственности.

Пусть в рассказах А. Чистякова дан, как уже сказано, только сырой материал; этот материал теперь, в дни пролетарской смычки с деревней, безусловно нужен и полезен. Накапливание такого материала для будущей художественной литературы о деревне — задача плодотворная и существенная, заслуживающая внимания и поощрения.

Гайк Адонц.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

БАБИЙ ГРЕХ

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uralsc.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

I.

Голубая ночь плыла над полями и дорогами—хмельная и веселая. Дышала цветами и разносила запахи эта голубая Ивановская ночь. Страстно и пьяно прижималась к земле и длинными черными косами отбрасывала пугливые тени, как девушка первую любовь из-под темных густых ресниц. Вздыхала истомно и грустно о чем-то дорогом, как бы навеки утраченном, разливала тихую печаль в тумане, шепталась, обнималась с кем-то на задворках и вдруг, позабыв вековую тишину, словно этой тишины никогда и не было,—ухала и плясала по всему Еремееву под визгливую русскую.

Эх топор - рукавица,
Рукавица да топор! —

разливала пляс тальянка.

Загулял, так не воротишь,
Горькая судьбинушка,
Ничего ты не получишь,
Дорогая милушка! —

отплясывал Ванька Дерябин в алой рубахе-косоворотке и городских штиблетах, вскручивая вихрем пыль вдоль околицы.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Шила милому кисет —
Вышла рукавица,
Меня милый похвалил:
Эка мастерица! —

звенели в ответ серебряными колокольчиками, малиновым звоном девичьи голоса и хватали за сердце затаенной страстью, пробегая холодком по спине с дружной, росной ночью, томя лаской и маня в неизведанное.

Ты гуляй-ка, наша шатия,
Гуляй не унывай,
Нашу маленькую шатию
Никто не задевай!

Кубарь шел впереди шатии и отчаянно растягивал и сжимал на гармошке серебряные мехи. Гармошка энергично взвизгивала, скулила, плакала, рокотала басами, жаловалась кому-то и ругала кого-то анафемски и как топорищем с плеча рубила разбойную песню в капусту и кидала душу в бесшабашную удаль на острый нож.

Парни шли быстро в такт под игру, словно их несло ветром. Встречные пугливо отворачивали, косясь на Тимошку Кубаря, потому как он был, видимо, в ударе и искал, на кого бы обрушиться с шатией. Тимоха играл все отчаяннее, прижимал ухо и щеку к гармошке, как-будто слушал одному ему понятное и должно быть страшное — не даром он так свирепо косил глаза.

Не от батюшки родился—
От барана-подлеца,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booklugansc.ru/

Родила меня мазурика
Комолая овца! — Их! — Ух! —

подпевал он, поводя плечами, разжигая задор.

Кто отчаянных заденет,
Тот на ножик попадет,
Из-за маленького ножичка
В сыру - землю пойдет! —

гремела сзади шатия.

Взвизгнула за околицей из туманного поля знакомая и страшная тальянка, запел тоскливый и напряженный голос страстную песню, — в ней сплелись обида и печаль, жалоба на судьбу и широкий, на всю Русь, разгул:

Я иду, обрезы бухают —
Гостинцы получай,
Надо мной ребята ухают:
Товарищ, выручай!

— Ванька Орел! — пронеслось по деревне ветром.

Деревня вздрогнула и притаилась, прислушиваясь: что-то будет!

Орел шел широкими вкрадчивыми шагами—неслышно и мягко, как исполинская кошка. Большое, стройное тело как бы плыло в воздухе и несло в себе какую-то огромную, темную силу и страсть. Они искали выхода и не находили и рвали Ванькину грудь тоской, зловеще вспыхивали и гасли в темноте и разгуле и вновь разгорались, обнимали Ивановскую ночь с ее весельем и грустью.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

И не даром притихла деревня грозной тишиной: Орел был страшен, страшнее, чем когда-либо: он был, — всем на удивленье, — изрядно кем-то побит и шел по деревне без фуражки, в белой рубахе с отшитым воротом, беспоясой, кой-где изодранной и заскорузлой от засохшей крови настолько, что она дыбилась коробом и шумела.

Меня били — колотили
В полюшке под елочкой,
Прибегала отнимать
В юбочке с оборочкой... —

пел Орел как бы в раздумьи, словно рассказать хотел песней, как его там где-то отделали. Курчавые темные волосы, слипшиеся от крови в вихры и сосульки, топорщились к небу, как у грешника, и шептались о чем-то с мягким ветром.

Разведу я, разведу
Двенадцати-боровую,
Коли спит, так разбужу
Милашку чернобровую! —

пела гармонь мечтательно и тоскливо и пел за ней Орел, всклокоченный, страшный и тоскливый, как и его пьяная душа через край.

У высоких качелей среди деревни Орел столкнулся с Ванькой Дерябиным.

— Гулять идешь? — спросил тот, поджимая перья.

— Иду, — кинул Орел равнодушно и нехотя, как в пустое место, и продолжал шагать, попискивая тальянкой заунынь.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://library.ais.ru/

— А кто тебя избасил-то эдак, добрый молодец?— удивился сочувственно Дерябин и окинул любопытным взглядом грозного бойца.

— «Ну и ну!— и на Орла, видимо, нашелся ястреб»,— подумал он про себя.

— Дубровинские, чорт им в душу!— мрачно уронил Орел.

Дерябина забрало любопытство и он пошел с Орлом рядом, продолжая допытывать:

— Где они тебя взяли-то?

— В Новосельском перелеске под дорогу вышли, уходить меня хотели совсем до могилевской...

— Ой и знатная, поди, была драка?

— На что уж лучше... вишь как они меня, а? Ну и я их не шадил, шептал в бока без секретов... Человек пяток поди и сейчас там дрыгают ногами с похмелья, ежели не увезли их оттудова до больницы.

— Да ты, парень, не укокал ли кого тамо?

— А чорт знает — может и укокал... чертил, куда попало: под микитки, так под микитки, лишь бы самому отбиться живу.

— Да за что они на тебя-то налезли, дурачье?

— Эх, друг,— за пасху: я тогда Ивану Животику лоб рассадил бутылью за то, что скверный самогон продает дороже царской водки... Ну, а кто это бузит здесь?

— Тимоха Кубарь... Он на тебя зубы точит за доронинскую кралю, шатию подпоил на тебя грянуть...

— О! Ну, так дать ему по шапке, что ли?

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Брось, парень, уходи подальше лучше... Здесь много кое-кого на тебя злится — неровен час — убить могут...

— Не уйду, — пусть попробуют — ожгутся...

И Орел развел тальянку:

Если надо вам подраться —
Засукайте рукава,
Поглядите по карманам:
Обороня какова.
Эх, сударушка Варварушка,
Веселенький глазок,
За тебя, моя хорошая,
Ударили разок.

Вышел Орел на средину околицы, сплясал вприсядку под свою игру на потеху гуляющим, гикнул, топнул и пошел с песнями на задворки к избе одинокой, красивой вдове-солдатке, разводя тальянкой:

По тебе широка улица
Остатний раз иду,
Замечай, моя сударушка,
Походочку мою!

Дал перебора на рыдающих басах и заиграл с иронией на тонких голосах обиженно и негодующе:

Про меня-то что сказали,
Что ночую у вдовы,
Я и то не опечалился,
Не вешу головы.

Стукнул в подоконник, постоял, посвистал задумчиво и вновь стукнул. Открылось окно, высунулось моло-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

дое, загорелое лицо с золотисто-карими глазами, мелькнула рука, торопливо застегивающая на груди рубаху. Нежный, грудной голос спросил ласково и робко:

— Ваня, ты это?

— Я, моя голубка... Отпирай, да встречай дружка.

Брякнула калитка и пропал Орел в темноте и ласке.

Притихшее гулянье вновь зашумело, задвигалось, запело на высоких нотах залихватскую песню:

Тимку Кубаря забрили —
Вся деревня охнула, —
У теленка на брюшине
Перепона лопнула!

— Ух! — ух! — подъухивала шатия.

Только две стройные красивые девушки из двух разных партий, всякий раз проходя мимо солдаткиной избы, почему-то оглядывались в темный проулок, куда ушел Орел и никто не видал, как одна из них украдкой смахнула с золотых ресниц скупую слезинку...

II.

Тимоха Кубарь вновь разошелся во-всю и клубил пыль по дороге вприсядку, размахивая ножом.

Милиция пробовала было его обезоружить, но повредила себе глаз, потеряла в драке зуб и строчила теперь на Тимоху яростный протокол у Митьки Колесова, запивая обиду пивом.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Деревенская охранная тройка, выбранная по случаю праздника в помощь милиции для водворения тишины и порядка, давно ткнулась в землю рогами и в небо копытами и храпела солидарно с сельским председателем в мерзости своих извержений.

Мы бивали старосту,
Не боялись аресту,
Бьем теперя старшину,
Наблюдаем тишину! —

выкамаривал Алешка Пузырь, поддразнивая Дерябина, вызывая на драку соперника. Дерябин тоже землю драл, набираясь храбрости ударить оравой на ободьинскую шатию.

Деревня гуляла, пела, плясала, поднимая пыль до неба, бродила парами, целовалась в укромных местах, справляла любовь и ненависть и неслась в неудержном разгуле, как дикий конь по степи, неслась во всю вольную волюшку по игре случая...

— Катай, родная, — везде гладко!..

Вот, на краю деревни у крепкой опушенной избы Артема Чалого глухо плеснулись колья по чьей-то спине: — это, должно-быть, Алеху Пузыря из Ободьева Ванька Дерябин в работу взял — за Машку Чубариху.

Просыпались в разгуле старые обиды и начиналась расплата тут же и чем попало. А то ведь и без обиды можно — руки зудятся, чего ж не ударить, коли рожа не по нраву пришлась? За что, вот скажем, сейчас Тимоха Кубарь полбороды выхватил с мясом у Ивана Типуна, когда он его и не видал никогда раньше?

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Деревня шумела...

— Где Орел? — орал Кубарь, дико вращая глазами, и тряс за ворот Михайлу Денисова, — подавай сюда Орла — я из него окрошку сделаю...

— Где... известно где: — опять, чай, к подруге своей улизнул да в полог с ней закатился дрыхнуть, где ему больше-то быть? — ворчал Михайла, мужик лет 35-ти—здоровенный, коренастый с бычьей шеей.— Небось, там, — продолжал он, освобождаясь от Тимохиной руки, — знает кот, где мясо получше — ни девкам ни бабам спуску не дает, а добрым людям покою... Диво — не убьют, дьявола, — никто не пожалел бы!..

— А вот мы его сейчас упокоим... Проводи, покажи, где он...—и Тимка потянул за собой Михайлу, сам не зная куда, единственно, чтобы с места сдвинуть.

— Постой, парень, дай кол взять покрепче, а то он, пожалуй, взвизданет так, что Москву увидишь, попади ему в лапы, так собакой взвоешь... В третьем году он дал мне такую затрещину, анафема, — до сей поры в ушах звенит, — я ему попомню... Попомню, как он меня, ядрена курица, в моей же избе обидел,— я ему покажу, разбойнику, как Мишку Денисова обижать...

И взяв здоровенный кол у поленницы, повел Тимохину шатию к Марьиной избе.

— Куда вы поперли-то, други? — спросил Дерябин Ванька, идя навстречу с Машкой Чубарихой, прижи-

С 196373.
СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/
КНИГОХРАНИЛИЩЕ ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ г. СВЕРДЛОВСК

мая плотно здоровенную девку. Машка сияла праздником, жалась к парню плотным, широким станом. Красный передник с незабудками топорщился на юру и лип к коленям.

— Орла Ваньку бить, — пробурчал мрачно Тимоха, глядя исподлобья тяжелым бычьим взглядом потемневших глаз, — идем с нами, — предложил он.

— Благодарю покорно, — насмешливо поклонился Дерябин, — у меня еще шея по ноже не плачет... — Да какого чорта вы зевали, когда он на улице-то выплясывал, а?.. Небось притихли, шумаркнуть не посмели, а теперь храбры, когда его не видно? — Накладет он вам, как богатым — вот увидите...

И Ванька побрел дальше с девкой, шаря лапой по дебелой груди краснощекой подруги. Тимоха скрипнул зубами ему вслед:

— Погоди, и до тебя доберусь, — проворчал он свирепо на справедливую насмешку, — тоже Ванькина поля ягода...

Тихо и угрюмо взглянула на них Марьина изба темными ночными окнами, точно затаила беду, и прижалась к земле белыми лапами новых стен — вот, вот заурчит, залает, ощетинясь, как бульдог...

Озлился Михайло на деревянную тайну да как бряк-нет со всего плеча колом по раме.

Ахнула изба и присела на аршин от боли.

— Дзинь, дзинь, дзинь! — задребезжали стекла стеклянными слезами, ухнули кресты в раме, только осколки заплясали со стуком по полу.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ай, ай, господи, что это такое? — закричала испуганная Марья, вскочив в ужасе спросонья.

— Как что? — видишь, рамы бьют, — отвечал спокойно Иван, вскакивая с кровати, — за моей душой пришли, видимо.

— Дзинь, дзинь, — заплакала вторая рама.

— Ах, сволочи, все окна выхлещут... — взметнулся Орел.

— Эй, кто там?—рявкнул он, шаря по полу около кровати.

— Дзинь-дзинь, — раздалось в ответ у третьей рамы.

— Ах, дьяволы, — с бесконечным бешенством вырвалось у Ваньки, — Марья, где топор-то у тебя, давай сюда живо топор!

А чего там топор? Марья только верещит да за рубаху Ванькину хватается: и рам ей жалко и дружка бережет. Видит парень — от бабы плохая помощь в этакой беде, вырвался из цепких бабьих рук, цоп нож с ремня у висевших на стене брюк и метнулся босой, в одном белье, в разбитое окно на улицу.

Противники не ожидали такой дерзкой вылазки, они сами думали нагрянуть лихим набегом в избу через разбитые окна.

Не успели глазом моргнуть, как Ванька уже бешено резался, ускользая от ударов, как прыткая кошка: черкнул в бок одному, в спину — другому, в плечо — третьему... минуты не прошло, как половина шатии уже визжала и ерзала по земле, вздрагивая от ран и страха, а другая наутек пустилась.

*

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Врешь, сатана, не уйдешь, — скрипел зубами Ванька, гонясь за Кубарем и в несколько огромных прыжков догнал врага, — не даром его видно Орлом прозвали, — забежал вперед и засадил нож до черня в Тимохино брюхо. Тимоха рухнул с глухим стуком на землю закатив глаза под лоб.

А Ванька уже сидел на спине Михайлы Денисова середи околицы и утюжил дюжего мужика обеими руками и в хвост и в гриву, охаживая черенком огромного ножа по лопаткам. Дубасил и приговаривал: не бей окон, не води ребят под нож, не тревожь людей...

И еще наказ: — ежели не исправишь Марье рам да стекол — сейчас же вот кожу со спины и задницы на стекло сдеру! Говори: — вставишь?

— Вставлю... — прохрипел Михайло, — отпусти только...

— А поденщины ей доработаешь за сено?..

— Доработаю... — простонал тот.

— Ну, иди!..— И Ванька дал ему киселя на дорогу в заднее место, а сам опять ушел туда, где хорошо зимовать ракам...

III.

Михайло приплелся к себе со срамом и не знает, куда глаза поднять — всюду ему мерещится насмешливый взгляд. Шутка ли! — вся деревня видела, как Ванька сбил его с ног, шарахнув чем-то по башке,

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

оседлал его в одних портищах, да так наклал в загорбок, что любо. А ведь он, Михайло-то, целый день, спьяна, хвастал, что Ваньке зубы выбьет за старые обиды. — Эх!.. стыдобушка!..

Хлебнул с горя со свояком Сенькой и забушевал:

— Топор, топор мне, я его, дьявола, мазурика — у-у! — и он ударил по столу кулаком,—только чашки звякнули.

— Анисья! — крикнул он жене, — принеси топор, — я ему покажу, поджарой собаке, как Михайлу Денисова бить! На куски искатаю эту сволочь. — А-а! я ему покажу...

— Сенька, а Сенька, — помнишь как я в парнях гулял? — почище еще этого Орленка — куда ему до меня... — хвастал он. — И он, песья рожа, смел меня дубасить, а? Он еще смел мне наказывать стекла вставить этой сволочи, пахать у ней, а? Меня, Денисова Мишку,—да я...—И он тяжело поднялся с лавки, обводя гостей осовелым взглядом. Те притихли, чуя беду.

— Ишь ты... да я не только ей стекла вставлю, я всю ее хибару по бревну раздерну, я их упокою тамотко...

— Анисья, тебе говорят, — подай топор, иду Ваньку Орла рубить...

— Полно-ко не дело-то баять, атаман какой нашелся: он пойдет с Ванькой драться, — храбрец какой, подумаешь... — съязвила Анисья,—наклал он тебе в загорбок-от видно мало, хочешь, чтобы еще навозил, как грешнику.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booklib.ic.ru/

Михайло опешил от неожиданной выходки жены. Он чувствовал себя в эту минуту таким героем, что на редкость всей земле, а жена низвела его перед всеми сродниками на степень трусишки и обидела его в самых лучших чувствах. Он ожидал увидеть у всех робость, покорность и преклонение перед своей смелой отвагой, удивление перед подвигом, который он был намерен совершить, а тут, нако-ся, какая штука... и он пришел в ярость.

— Ты... ты... ведьма шилохвостая, еще смеешь мне возражать такие слова, а? — и Михайло грозно шагнул к бабе.

Та опасливо попятилась.

— Тебе говорят — подай топор!

— Подам, как же, дожидайся... — Ищи сам, коли такой герой нашелся, — у нищих лакеев нет...

— Я те дам, — нет, я те покажу, стерва, как со мной разговаривать! — Ищи, сатана, — живо — ну!

— А вот не буду, краснорожий бес! — Гля чево не бил Ваньку, когда он тебя здесь на дому утюжил, гля чево его не бил у Марьиной избы или вот на дороге, когда он тебя дубасил — только шерсть летела? Дома-то передо мной храбер, а сунься-ко к Ваньке, попробуй, сунься, ну, сунься герой этакий — он с тебя пять шкур спустит со штанами вместе... Четверых приятелей твоих уж в больницу отвезли... Кубарь удалей тебя, а и тот кишки на дорогу выпустил — не сегодня-завтра на покой пойдет... И тебе туда захотелось?

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.vgaic.ru/

— Ах ты, сатана длинноязыкая, ведьма семиперстная! — Делай, что говорят, а нет так — на! — и он ударил бабу по уху, — на еще, вот еще, еще!.. и он осыпал ее ударами тяжелых кулаков.

Та присела с воплем на пол, закрываясь руками от затрещин.

— Родные вы мои! — взмолилась баба, — чего вы смотрите-то? — убьет он меня, — ой, ой, ой!.. тошнехонько! — стонала она под ударами, — вяжите его, ирода, скорее ... Ой, царица небесная, убил, караул! — заревела она не своим голосом, когда Михайло пнул ей тяжелым сапогом в живот.

Родные, видя, что дело плохо, окружили буяна и дернули сзади. Не тут-то было: Михайло бешено рванулся, высвободил руки и сгреб Анисью за грудь. Дернул и потряс так, как-будто хотел у ней душу из кофты вытряхнуть. Вытряхнуть-то он не вытряхнул, но кофту раздернул всю как есть с плеча до подола. В образовавшуюся прогалину могла проскочить не только душа, но и вся Анисья.

Она ругала мужа на всю деревню, пока его вязали веревкой и полотенцами... Михайло барахтался и крыл ее родительски и так и сяк.

Связали раба Михаила, аки Лазаря пеленами, и положили для трезвости на голый пол, по соседству с ухватами и угольной корчагой, в заднем углу у печи.

Михайло, видя, что дело его проиграно, взмолился с раскаяньем и на самом деле запел Лазаря.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://prokline.ru/

— Сеня, милый, — обратился он к свояку, — будь друг — развяжи, не дай в обиду, а, — Сеня!..

— Ну, ну, лежи, брат, теперя, как не умел умно себя держать, — заметил тот внушительно, опрокинул в горло чашку самогона, крякнул, обтер усы и закусил рыбником.

Михайло заморгал от зависти.

— Кушайте, гости дорогие, — хлопотала Анисья у стола с тусклым «комиссариком», струившим жидкий свет на стол с яствами, — не глядите на него, на разбойника...

— Ишь, хозяин тоже, — пнула она Михайлу, проходя за пирогами в задний угол...

— Тьфу, бесстыжий! — плюнула она ему в рожу, проходя назад с полной тарелкой пирогов.

— Ты чего плюешься-то, сволочь? — заворочался озлобленно на полу Михайло, стараясь вырваться из пут и наказать обидчицу за такую несносную обиду.

— А чтобы ты умней был! — и она плеснула ему в бороду ополосков из блюда.

— У—у, паскуда! — зашипел Михайло с бесконечным бешенством, задыхаясь, кашляя и отплевываясь,— погоди ужо, я те покажу, как надо мной издеваться-то, ведьма сухопарая!

— Улита едет, когда-то будет, — ответила она и, поддев огромную ложку молочной овсяной каши, шлепнула мужу в усы, под общий хохот сродников.

Обалдевший от ярости Михайло чуть не задохся от гнева и каши и долго отфыркивался закупоренными носом и ртом, барабаня враз по полу связанными

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ногами, — никак не развяжешься, крепко смотали, не шутя. Потом притих, чтобы хуже не было от вздорной, бесшабашной бабы, но обиду затаил на случай.

— Погоди, доберусь, — ужот-ка, дай срок — под орех отделаю, — думал он и повернул лицо к пирующим. За столом калатырили дребедень теща, жена да свояченица, а свояк Сенька сидел на просторе и орудовал, как командир с батареей пустых и полных бутылей.

— С праздничком, свояк! — хихикнул бесстыжий Сенька и плюхнул в рот вторую чашку. Михайло только слюнки глотнул — мученье да и только.

Дорого бы он теперь дал, чтобы быть на свободе и командовать по-своему. Злость и обида, как аспиды впились в душу, а наказать он не в силах не только Орла, но и свою сухопарую волчицу даже.

Пожалуй и каяться начал, что погорячился зря: сидел бы вот теперь, да дул пиво с самогоном, пока пуп не затрещал...

— Эко дело-то, а? — горевал он...

А Сенька пьет уже третью, шельма.

— «Ах, сукин сын, — пьет ведь и то!» — Михайло заворочался от зависти. Сенька выпил и, крякнув, обтер усы. И Михайло крякнул, — только зря — в сухомятку.

А с улицы луна лила мягкий, зеленый свет в избу, проложила через Михайлу светлую дорожку, обняла беленую печь за угол и сиганула к дверям. В углах пугливо сжалась темень и, казалось, взвиз-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

гивала вприсядку под тальянку Васьки Жукова, а тальянка пела:

Сидит парень на крыльце
С выраженьем на лице,
Выражает на лице,
Что сидит он на крыльце!

А Ванька Дерябин залихватски отхватывал на вятке в другом конце:

Захотелось старику
Переехать со старухой за реку,
Поднялася ночью буря велика,
Закачало со старухой старика!

И-и-х!

Хорошо тебе, подружка,
Как игровый возле бок,
Он сидит да увивается,
Как сизый голубок! —

звенели и рассыпались серебром по улице девичьи голоса.

Все на жеребей надеялся,
На ростик маленький,
Как же мы теперь расстанемся,
Цветочек аленький? —

грустил рекрут.

Ой, дождичек пойдет,
Скоро нас обмочит,
Сидит рекрут на печи,
Веретена точит! —

смеялся другой.

Все на девушку надеялся,
На ласковы слова,
Провела меня красавица,
Как голубя сова! —

горевал третий.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksiraic.ru/

Деревня гуляла и рвала голубую ночь в лоскутья.

Гуляла и Михайлова изба, приседая толстым задом под тальянку, задрав деревянный платок с кирпичным носом в небо.

Сенька наливал четвертую...

— Сеня, — прохрипел Михайло сухими губами, — поднеси единую.

— Изволь, друг, отчего не поднести — поднесу.

И Сенька, раскорячив ноги и расплескивая из чашки самогон, заковылял к свояку на полусогнутых ногах, пробиваясь сквозь строй сродников. Сродники переглянулись неодобрительно.

— Куда ты? Зачем ему? — лежит и так! — загалдели они.

— Ну, нет, — надо уважить человека в эдаком положении... доведись до кого хошь... нельзя так зря кидать в охвостье... — возразил добродушно Сенька от великой простоты и, подняв голову Михайле, опрокинул ему чашку в рот, расплескав половину на рубаху. Тот крякнул.

— Закусить бы... — попросил он, морщась с пережженого зелия, как с самой свирепой хины.

— Эх, брат, — вздохнул Сенька утешительно, — оближи усы да бороду — вот тебе и закуска... На них тутотка, я чай, с полфунта каши нависло — чего еще надо?

Михайло вспомнил Анисьино угощение, лизнул в сердцах и плюнул с отвращением.

— Не... это не закуска... в самогоне теперятко... Тьфу...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Не пропустишь ли еще штучку? Право, дерябни, а? — спросил Сенька с участием.

Михайло мотнул головой: — налей!

— Опроська, — крикнул Сенька жене, — дай-кось сюда бутылину-то!

Та подала. Сенька, трясясь, на карачках, налил другую.

— На, брат, сродникам на утешение до дна качника! — вот так...

После второй Михайло закашлялся, подавившись: Сенька ему качнул так, что он не успел проглотить всего сразу.

— Анисья, — пропищал он, задыхаясь, — закусить бы чем, а?

— На, милый, закуси! — откликнулась Анисья, сгребла блюдо с молодым молоком и опрокинула на Михайлу. Тот едва успел рот разинуть, гневно изумясь неотвязной дерзости, а молоко потекло по лицу, бороде и шее за рубаху.

— Анисья! — взревел он, — за что ты надо мной измываешься, стерва? — и вновь сделал яростную попытку освободиться от веревок, как муха от паучьих тенет.

— За колотки, да за обиды твои, — вот за что, дорогой. — А это вот тебе за кофту изодранную, за последнюю нашу кофту! — и она выплеснула ему остаток ухи в бороду.

Михайло заплакал от злости, с полным сознанием своего бессилия отплатить бедовой бабе за такие издевательства. — Эх, будь бы он вольным, — он бы ей

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

расчесал гриву! А теперь катайся в мерзости, как боров какой, в грязной луже да в мокрести.

— Не плачь, свояк, — зря это — выпей лучше — все пройдет!.. — и Сенька приставил бутылку к губам свояка.

Тот мигом утешился и начал сосать горлышко, как ребенок соску.

— Буль, буль, буль, — пела бутыль, пела до тех пор, пока был голос. Не стало голоса — и вина не стало.

Опустил Михайло голову на пол и задумался горько. Теплыми мягкими волнами покатился по телу хмель, ударил в голову и закружил. Замелькали в глазах каруселью синие, красные и зеленые огни, закачалась изба, сорвалась с места и понесла куда-то Михайлу, поскрипывая половицами, ажно полати завизжали. Заерзал Михайло по полу, пытаясь подняться — и не может...

— Что такое? — мелькнуло у него в голове тревогой и погасло. Наконец, он догадался, что был связан и чем-то обижен до-нельзя крепко, но чем, не может вспомнить.

— Сеня, — захрипел он, — развяжи.

— А шалить опять не будешь?

— Нет, не буду... Зачем шалить? Я не маленький, чай...

— Ну, то-то ли, смотри, — предупредил внушительно Сенька и стал развязывать с пьяной неуклюжестью.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Зачем это? — накинулась Анисья, — напоил да еще и развязывать, чтобы он все прибил вдребезги? Нет уж ты не тревожь, оставь, пущай проспится.

— И то ладно, — согласился Сенька.

— Полежи, свояк, а я покеда выпью.

И Сенька уполз за стол, оставив свояка в луже.

Михайло заворочался.

— Сеня, а Сеня, — что же ты меня оставил-то так? — Развяжи, Сеня...

— Анисья не велит! — отмахнулся тот, принимаясь за новую бутыль, — ему теперь не до свояка было.

— Анисья, дорогая, развяжи, — взмолился Михайло к благоверной, позабыв обиды.

— Дрыхни так, коли не умен во хмелю! — отрезала Анисья с сердцем.

— Анисьюшка, что я тебе сделал такого? За что на меня серчаешь-то, Анисьюшка? Прости ты меня, грешного, — развяжи. Дай посидеть-то с родными, поглядеть-то на них дай...

— Ну тебя к лешему, замолчи, греховодник лютый!

— Анисьюшка, за что меня ругаешь-то? Чем я тебе досадил — скажи? — чуть не плакал Михайло.

— У, бесстыжий! — не знает будто: всю исколотил в шишки, кофту изорвал в клочья — вот чем, бес краснорожий!

— Кофту, какую кофту? — заворочался с испугом Михайло, чуя какую-то беду.

— Кубовую, — вот какую, что б тебя рòзорвало!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Кубовую? — грустно спросил он...—Гм... кубовую—вот оно что... так-то...—соображал он, беспокойно вспоминая что-то.

— Кубовую? Неужели — кубовую? — встрепенулся он вдруг и дико поглядел на Анисью.

— Вестимо, кубовую... А то какую же?—с досадой ответила Анисья, прибирая на столе.

— Мать честная, кубовую... что же это я, а? — спросил он себя горько, — как же так? Как же быть-то теперича? — Вот оно как — кубовую! — и он, наконец, заплакал, повторив сотый раз — кубовую... Заснул и долго ворочался во сне, со стоном бормоча что-то, спросонья, грустно и жалобно...

Скоро угомонилась и заснула вся изба Михайлы, похрапывая там и тут и чавкая спросонья губами, как-будто и во сне продолжала справлять гомеровскую жратву.

Постепенно и на деревню сошел угомон. Кой-где тявкнет запоздалая тальянка, тявкнет и, чуя, что веселья никто не поддерживает, засовестится и замолчит. Большинство ребят и девок разбрелись по ночлегам в знакомые дома или утянулись в свои деревни. Остались только наиболее горячие сердцем любовь крутить в укромных местах — где-нибудь в крыльце или на задворках под телегой.

IV.

Жидкий свет голубого утра заструился в окна Михайловой избы, на задворках и полях задышали

Сонь им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

и задвигались туманы, уползая и тая в зеленых лощинах. На насесте петух уже трижды тряхнул красной жилеткой и пропел в потолок заздравную песню новому дню, когда Михайло поднял похмельную голову и повернул красные глаза к голубеющим окнам. Повернул и зажмурил не то от света, не то от боли. Чердак его трещал так, как-будто тридцать кузнецов били в виски молотами. В груди мутило, тошнило варило, першило. Чохнул Михайло под лавку, потянуло еще, да так, словно душу вытягивали сапожными тисками. Скоро Михайло одесную и ошую плавал в блевотине, как библейский пес, и, сгибая и разгибая связанные ноги, заерзал по полу, как червь, от содеянного им...

Отполз и, слушая как бурлит пьяная кровь по жилам и стучит в висках, колебля потолок и стены в пловучем тумане, стал припоминать случившееся за прошлый день. Припомнил, — и ему стало стыдно за вчерашнее: и за позорный набег на Ваньку и за скверное поведение на дому. А когда вспомнил, что он изодрал на жене последнюю кубовую кофту — ему стало стыдно вдвойне, стыдно, досадно и больно, словно он потерял что-то бесконечно дорогое, без чего неинтересно и жить на свете... Шутка ли? — последнюю кофту, а ведь когда-то в старое, доброе время их было у жены целых три, и все кубовые из добросовестного ластику с белыми горошинками по кубовому полю, — а это много значило, чорт возьми!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Для человека легкомысленного, мало понимающего в интимной жизни вообще, а в жизни Михайлы в особенности, такая потеря единственной, последней кофты из трех, с белыми горошинками по кубовому полю, была бы, пожалуй, совершенным пустяком, о котором и говорит не стоило, тем более, что у Анисьи была еще не одна кофта и целых два капота, но кубовой кофты не осталось ни одной — заметьте это. Вся штука в том, что кофта эта была именно кубовая, а не какая-нибудь кумачная там, али алая,—пусть хоть из персидского шелка, — все равно. Но почему именно кубовая кофта имела такую цену в глазах Михайлы, что потеря ее потрясла его до крайности, даже до слез, — а ведь он не охотник плакать?

В первый раз увидал он Анисью в Андронове на гулянье, в спасов день, верстах, эдак, в семи от своей деревни. День был веселый, солнечный, гуляли на высокой зеленой горе над речкой на андроновских задворках. Кругом верст на двадцать были видны деревни, разбежавшиеся по горизонту, как вспугнутое стадо овец от волков; желтели наполовину сжатые нивы, колыхался белый овес, темнели леса и перелески. Вдали блестела синей лентой Шексна, попыхивали пароходы, мурлыкал на пригорках ветер, плыли над головой курчавые барашки, да солнце шагало по полю в золотых лаптях.

Андронова гора пестрела от ярких девичьих нарядов. Белые, голубые, алые и красные кофты и платки

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

резали ярко глаза, шелестели и переливались на солнце цветной радугой с изменчивостью и непостоянством девичьи сарафаны и рубахи парней с узорными поясами, с огромными кистями. Живой и пестрый цветник двигался и гудел густыми толпами, будто вся гора шевелилась. До десятка тальянок ревело во все меха, казалось небо покачивалось голубой люстрой от песен и разливной игры.

Тихо тилилинькала тальянка в руках Михайлы, как бы про себя под серебро мехов шептала, звончатую грусть, голубиная песня на белых крыльях трепетала в воздухе на зеленом юру под ветром.

Эта чья полоска с краю
Низенькая жнивушка?
Эту кто полоску жал?
Не моя ли милушка? —

разгадывал Михайло, глядя мечтательно голубыми глазами вдаль, где сиял золотыми луковицами церквей на далекой горе Череповец. Тальянка грустила, играя на солнышке серебряным переливом мехов, глухо рокотали басы тоску, плакали, взвизгивая по-женски тонкие голоса, переплетались, свивались, неслись вместе и — заворчали внезапно гневной ноткой:

Полно, белая береза,
Над рекою бушевать,
Полно, глупая девчонка,
Надо мной озоровать!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ты чего пиликаешь-то, как по покойнике, кляпте в пальцы? — заметил Михайле высокий, белобрысый парень — Митька Гудок,—ну-ка, рвани под пляску!

Мишка рванул. Гудок дернул плечами и начал чеканить под орех, только сапоги засияли от счастья:

Эх, пошел плясать,
Дома нечего кусать —
Сухари да корки,
На ногах опорки! —

взмыливал он по бурой траве трепака, только рубаха на спине завздувалась горбом.

Ты играй, играй тальяночка,
Недорого дана —
Я от пасхи до казанские
Работал на тебя! —

подпевал Мишка.

С той сторонки подувает
Ветерок холодненький,
Всю недельку прождала —
Не пришел мой родненький! —

пела навстречу девичья орава.

Михайло обвел девок привычным, равнодушным взглядом и остановился на одной, расширив глаза удивленно и весело.

Милая поет, поет,
Дотронуться не дает, —
Надену беленький картуз —
Как-нибудь да дотронусь! —

выкамаривал Гудок.

*

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

А Михайло и играть перестал, устремив голубые глаза на одну девушку, глядел во-все и наглядеться не мог.

И было на что: высокая девушка со смуглым лицом цыганки, с черными глазами, с длинной, смолистой косой до пояса, отливавшей на солнце темносиним глянцем, — была, действительно, хороша собою. Правильный носик с горбинкой и алые, как спелая малина, губы вздрагивали от скрытой усмешки, черные глаза горели весельем и смело смотрели на парня. А у того и душа в пятки шмыгнула и трепыхалась где-то в голенищах, как курица в жар на дороге, от такого дива. Парень был покорён в одну секунду. Окончательно доканала его кубовая кофточка с белыми горошинками по темносинему полю. Горошинок было густо и каждая прыгала в глазах Михайлы, прыгала и хохотала задорно и весело — до упаду: вот-вот просыплются на землю, как из решета.

Не помнит, как прошел он мимо девушки, а когда очухался, — она была уже далеко. Он круто повернул назад и пошел вслед, глядь, а девки уже вновь идут ему встречу. Дрогнул Михайло, грахнули веселым смехом белые горошинки, закатались, запрыгали по кубовой кофте, черные глаза впились задорно в душу и остались там навсегда...

— Пойдем с нами гулять, молодец! — предложила одна из девиц, будто угадала, дьявол, что с парнем такая оказия.

— С нашим удовольствием! — ответил обрадованно Михайло, шибко покрасневший от смущения, и пошел

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

в девичьем ряду возле кубовой кофты, обдававшей парня то жаром, то холодом.

Парень крепился изо всех сил и наяривал на тальянке соблазнительно и лукаво, как сам сатана:

Сероглазенькая девушка,
Глазком не поводи.
Ты сама неладно сделала, —
Сказала: — не ходи!

С этих самых пор и началось у него знакомство с бойкой Анисьей. Так как она была девушкой бедной и наряду у ней по бедности было очень мало, то она очень часто появлялась пред голубые Михайловы очи в кубовой кофте. Немудрено, что влюбившийся Михайло настолько привык к такому виду своей игровой, что иначе и не мог представить себе Анисью, как в кубовой кофте. Эта кофта не давала ему покою ни днем, ни ночью—вечно в глазах, что̀ бы он ни делал, точно сердце его было осыпано белым горошком...

И удивительное дело: сначала он увидит эту кофту, а потом и всю Анисью, как есть...

Ну и поухаживал он за Анисьей в тот год!

Ни слякоть, ни темнота осенней ночи, ни ураганы зимней не держали его: распушит хвост штопором, тальянку под мышки и шасть в Андроново на посиделки. А уж там и ухаживает около Анисьи, как новый гривенник катается у ней на глазах: то на ушко шепчет, да воркует, то пляшет — ажно пол ходит ходуном, то тальянкой разводит любовные песни — девке жару поддает, — как бес вьется над

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

девичьей душой. И играть научился куда как шибко — не даром домашним своими репетициями уши проиграл до дыр. А ведь ранее-то у него — «отвори да затвори, рукавицу потерял» — выходило еще туда-сюда, а остальное кое-как — не совсем, чтобы... А тут навострился так, что любо: как Соломон на гуслях наяривает.

— Ну да оно, положим, нужда научит калачи есть...

И труды его не пропали даром — девка стала к нему куда как ласкова, хотя вначале иногда, бывало, так поднимала парня на смех бойким языком, что он порою рад был провалиться к чертям в гости...

Чудное дело: когда увидит Анисью в другой кофте — розовой, али там в алой — у парня разом падает настроение на несколько градусов ниже, и он тогда делался угрюм и неразговорчив и на тальянке играл куда хуже, да и то под драку. Анисья ему в угоду стала всегда появляться в кубовом виде.

И вот случилось все таким образом, что у Михайлы все приятные воспоминания о пережитом счастьи стали неотделимы от кубовой кофты. Ради нее он ходил за семь верст чуть не кажинный вечер, несмотря на путь—погоду; ради нее он не щадил живота, никого из дерзких не допуская к своей святыне, хотя он и был, признаться сказать, не из храброго десятка — всемером одного не боялся, — но ради нее он готов был штаны потерять в драке. И не диво: любовь творит чудеса, и трус становится

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

героем под штандартом кубовой кофты... Но зато эта кофта отняла от него волю молодецкую.

Настало межговинье, запряг Михайло карьку в скочки, усадил в них родимую да дядю Якова и отправил к Анисье сватами. Дело вышло, как надо, хотя и переволновался он порядочно, на печке, ожидая вестей от сватов, и не однажды кричало у него петухом сердце при каждом ложном шорохе, который ему казался скрипом возвращающихся саней...

Надо было, по обычаю, перед свадьбой невесте подарок купить, так он, голова садовая, все лавки в округе освистал, пока не нашел в одной из них кубового ластика с крупным белым горохом и тяпнул сразу на платье с кофтой — на целую трешню трахнул, хотя он в иных случаях куда как прижимист был. Подивилась Анисья его подарку — кубовый цвет ей надоел до смерти, как свидетель бедности и скуки, но она и вида не показала, что не такого от него подарка ждала: по крайней мере, надо бы белое на подвенеху. Но сошло и так — что делать, раз жениху такое нравится?

Женился Михайло и зажил с Анисьей...

Анисья оказалась довольно сварливой бабой, нрава непокорного, бойкого. Свекровь тоже не была смиренницей и по древней традиции хотела было сноху в щель зажать как таракана. Но нашла коса на камень: Анисья ей стала так отчеканивать, что у старухи от злости зеленые огни в глазах замелькали. Пошло и пошло — каждый день в избе дым коро-

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://booki.gic.ru/

мыслом. Не прошло и месяца, как Михайло с молодой женой в отдел пошел от матери на чужое подворье.

Через год уже жил в своей новой избе. Лет через пять, благодаря смекалке и неустанной работе, раздышался, земли прикупил, скотом обзавелся, а потом и в легкий добыток пустился: переторжки скотом делать начал, мужиков объегоривать — мясником стал. Мужик вышел из него плутоватый — палец в рот не клади — стрескает так, что за ушами пискнет. С Анисьей жил не то, чтобы так, не то, чтобы и эдак, ласкать — ласкал, и печать прикладывал со щеки на щеку. Чудак он был порядочный — по крайней мере, так казалось соседям да и самой Анисье.

Дело в том, что самые крупные ссоры, кончавшиеся часто обоюдной дракой, вертелись около одного колеса: носи да носи кубовый сарафан с кофтой, а Анисья не хотела носить — надоело ей до чортиков ходить все в одном да в одном наряде: казалось, конца-краю не будет этим кубовым кофтам. Износит Анисья одну, глядь, Михайло тащит из лавки на другую, а нет — так целый кусок сразу тяпнет — аршин в сорок. Заплачет баба с досады, а Михайло в брань да в драку. Беда да и только.

Ну, Анисья терпит, терпит да и лопнет: стибрит у мужа из кубышки рублей пять, глядишь — уж гуляет через неделю в красном сарафане по городской моде: среди белого дня с фонарями...

Когда Михайло в первый раз увидал Анисью и был покорен ею так сногсшибательно, кубовая кофта

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksonline.ru/

сразу стала ему роднёй: она подмигнула ему горошинками о чем-то таком, отчего у Михайлы дух захватило: из каждой горошинки пыхнуло жаром об Анисьиных чудесах и стукнуло в голову о бабьем теплом крае. Сердце замерло от предчувствия счастья, которое несла собой Анисья. И вот Михайло и попал на удочку, потерял голову и стал бегать за счастьем. А горошинки и кубовое поле засели в голову и строили там вавилоны, да такие, что руками разведешь— откуда что берется. — Было тут и лукавое счастье, и золотой день, и деревянный терем, и сад около с душистыми яблонями и стеклянной беседкой — точь-в-точь все так, как у Ивановских бар. А в беседке он, Михайло-то, пьет чай с вареньем, да с Анисьей целуется, одним словом — малина дело.

А как женился Михайло — ни терема, ни беседки нет, а чай иной раз приходится пить из надтреснутой чашки, без сахара — какое уж там варенье! И день не золотой и счастья нет особенного, оттого, что достатка нету.

А раз так, то надо этот достаток добыть — не мытьем так катаньем. И Михайло мыл и катал — работал да плутовал, да на кофту поглядывал. Взглянет — засмеются горошинки, поманят счастьем, напомнят о тереме и шепнут ему: старайся, мол, да как грахнут по всем дорогам в кубовом поле — Михайле и весело станет и вражду позабудет, а первые любовные деньки так и загуляют в глазах в кубовом свете по голубому дню. Скажет иногда

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Анисье о своих думах, о другом житье-бытье по-хорошему, по-богатому, как большие люди живут, в роде, как бары, и любовь у них эдакая, особенная такая, мягкая и тонкая, в роде как батист и другое прочее в том роде... — Не поймет его Анисья, да и Михайло не может толком объяснить — слов подобрать не может, путает, путает, да и сам собьется, ляпнет иной раз такое, что Анисья со смеху покатится, а Михайло озлится и чуть не отдубасит непонятливую бабу...

Дальше, больше, шире — разлад пошел во-всю. Чем богаче заживает Михайло — тем греха больше идет, счастье от него убежало за тридцать поприщей, а ведь когда-то на Андроновой горе он вплотную перед ним стоял. И диво ведь — чем больше старается Михайло за счастье схватиться, тем оно дальше от него юлит. Михайло и так и эдак разворачивается — не дается, подлое. И дом другой, новый возвел, почитай совсем почти отделал, только печи сложить — и живи себе не хуже барина, и сад развел из молодых кружлявых яблоней, и беседку с билиндрясами соорудил — а счастья нет, как нет...

Кубовая кофта теперь для него была уже не одним напоминанием о его коротком счастьи — она говорила ему нечто большее. Тогда она сияла ему золотым днем на Андроновой горе, мерцала яркой лампой на посиденках, говорила о молодой красивой девушке, о пьяном счастье с малиновых губ Анисьи, от которой теперь и помину не осталось в начавшей блек-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.urai.ru/

нуть бабе. Теперь кофта манила его, звала куда-то в лучезарную даль к чему-то прекрасному и недостижимому, а куда и к чему — Михайло и сам не знал. Только крепко ему хотелось, чтобы Анисья стала другой, — кроткой, молодой и ласковой, тогда-то, думал он, и вернется к ней утраченная красота и вспыхнет яркий день волшебным светом над деревянным теремом и над беседкой с билиндрясами.

Вспыхивали в душе Михайлы какие-то неясные порывы и гасли, оставляя грусть о несбывшемся, о чем-то таком, от чего замирала душа и ныло сердце...

Сама того не зная, Анисья носила на себе в виде кубовой кофты целый мир Михайлы, лучшие его порывы — не даром так весело смеялись белые горошинки по кубовому полю, катались и звали Михайлу в светлую радость, в голубой край.

Мало-по-малу осталась от Анисьи только одна кубовая кофта — ничего больше. Носи эту кофту другая, скажем, Марья или Дарья, — для него все равно, а, может-быть, и лучше, ежели грехов будет меньше. Он и Анисью-то ласкал только за то, что она его знамя носила, а если не хотела — тогда скандал.

Вот уже Анисья пожелтела и осунулась и стала осыпаться, как береза осенью, стала костлявой и злой бабой, и кубовая кофта была ей уже не к лицу. И она носила ее с ненавистью, по традиции, единственно, чтобы муж не бил. Зато, когда его не было дома, она давала себе волю и тотчас переряжалась во что душе угодно.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Любовь у супругов испарилась, как дым, благодаря неурядицам из-за кофты и не диво, если Михайло стал изменять сплошь и рядом. Уезжая в город, кутил в домах терпимости, плакал пьяный о погибших мечтах на кубовом поле и шел в номер с барышней и потом вновь рвался туда. Дом терпимости с его музыкой и огнями, с раскрашенными модными барышнями стал казаться ему тем раем, о котором говорила в минуту светлой грусти об утраченном кубовая кофта. Пьяный дурман и танцы, мелькающие пары и красный волнующий свет создавали ему эту иллюзию и давали на час если не счастье, то хотя призрак счастья, сверкающий мираж.

Будь бы он послабей волей и дай разгул страстям— его домашнее благополучие пролетело бы в трубу, но Михайло был не таков—в самую забубенную минуту он всегда был готов на грош пятаков купить. И хозяйство его крепло с каждым годом, несмотря на запои. Крепла и власть Анисьи. В пьяном виде он стал ей поддаваться в тех случаях, когда бывал еле можаху. И частенько бедовая баба заставляла его считать носом камешки по дороге от Доронина, где была казенка, до Еремеева; две версты шел он, спотыкаясь и падая от толчков и наколпашников, а Анисья сыпала и сыпала ему в загорбок, доколе не устанет.

И за Анисьей тоже появились грешки. Баба хранила про себя крепкую тайну: у нее были от дружка Викторушки двое ребятишек, а Михайло был, конечно,

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

вполне уверен, что это его дети и ласкал их и любил, хотя они и были почти точной копией Анисьи.

Но вот кубовая кофта стала ему говорить совсем о другом, словно ее бес подменил. Поглядит теперь на кофту, а от нее так и прет хозяйским благополучием, так и топорщит в складках о выгодных сделках. Из каждой горошины так и тянет рыло новый подойник, новая корова, а нет так круглые, белые торцы бревен к новой избе. Каждая синяя пуговка пищит о доходах, черной копотью нечистых дел срамит душу...

— Хорошо бы отложить в кубышку столько двугривенных, сколько этих горошинок на кофте, — подумал он как-то.

И что же? Эта несуразная мысль засела ему в голову, как загвозда в топорище и через несколько дней удивленная Анисья застала Михайлу в горнице за странным занятием: лежит Михайло на полу брюхом, задрав в потолок ноги, растопыривает новую, еще ни разу не надеванную кубовую кофту, старательно, как древний мудрец, считает горошинки на кофте да записывает для памяти карандашом в бумажку.

— Что ты тут делаешь-то? С ума что ли спятил? — спросила, испуганная таким поведением мужа, Анисья.

Михайло покраснел от стыда и озлился на бабу, сбившую его со счета.

— Уходи! — заорал он, — не твое тут дело!

Вытурил бабу в три шеи — и дверь на крюк.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Вот на левом рукаве ровно 300 штук, — рассуждал он, накинув для круглого счета штук тридцать лишних: стало-быть, на обоих рукавах 600, да на двух ластовицах штук по сотне будет, — соображал он и решил, что всего горошин на кофте пять тыщ будет, а это по двугривенному тыщу рублев составит.

После такой цыфири сколотил Михайло деревянную копилку с отверстием в крышке и начал сыпать туда двугривенные. И этой затее предался со страстью — совсем скаредом стал.

Грянула война и оторвала Михайлу, как болячку, от мужицких заплат на фронт. За три года отсутствия мужа хозяйство рябнуло у Анисьи, крякнуло и опустилось; кубышка и копилка опустели, Михайлово серебро очутилось в карманах у Анисьиных дружков, да по наймам развеялось.

Революция, как гром, ударила в грудь Михайлы, в голове запели, заворочались яркие мысли о мужицком красовитом царстве, припомнилось все хорошее, что когда-то отмечталось в молодые годы, черная душа вспыхнула кубовым огнем, загорелись горошинки на кофте, как звезды, качнулась за плечами Андронова гора и понесла к голубому дню и яркому солнцу.

Прибыл домой Михайло с обновленной душой. Но грубо плеснула ему в неокрепшую новью душу мутная обыденщина, серые дни, голодные годы затопили, заплеснули ему кубовое небо, красные дни.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Оглянулся кругом Михайло и понял: вот оно что. Говорят — новое, да новое, — а где оно это новое-то? Может-быть, и есть это новое-то, да только вот мы те же все старые — найди вот это новое-то между нас — попробуй, поищи — эх!

Так и не нашел Михайло нового, да он и не искал. Поглядел только на Анисью: она все такая же, пожалуй, еще хуже стала, — как кошка драная. Изба все такая же — нет хуже: посерела, прижалась к земле плотней и выпучила глупые глазищи окон с задворок на околицу, как-будто чихнуть собралась. То же серое, тяжелое небо над головой, да шершавые, заброшенные, опустевшие без работы поля под ногами — все так или хуже, чем ране...

Не понял жизни Михайло и остался стоять на месте, а жизнь пошла мимо него яркая, героическая, полная глубоких драм и резких порывов. Толкала Михайлу в бока, а он только ругался и, зажмуря глаза, отворачивался, чтобы ее не видеть, не понимать...

Поглядел только на кофту — что она ему скажет? А кофта засмеялась ему в глаза всеми горошинками: — дурак ты, дурак, — прыгали горошинки, покатываясь со смеху на тощей Анисьиной груди, — ведь ране-то, чай, куда лучше жилось, чем теперь — проворонил, ворона, старое-то житье — эх ты!

И Михайло согласился, что ранее, действительно, куда лучше и складней жилось. А как только согласился, горошинки грахнули над ним раскатистым,

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

дробным смехом и лукаво подмигнули: — понимай, мол, как хошь, а мы тут так, не при чем...

Они смеялись и шептали, разрисовывая прошлое в розовый узор, а порою заставляли и врать через край. И Михайло врал и всему верил, о чем ему говорили горошинки, прыгая по кубовой кофте, а кофта водила его за нос по непроглядным дебрям в столетние тупики, откуда не было выхода на яркий свет. Михайло был этим доволен, и когда Анисья была в кубовой кофте, он ходил около нее петухом, распушив хвост до потолка и язвил о новых порядках и уже подумывал, как бы вновь всех объегорить и зажить на славу. Он начал гнать самогон во-всю, — хоть бы на этом пока выиграть кое-что...

...И вот теперь под хмельком, нечаянно изодрал своего идола в клочье, и рваное лоскутье валялось окрест его. Но горошинки уже не смеялись более — они тоже плакали, съежившись в смятых лепестках.

Плакали горошинки мелкими слезками, хмурилась кубовая синь лоскутьев, хмурились и Михайловы усы с насохшей кашей и плакали красные глаза спохмелья. Чуял Михайло, что после кубовой кофты осталось в душе пустое место и в это место неминуемо ворвется новая жизнь, против которой он так барахтался. Он сам изничтожил свое знамя, пусть невзначай, но сам — что теперя он без союзника-то? Купи вот его теперь, где теперь купишь-то, когда в этих кооперативах одна рвань продается, а цены такие, что шапка валится? И не найдешь теперь кубового

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ластика нигде, ни за что — хоть тресни! И какая после этого жизнь будет? Дело гиблое — скидавай портки да в воду. — Эх!

И он шмургнул пьяным носом под лавку, ерзнув по полу в свирепой тоске.

V.

Вошла в избу заспанная Анисья, зевнула во весь рот и почесала холщевой, крепкой исподницей живот. Потянула носом — пахло кислым перегаром и блевотиной, самогон резал нос и спирал дух.

— Тьфу, — плюнула Анисья яростно, — эк как накадили, пьяницы!

А в избе, как Мамай воевал, — все раскидано, разбросано, как попало; на полу лоскутья, грязь, мусор, огромные окурки самосадки — будто за ночь в избу не одну тележку разной рвани навезли...

— Анисья, — прохрипел Михайло, повернув к бабе отекшее, синее лицо с заплывшими с перепоя глазами, — развяжи.

— Уй, идол, глянь-ка, что наделал-то — хуже свиньи... Ай, яй, — потянула ее тошнота от Михайловых дел.

Зажмурив глаза и стараясь не дышать, развязала она постылого мужа и отвернулась с презрением.

Михайло облегченно вздохнул, расправляя затекшие члены, кряхтя и охая, поднялся на ноги и его сразу повело кругом, как леща на уде.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ай, ой, — чохнул он опять с нестерпимой тошноты, сгребя рукой полавочник, чтобы не упасть.

— Уйди, бес, вон! — завизжала на него Анисья, — уй, пакость бесстыжая, — тошнехонько мне с тобой!

И Михайло побрел, как виноватый пес, из избы.

Анисья, отплевываясь и ругаясь, заерзала тряпкой по вонючим лужам, бабьей мелиорацией осушая пол. Потом затопила печь и затопала туда и сюда с обрядом, нацепив на исподницу передник заскорузлый и засаленный настолько, — хоть голенища шей.

А Михайло в это время храпел на повети, задрав вверх моржовую бороду с ощетинившимися усами жидкого чайного цвета, подстриженных к празднику по-алтайски, храпел на огорбинах бревенчатого пола на самой что ни есть средине повети, загаженной курами и старой сенной трухой.

Раскрытые ворота повети поскрипывали на ржавых петлях протяженно и унывно, как древние бурлаки, расхлябанную деревянную песню, показывая голубые горизонты с белыми баранами, да старый амбар и сушило напротив. Но Михайло ничего этого не слыхал и не видал, хоть и ворочался спиной на жестких горбах и мычал что-то во сне старой скрипучей воротнице, как опоенный теленок солощим пойлом... — Должно быть от удивления.

Снился ему веселый сенокос.

Идет он нарядный такой в малиновой рубахе и в лакированных сапогах. Сапоги так и отливают на солнце жидким блеском. Душистый мягкий воздух

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ласкает щеки, жмется к груди теплом. Шумит под ногами высокой травой луг, качает красными цветами. Глядь — это клевер ластится по ветру крупными красными маковинами до пояса. И кругом туда и сюда до лазури горизонта целый океан красный качается волнами, плещет ветер красными гребнями, шевелит зеленую подошву волн. Поют медовые запахи, гудят золотые пчелы, огромное белое солнце улыбается во всю рожу с неба, меряет широкое поле циркулем лучей. А вдали-то, вдали горят на солнце яркие рубахи, рассыпались по красному полю скошенных валов, шевелят граблями широченные, высокие раскосы. — Тр-т-р-р, — трещит-верещит паровая косилка, попыхивая дымком и носится по полю, сваливая в раз целую полосу клевера, только красная рубаха машиниста хлопает подолом по ветру.

— Что это такое тут творится? — удивляется Михайло и сам не знает, отчего ему так весело вдруг стало — и весело, и диво берет: как-будто видал это когда-то, как-будто нет.

— Коммуна ведь это, — вдруг сообразил он; еще намедни про эту коммуну ему говорил Митька Гудок, когда шли из деминского кооператива домой вместях.

Чем больше смотрит Михайло, тем больше диво растет. Все ему тут кажется знакомым, все лица знакомые и работал он тут давно, как-будто. А вон и Митька Гудок улыбается ему навстречу светлой бородкой.

*

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru

— Денек-то какой, а? — радостно рассмеялся Митька и подает ему в руки грабли, — на, парень, работни, уж больно ты долго к нам не приходил, где хоть шатался-то, не варовая голова? — подмигнул он с укором, как за сердце ущипнул.

Взял Михайло грабли, молчит — не знает, где бродил, только чувствует, что все путался в каких-то тупиках, темных коридорах — еле на свет вышел...

Работает Михайло рядом с Гудком и все кругом работают легко и весело, да таково дружно, что один другого чувствуют, друг в друга бодрость льют. Зазвенела песня, закачалась, понесла куда-то в широкую, голубую даль по зеленым дорогам. Мощно и властно встрепенулась душа верой в светлую радость; задрожал Михайло бодрым холодком, голубем затрепыхалось сердце. Подхватил он песню и понес во весь простор, чудную, такую родную песню, словно она у него давно в душе жила и томилась по воле... Вдруг откуда ни возьмись Анисья в драной кубовой кофте, растрепанная, как ведьма.

— Ты чего здесь делаешь, пес? — закричала она на него злобно и цапнула за бороду так, что слезы брызнули...

Проснулся Михайло мигом, открыл глаза — глядь — штук до пятка кур во главе с петухом — командиром лупят по бороде носами — засохшую кашу — Анисьин гостинец клюют. Рявкнул Михайло с испуга, как-будто это не куры, а черти собрались душу выдернуть с бородой. Махнул рукой, — отпрыгнули куры с кудах-

СОЧИНЕНИЯ В. Г. БЕЛИНСКОГО http://book.itaic.ru/

таньем в сторону, хлопнув крыльями, и вытянув удивленно шеи, глядят на Михайлу с бабьей перебранкой.

— Кудах-тах-тах, ко-ко-ко! — выругался крепко петух и навел гневно красный глаз на Михайлу.

Михайло сообразил, в чем дело и тоже крепко выругался, чистя пальцами скатавшуюся и слипшуюся бороденку, бросая курам съестные опметки с борзой бороды. Встал — в голове еще туман, заглянул в ворота на задворки, куда солнце из-за избы бросало голубой ладонью золотые лучи — и день показался стеклянным. Морщась от мути, побрел в избу, а там уже гости забрались за стол перед чаем. По столу ходила и кланялась бутыль.

Вымылся Михайло, приоделся в новую рубаху, взамен затасканной, и пошел к столу на полусогнутых опохмеляться. Родня поглядела на него с насмешкой. Михайло заметил и нахмурился. Только один свояк Сенька отнесся к нему сочувственно.

— Трещит? — спросил он.

— Трещит, — мрачно ответил Михайло.

— Ну, так дербалызни офицерика, — пройдет.

И Сенька налил небольшой стаканчик.

Михайло выпил, крякнул, поморщился и закусил треской.

— Жарни вдогонку, заклинь еще, — произнес Сенька и поднес второй.

Михайло давнул еще и, брякнув офицериком по столу, крякнул внушительно: будет! — и, морщась, сплюнул на пол. Обвел гостей стебельчатым взглядом

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru

и махнул рукой — до того они стали ему противны в эту минуту.

— Ишь налетели, как воронье на падаль, жрут мое добро, да надо мной же зубы скалят...

Бабы — теща и свояченица — трещали за столом о разной дряни — юбках да оборках, да судачили о соседях, тянули одни и те же разговоры об одном и том же вот уже третий день с кануна праздника и не могли наговориться: в кои-то веки видят друг друга!

— Такие же сволочи, как и моя Анисья, — решил Михайло.

А Анисья уже подходила с самоваром к столу. Поглядел на нее и глаза выкатил: с красной новой кофты Анисьи и с такого же передника гаркнула разом целая сотня желтых петухов, разинув клювы и распушив лапчатые хвосты.

Разом вспомнил Михайло петуха на повети, дивный сон и что кубовой кофты нет и, обуреваемый разладом, почувствовал всю никчемность и несуразность жизни с Анисьей, возненавидел все и вся. Сгреб с горя бутыль, выпил из нее все остатки и шарахнул к дверям, только осколки зазвенели с тонким дребезгом.

— С чего ты это, сатана чумазая? — заругалась Анисья, — хоть бы родных-то постыдился, идол неумытый!..

Михайло стукнул кулаком в грудь и поглядел на Анисью тяжелым ненавидящим взглядом.

— Не надо петухов! Слышь? Не надо петухов — тебе говорят, змея зеленая!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

И вдруг, сорвавшись с лавки, рванулся, спотыкаясь, из избы и ушел, хлопнув раскатисто дверью.

Гости только рты разинули.

— Петухов, каких таких петухов? — спрашивали они Анисью, не менее их обалдевшую от неожиданности.

Та только руками развела:

— Не знаю про каких петухов... поди спьяна брякнул зря...

— Ай, вот про каких! — всплеснула она руками, увидав поющих петухов на красном переднике — вот про этих самых... Ему, вишь, не по нраву, что я наряд с петухам надела, надо чтобы я ходила в кубовом с горошком... а ведь сам вчера изодрал на мне, как пес, балда полоумная, а теперь, нако вот сбуривает, непутевый... Согрешила я с ним — все чего-нибудь чудит на смех людям... — И Анисья заплакала, а с ней и теща, ее жалеючи.

— Ты не гляди на его, суностата, живи, как знаешь, не уступай ему ни на эстолечко, — и теща показала ноготок.

Долго еще учила она Анисью, как надо с мужем жить без уступок и как на нем ездить удобнее...

VI.

Михайло лежал на задворках, глядел в небо да слушал, как шепчет трава. Ветерок бежал куда-то, чуть касаясь травы тонкими синими ножками, гладил Михай-

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.liaic.ru/

лову бороду и дул в уши. Дул и выдувал из Михайловой головы хмель. И Михайло все внимательнее и глубже слушал о чем ему шептала трава и смеялось небо.

— Хорошо бы бросить все да уйти от них подальше, куда глаза глядят. И итти-то теперь хорошо: трава кругом, солнышко... Попойдешь, попойдешь, устанешь, ляжешь под кустиком, полежишь, поглядишь на небо, как сейчас — и на душе легко, и ветерок играет, кузнечик рядом в траве верещит... Добро ведь, а? Уйти подальше, где тебя не знают — в теплую сторону, в южный край... Поступить бы туда в коммунию и живи там, как в раю или, вот, как во сне видел... Да... нашел бы там себе бабенку по душе, ласковую да добротную — не такую, как Анисья, а вот как солдатка Марья... Эх! и зажил бы тамотко! Только вот примут ли в коммуну-то? Скажут — бродяга какой-нибудь, либо вор — на што нам его? А может там и коммун-то таких нету... Эх, — вот бы Гудок — он бы сказал наверное... — много знает, шельма...

Глянь, а Гудок уже тут как тут — пробирается к себе в Игнатово из гостей по задворкам, чтобы в гости не зазвали старые приятели, в роде Михайлы, да вином не стали подчевать. По партийному обету он пятый год хмельного в рот не брал, а ране был не промах — только подноси.

На вид он был все таким же, как пятнадцать лет назад на Андроновой горе, когда лихо раскамаривал вприсядку

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

под Михайлову игру. Даже как-будто выше поднялся, да вот только белобрысые кудри пострижены под скобку, да еще бороденка белесая лопаточкой топорщилась вперед, как бы веяла воздух, а белые усики вскручены вверх штопором и торчали в небо задорно и бойко. Серые, добрые, мечтательные глаза тонули в мелких морщинках, длинный прямой нос смело рассекал длинное сухое лицо на желтых крыльях бровей.

— Здравствуй, приятель! Ты чего тут в праздник валяешься, как окурок? — удивился на Михайлу Гудок.

— Да ну их и с праздником-то! — только грех один, — отмахнулся с досадой Михайло, — сядь вот лучше, да закури, поговорить мне с тобой что-то хочется, уже больно ты занятный человек...— предложил он Митрею.

— На ловца и зверь бежит, — подумал Гудок и сел рядом на траву, вытаскивая из кармана табачные принадлежности.

— Чем же я занятный? — спросил он, закручивая самосадку и поглядывая на Михайлу проницательно и любопытно. Голубой едкий дым от собачьей ножки поплыл по траве, как вечерний туман над долиной.

— А хоша бы и тем, что в коммуну эту самую веришь, да Советскую власть высоко несешь...

— А почему бы мне не верить в коммуну и в свою мужичью власть, коли она для народа старается,

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://booksgaic.ru/

нашего брата-мужика темного уму-разуму учит, да на свет за ошорок тащит?

— Эвоно куда хватил: где оно старается-то? Не видать старанья-то нигде и ученья и света не видать — как было раньше, так и будет, только тяготы да обманов больше — вот и все, — возразил Михайло и осекся, чуя, что хватил через край лишка.

Гудок поглядел на него с укоризненной насмешкой — точь-в-точь, как во сне давеча — Михайло даже вздрогнул.

— Или ты глуп, как это голенище, или ты ослеп, как крот, и ничего не видишь, а может и нарочно видеть не хочешь — много и таких из нашего брата есть... Нет, брат, старому песенка спета — мир ему и вечный покой, — неча шевелить старые кости, коли время прошло, надо на новое глядеть теперь, надо жить учиться, как лучше да способнее — вот оно что. Ишь ты — не видать старанья... Я тебе его покажу, коли не видишь, а и видишь да может не сознаешь: сам же ты сказал, что я занятный человек, а отчего вот я занятным-то стал? На печке что ли занятье-то нашел, али от жизни взял, а? Как ты думаешь? А ведь много нас таких занятных-то пошло — куда ни взгляни — везде люди и один другого занятнее — вот тебе и света не видать! Что? — попался, голубчик? А школы-то новые откуда взялись? — С неба так и упали, что ли? Было в волости ране четыре школы, а теперь — девять, да одна все равно, что прежде гимназия, только на

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

другой строй. И учат в них не отче наш петь, не бабьим сказкам о скрижалях боговых, а как жить по-новому, жизни учат, все покажут тамо, что к чему, играючи учат, а не в угол на колени на дресву ставят, не за уши рвут, как нас бывало — вот тебе и новое... Куда ни оглянись — везде нашему брату-мужику ход дан — шагай, родной, да не сбивайся, живи по правде, как жизнь показывает, а не в свой нос, как задумал — вот оно что. Теперь на шею никому, дружок, не сядешь — мигом ноги оторвут, потому не мешай другому жить, не клади ярмо на друга, другому свет не засти. Тяготы большие — это верно. Только сам знать должон, отчего эти тяготы — провоевались вдрызг — вот тебе и тяготы. Нашу власть мужичью, рабочую барин на себе не вывезет — он только и норовит, как бы кому на шею сесть крепче — ну, мы ему за эту повадку отходную спели... Неча делать — запряглись сами да и вывозим помаленьку раздрябанную колесницу из беды. Вывезем и на ноги встанем — так-то, брат. Нечего зря пустяки болтать — надо дело делать и дело говорить. Жалуешься на обманы, да на плутни — что делать? Сами виноваты — старая закваска бродит, и власть тут не при чем — не власть худа — мы, голубчик, худы. А ты коли такой честный, то и поступай честно, бери плута за ухо и тащи на свет — в суд наш народный — там его возьмут в работу. Говоришь вот, что плохо дела идут — иди к нам, помогай — мы работников честных просим — нам-то их и надо, — мы их днем со свеч-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booklugansk.ru/

кой ищем. Иди и работай — по способности и разумению, крой из старой жизни, как из пальтушки, советскую кофту — все, что годно, бери в дело, — не годится — кидай, чорт с ней, хоть и жалко!

— А ловко ты это насчет пальтушки-то на кофту! — удивился Михайло. Мысль заработала в новом направлении и прежняя, изничтоженная кубовая кофта засияла в новом свете в одно мгновение. Кубовая кофта ему показалась, как огромная площадь земли — вся волость, вся необъятная Русь и на ней каждая горошинка — отдельный мужик на одинаковом сплошном поле тянет одну песню в лад, поет в одно, как Гудок и все разом — да это такая веселая сила, молодая и задорная, что всю землю двинет, куда надо — в новую веселую жизнь.

— Великое ты сейчас мне слово сказал, — произнес задумчиво Михайло.

— Эх, брат, не видал ты видно корабля, так и корыто за диво показалось, — вздохнул Гудок. — Послушал бы ты покойного Ильича, — тогда бы узнал, как великие слова говорятся: уши развесишь, три дня под ряд будешь слушать — и все мало. Душа загорится, в огонь пойдешь за родину и волю, а я что? Почитаю вот газет да и толкую через пень-колоду — вот... Большое дело газета для мужика, — встрепенулся Гудок, — без нее, как без глаз. Живешь в деревне-то, копылье ворочаешь, дальше хомута не видишь, а как развернешь газету-то — вся Россия-матушка, весь свет, как на

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://booksgais.ru/

ладони — все увидишь да узнаешь, где что делается. Читаешь это и чувствуешь, как Советы наши растут, ширятся, крепнут, на ноги встают, своими рабочими руками новую жизнь строят. Что из того, что не всегда выходит склеписто? — зато, брат, крепко, а дай срок — научимся и склеписто делать. Газета этому люто помогает — все одно, что народный глаз — везде все видит, все замечает, что хорошо — сразу отметит для примера, что худо — тоже скажет, не поморщится — своя правда дороже: — глядите, мол, добрые люди на это безобразие, да так вперед не делайте — вот тебе и наука! Ты, вот, мужик достаточный, лишний рубль завсегда на газету найдется, — выпиши вот «Бедноту» — газета простая, мужицкая, для нас специально выпущена — попросту, без затей и заковырок — каждое слово ясно — нигде не запнешься. Дорогу справедливую кажет, где кальи да зажорины — все увидишь, поедешь — не тряхнешься — вот...

— Где уж нам газету читать, коли дела не впроворот — не знаешь другой раз за что схватиться, — нет уж — не до газеты! — и Михайло отмахнулся с досадой.

— Эх, ты, сосуля копеечная! — хоть бы не врал зря-то... — уж если захочешь почитать — найдешь время. Вот у меня ребят полная изба, хозяйство, как следует, работы-то, пожалуй, твоего побольше будет, — а ведь нахожу время и газеты почитать и на собранья ходить и в читалку — везде как гудок, —

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

рассмеялся он, — нет уж, признайся лучше, что день-то прежде тебя родилась. Небось, цыгарку курить находишь время — вот за куревом-то и заглянул бы туда. Или вот теперь катаешься на траве, как бубен, нашел время, а такого шалапутного времени мало ли за год наскребется в праздники или в зимние вечера? — также зря их протаскаешь...

— Нету время... Эх... — дураки мы все вот потому и время нету, — загорелся Гудок на любимую тему, — взять хоть ваше Еремеево: пятьдесят баб с утра до ночи около горшков скребутся... Диво бы снедь была на славу, а то щи с грибами да крупеня на обрате, а то еще и того хуже. И скотине и себе в одной печи пойло да похлебка варится и разницы по-моему между них нет — одна и та же дрянь кипит и люди как скот живут... А была бы коммуна — пять баб на всю деревню такой бы стряпни наладили — язык бы в брюхо юркнул; пятеро мужиков кругом скота бы управились, остальные кто-что — и на все очередь бы была. Легко и времени уйма — девать некуда. Землю машинами всю как есть, все работы; за день-то деревней столько бы жахнули — глазам не обвести! И всего-то вдоволь: скота, хлеба, мяса, сена, клеверу — все как есть по науке можно бы поставить: на многополье поля, электричество, кузня, кожевня, мастерские, школа, читальня, театр свой, кооператив, — разошелся Гудок, — да спектакли кажинный вечер, — поджигал он Михайлу за слабое место, зная, что тот всякие зрелища любит: — и не такая дрянь,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

как теперь идет в диво. Тогда бы другой мужик в свободное время такую бы штуку выдумал для театра — только ахнули бы. И не диво — каждый бы многому научился, и мужик-то не такой бы стал, как теперя — каждый бы был образован — в роде, как студент... — вот. А тепере что? Жмутся на клиньшках, через межи спотыкаются, всякий в отдел идет, все дробят и дробят на кусочки, всякий строится: сколько этого лесу изведут на хибарки — уму непостижимо; из половины бы этого можно вместо сорока хибар одну такую закатить — на полволости бы хватило — вот оно как, вот тебе и время бы нашлось и житье, как масляница!

Гудок разошелся во-всю, серые глаза загорелись огнем. Он развернул перед Михайлой картину Еремеевской коммуны во всех подробностях, да так заманчиво, что Михайло в башке заскреб от зависти...

— Эх, так твою в семь деревень! — хорошо бы и в сам-деле, только где уж с нашим народом — ничего не выйдет. Врозь-то живут да и то грызутся за всякую дрянь, как волки, кажинный день, а спусти-ка их вместе — только одни хвосты останутся... — Эх!

— Оно верно это — не дошел еще народ в одно слиться, всяк своим барахлом дорожит, не знают еще, что тогда было бы достатку на каждого куда больше. Вот и в коммунах-то сплошь и рядом грехи идут, тут и там рассыпаются, да расползаются, как тараканы, — всякий в свою щелку норовит натаскать побольше. Редко где живут согласно — так ведь то

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

отборный народ, сознательный — да... Вот разве внуки наши к этому придут, да и то не совсем, чтобы по доброй воле, — только жизнь разве загонит туда палкой. Будет тесно во всем врозь-то жить, так в одну кучу и свалятся, чтобы просторней было, чтобы каждая рукавица земли была в дело пущена, каждый пустяк, чтобы доход давал... вот.

— Необходимость заставит, друг, — добавил Гудок задумчиво, — да и подготовка к этому идет исподволь, не шутя; вон уже кооперация — все одно, что коммуна, только пока еще на другой манер, — расправляет крылья и скоро охватит нашего брата со всех концов, — вертись, не вертись, а в общий котел все равно потащишься с излишком... А там товарищества разные, — машинные, кредитные, строительные, взаимопомощь — вот тебе и попался мужик, как курица в горшок, в общественном соку варится — и без коммуны в коммуне заживет — и живет уже, а только понять не может, что с ним такое творится, а как поймет — глядь, уж и подготовлен так, что остается только руно перетаскать в общие хоромы в одну кучу — вот оно как!

Михайло был поражен, словно в первый раз глаза открылись и взглянули на дело с другой стороны.

— А что, парень, ведь это ей-ей так, так и делается... Как это я раньше-то не заметил? — поднялся он с места, удивленно вытараща потемневшие глаза, — чорт возьми, хорошо придумано, ловко — видно власть-то Советская не совсем чтобы

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

дура, в башке у ней добро варит, ишь как умно да хитро подвели, сукины дети, обложили кругом, как ватой, декретами, лежи да грейся, а поднимешь голову, глядь, уж в коммуну-то всем дышлом въехал, слезай да живи — приехали! Ай да-ну!

— Догадался, наконец, — насмешливо улыбнулся Гудок, — то-то вот и оно-то... Крепка же, брат, у тебя башка, коль вот только теперь догадался, куда власть гнет, куда жизнь итти толкает. Так вот, сообрази это, милый, и пойми, что итти надо туда, куда жизнь прет, стоять да топтаться на одном месте нельзя... А пойдешь с ней заодно — будет легко и вольно. Смотри только пошире да позорче, чтобы не оступиться, и вынесет тебя на хорошее место, на самое солнышко. Погляди на тех, кто барахтается, от них только гнусь одна и никакого толку нету, только другим мешают — лишний груз — раскачнуть да в яму сбросить, чтобы воздух не портили, вот... Оглянись кругом себя хорошенько, да сообрази, куда и как итти надо и шагай потом во все портки туда, где день сияет... Ну и заболтался я с тобою, — спохватился Гудок и поднялся на ноги.

— До свиданья, дружище, помни, что я тебе говорил — это только ниточка, а до клубочка сам доберись, а ежели запутает, — ходи к нам в читалку чаще, мы распутаем, да с Алексеем Николаевичем столкнем, у него рука твердая — на дорогу мигом направит. А газету-то, газету не забудь выписать — ума прибавит, я к тебе с этим делом человека

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

припплю,— от меня не отвертишься, — сам потом спасибо скажешь, когда вот занятным-то больно будешь, — улыбнулся лукаво Гудок.

Михайло рукой махнул: — ладно, мол, выпишу...

VII.

Михайло думал да глядел голубыми глазами в небо, лежа на спине, — глядел до тех пор, пока небо не показалось ему кубовым с белыми горошинками,— точь-в-точь таким, каким оно бывает ночью, когда луна висит, как окорок над темным костром земли. В голове плыли думы такие же вот тихие и кроткие, как вот эти белые облачка. Душа как бы впервые почуяла мощь грядущего, заныла сладкой болью счастья общего и поплыла в кубовое небо за новой кубовой кофтой для всей земли. Но все-таки и в эти минуты тихо таилась в душе черная тень от чего-то, что мешало ему видеть золото дня и слиться с зелеными шопотами, шелестами и тилиликающей на деревне гармошкой, — как когда-то на Андроновой горе...

— Михайло, а Михайло, — где ты, — эй? — послышался Анисьин голос на повети и царапнул Михайлу, как ножом по сердцу.

— Вот от чего, — догадался он, — Анисья мне мешает, камнем на шее сидит, жить не дает, сатана...

— А, вот он где, пьяный пес! Целый час ищу, беса краснорожего, — закричала она на Михайлу, стоя на высоком взъезде около ворот. Ветерок кружил ненавистным красным передником с желтыми пету-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

хами и топорщил на груди такую же кофту, словно дразнил Михайлу.

— Иди обедать, что ли, боров неповоротный! — Гости ждут, — хозяин тоже... Стыдобушка, — где бы угощать, а он, накося, — тьфу, бесстыжий!..

— Уходи к такой бабушке, стерва! Не хочу ваших обедов, провались они и с гостями вместе! — вскипел Михайло.

— Да ведь нехорошо, что ты это, а? — как бы струсила Анисья, — с чего ты взял куражиться-то?

— За твои слова ласковые, заугара шилозадая, уходи с глаз долой, пока рожу на затылок не свернул, слышь? — и Михайло свирепо сжал кулаки.

Анисья, видя, что толку от мужика немного,—пожалуй, и в самом деле навохрит в бок, — ушла назад с бранью.

Померкла голубая радость в груди Михайлы... — Ишь, сволочь, где бы успокоить человека, а она перцу подсыпала под хвост... Ну, и баба! Как это я с ней пятнадцать лет выжил, — прямо диво. Все грызется кажинный день, как цепная собака, все чем-нибудь обижена, все что-нибудь не так... Не угнать ли ее в три шеи — а? Может лучше без нее будет? А не то без греха, по чести отдать ей всего половину с ребятишками, а самому в новую избу перейти в отдел, да снова жизнь начать. Может, новую бабу найду — раз-люли-малина... — размышлял Михайло и у него постепенно стало отходить от сердца.

«Какого чорта — нынче это очень просто сделать, перетащился в один день, а потом подам раз-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

водную, а чтобы поскорей развели, той порой другую бабу нажить — вот и все. А с новой-то бабой да в новой избе может и жизнь новая пойдет, ближе к той, что вот Гудок рассказывал...

«А хорошо бы так-то, право, хорошо, ровно гирю с шеи снял бы. Эх! Только вот с Анисьей как? — неловко, что-то... Люди баяли, что она с Викторкой путалась, покудова я служил... Кто ее знает — может и правда была, да я допытаться по настоящему не мог, бабьим слезам да клятвам поверил. Дойти разве до Виктории? — он, поди, теперя уж бусый сидит спохмелья, авось под шумок и правду скажет, — качнет языком лишка, а там и догадка пойдет, да и поприжать, ежели что, можно... Вот было бы добро, ежели в сам-деле грех был — все было бы не так совестно Анисью бросить... — Сходить разве?.. — Право?»...

А уж если Михайле что взбредет в голову, то шабаш — как решил, так и будет, только подняться на разу ему было тяжело. Качается, качается мужик и если уж раскачается — не удержать ничем. Так и теперь. Поднялся на ноги и, поди, с полчаса скреб в башке: итти или не итти? Все чего-то соображал, обдумывал и, все ж-таки, пошел...

Викторшина изба стояла на краю деревни и была не из завидных: старая, как грех, она давно уже присела на костыли, искосила подслепые глаза в поле и хлюпнулась задом к такому же дряхлому дворенку, в котором давным-давно никакой скотины не было.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ingis.ru/

Викторша жил бобылем — один-одинехонек, земли не обрабатывал и существовал сапожным искусством. Люди поговаривали, что кроме сапожного кривого шила у него был еще шестой палец, тоже кривой, как шило, с которым он умел ловко ходить под чужие замки, так ловко, что еще ни разу нигде не попался. Кто знает — может оно и было так, но за ним был еще один талант, в котором уж никакого сомнения не было, этот талант заключался в особом свойстве Викторшиной души — привлекать к себе горячие вдовьи сердца и извлекать отсюда неисчислимые выгоды, тем более, что он по части женской был великий доброхот и доброхот весьма хитрый и сребролюбивый.

Вдов и солдаток было кругом много и на Викторшу их приходилось вдоволь, тем паче, что охотников на них было мало, — старики да шантрапа безусая успехом не пользовались, а если и выпадал когда охотник настоящий, то опасались, как бы не разболтал языком бабью тайну, а Викторша был молчалив, а если и сболтнет когда что, то разве надежному приятелю под хмельком, — оттого ему и везло анафемски в эти тяжкие годы.

Бабы его кормили, одевали, обшивали гуртом, и парень жил пришеваючи, навострив ухо, чтобы не попасть в переделку к ревнивым мужьям с фронта. Заячья душа его тряслась от страха не менее бабьей, приходившей к нему тайком за полночь — утолить грех. Сам он не попал на службу из-за короткой ноги и такой же руки и за эту счастливую уродливость

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

благодарил судьбу и жил, что называется и сыт, и пьян, и нос в табаке...

Заглянул Михайло в окно и увидал Викторшину спину в серой рубахе с темными жердями. Викторша сидел за столом один, опустив голову на руки. Перед ним на столе стояла на половину опорожненная четвертная бутыль с самогоном и голубая чайная чашка с граненьми боками и с перехватом.

Михайло вошел, скрипнув визгливой дверью и, стукнув головой в полати, прошел в передний угол по скрипучему зыбкому полу. Сел на широкую лавку, грязную и шероховатую от сапожных дел, и воззрился на Викторшу.

Михайло угадал — Викторша был порядочно бусый. Стебельчатые глаза его дико уставились на Михайлу. Несмотря на пьяный улей в голове, он испугался Михайлы так, как будто это был сам чорт, вышедший из-за печки разделить с ним компанию.

— З-зачем? — спросил он робко, сиганув глазами к дверям, как-будто соображал, можно ли улизнуть в случае чего.

— Да так... пришел вот от скуки навестить свояка, — ответил тот невинно, словно и в сам-деле так.

— Свояка... какого свояка? — залепетал Викторша, вздрогнув, как от удара кнутом.

— Как какого? — да тебя вот... кого же больше? — с удивлением спросил Михайло, — ведь ты тоже с Анисьей живешь — на что уж свояка больше да родней?

С Викторшей чуть судороги не сделались от страха. Призналась видно шельма, — пронеслось в голове вет-

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://bookinfo.ru/

ром, по спине дрожь забегала, — как же быть-то? — колотить меня пришел, значит... Ну и влетит ежели... убьет, — решил он, — по всему видно.

И Викторша заюлил, стараясь отвести от себя карающую руку:

— Вранье это все, ей-ей, — не виноват, на кой ляд мне твоя баба сдалась, мне и других хватит, воно вдов-то кругом — сколько хочешь...

— Врешь, шельма, от меня не отвертишься так, зря, говори уж лучше на чистоту, признавайся — так и быть спущу на этот раз, тебя жалеючи.

— Знает, али нет? — соображал взъерошенный Викторша, — коли знал бы, так сразу бы сказал, а раз допытывает, то не знает, видимо. А может и знает, да нарочно томит... — колебался он, глядя пытливо на Михайлу. С него уж и хмель соскочил, только подколенки дрожали от страха.

— Знать ничего не знаю — выдумки это все... Знаешь нонешний народ — с воды узор снимут, не токмо что...

А Михайло переводил суровый взор с Викторши на бутыль, с бутыли на Викторшу. Тот заметил это и побледнел. Михайло узнал свою бутыль по наклеенному на нее масляному государю.

— А это что? — спросил он, указывая на бутыль, — это разве не Анисьины дары для мила дружка?

Викторша забегал глазами по нахмурившейся и насторожившейся избе и испытывал смертельную тоску.

— «Эх, пропала моя голова, капут теперь»...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ударить или нет? — подумал Михайло, глядя на Викторшу с ненавистью. В душе нарастал и подкатывал к сердцу темный комок горечи, обиды и щемящей тоски и грозил расплеснуться неудержным гневом.

— Нет, обожду, до конца все узнать надо, — решил он.

— Говори все как есть, не виляй хвостом, иначе...

Но Викторша не мог не вилять...

— Это я у Анисьи выпросил, купил самогону, а вылить было не во что, больше ничего не знаю... — лепетал он, как в тумане.

— Ан врешь, стервец, я видел как ее тебе Анисья подавала полную по горлышко, там, на задворках вечером, — соврал неожиданно Михайло.

— За амбаром, а не... — ляпнул Викторша и ощетинился, — пустую, а не... — крикнул он, стараясь заглушить ранее сказанное и дал осечку, ударив себя кулаком в лоб с ожесточением.

Но Михайло цапнул его за плечо тяжелой лапой:

— За амбаром, ты говоришь, — за амбаром? — вскричал он злобно и торжествующе, — сознался-таки, дрянь семихвостная! Ну, говори — жил ты с Анисьей?

Рубаха на спине Викторши затряслась от рыданий.

— Жил! — ответил он, и последний камень сомнения скатился с Михайлова сердца.

— Ух, — вздохнул он облегченно, — допытался таки! — На секунду вспыхнула злость...— вот аспид-то, ну и змея! — Закипела ревность каленым железом в душе... — ай-да баба!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— С каких пор? — спросил он тихо.

— Четырнадцать лет, с первого года как ты женился, — глухо ответил Викторушко, втягивая голову в плечи, как черепаха в щит...

— Неужели? — удивился Михайло. — Всю-то жизнь обманывала — ой-ой! — поморщился он и скрипнул зубами. — Расскажи, как у вас там дело-то вышло? — спросил он глухо и потупился.

Викторша ободрился и поглядел на Михайлу. Тот сидел, как пришибленный и тупо глядел в пол.

«Не шибко сердится, не тронет, будто», — сообразил Викторша и начал:

— Дело это пошло, как водится, с того, что сначала поглядывали друг на друга, потом стали подмигивать, да пощипывать, где придется втишок, врать непотребное да похабное. Врем, смеемся, да пощипываем, а сами все дальше да дальше забегаем. Подкараулил я ее как-то на сенокосе одну и шасть к ней. Облапил — не кусается, прижал — и она прижалась... Ну вот с этого дня и зажили и жили до сих пор... Когда тебя нет дома ночью — она ко мне сиганет о полночь или знать даст — занавеску на окно повесит красную, да платье оденет цветное — красное или малиновое — смотря по уговору. Пройду мимо как бы ненароком, увижу знаки и войду, а нет — на задворках жду, когда ты дома.

— Ну, а ребятишки-то от тебя? — спросил Михайло с дрожью в голосе.

— А кто их знает?.. Мне Анисья говорила, что не мои...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Как не твои? — встрепенулся злобно Михайло, — я что ли им приделал твои носы, подбородки и волосы? Э, брат, не вертись, теперь не обманешь — по породе вижу — чьи: половина Анисьина, а другая твоя, — вижу чья работа...

И Михайло чуть не заплакал от гнева и обиды. — Что теперь делать-то? — подумал он горько и вспомнил опять речи Гудка.

— Ну, брат, вот что: любил коли кататься — люби и саночки возить: — бери к себе Анисью с ребятишками, со всем барахлом, живи с ними, одевай, корми, весь ожерелок с шеи своей снимаю и тебе передаю — носи да не морщись... А я его потаскал — будет с меня, пожил с не своей женой да чужих детей поподнимал, похолил — погляжу теперь, как ты своих будешь поднимать... да... узнаешь, брат, как в чужой огород ходить, капусту есть — запоешь горошком, хоть ребята-то и не в зыбке качаются, но свое возьмут еще...

Викторша зачесал затылок и за опушкой; предложение Михайлы ему показалось хуже горькой редьки, в голове все так и завертелось колесом: как бы избавиться от напасти?

— Ну, так как же? — настаивал Михайло, — берешь к себе Анисью или нет?

Викторшу в пот бросило: — эх, отошли теперь красные деньки! — подумал он с ужасом, и вдруг, словно его пружиной подбросило с лавки, — брякнулся в ноги Михайле, обхватил руками сапоги, прижался мочальными волосами к голенищам и заревел:

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Не буду более, ой не буду к Анисье ходить, — вот не буду! — и рыдающий Викторша поднял выпученные от страха глаза на пыльную божницу, положил на грудь крест и стукнул для убедительности кулаком покрепче, — не надо Анисьи, не надо! — присовокупил он с воплем.

— Нет, врешь, сукин сын, — надо! — и Михайло ударил сапогом в рыло ползающему Викторше, — наблудил — так бери! Вот мне так ее не надо — провались она к чертям на закуску и с тобой вместе!

— Михайлушко! — взмолился прелюбодей, — как же я жить-то буду теперича? Кормить-то их буду чем? Пощади, родной, век не забуду, сапоги буду всей семье задарма шить... работать, что ежели... пожалей, не губи... Не надо мне Анисьи, куда она мне, ой... — надрывался Викторушка, ползая во прахе.

— Довольно ползать, пес пархатый, — вставай!

И Михайло поднял Викторшу за шиворот.

— Отправляйся за Анисьей, живо, ну! — и он толкнул Викторшу к дверям так, что тот на карачки встал.

— Михайлушко, как же этак сейчас-то, праздник ведь, народ смотреть будет... Стыдно ведь, Михайлушко, середи-то бела дня...

— Э, блин-те в рыло, не стыдился небось чужую бабу по задворкам лапать, так не стыдись с ней и пройтись по зеленой улице...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uais.ru/

Викторша видя, что ни мольба, ни хитрость не помогают, перешел к другому способу:

— А вот не возьму Анисью, — завизжал он, — не надо Анисьи и шабаш! Шалишь — не навалишь силой, нет таких законов теперя, чтобы бабу взять приневолили... приневоль, попробуй, приведи сюда Анисью, так увидишь, как тухну — побежит назад с дымом... Шишь возьми с меня, облизни зеленые, получи — вот... У меня таких Анисий-то не одна дюжина... что мне их всех забрать прикажешь? — Дудки!..

И расхрабрившийся Викторша закрутил усы в ниточку и поглядел на Михайлу насмешливо. Потом ковыльнул к столу и дерябнул чашку для геройства, потом налил и другую... оглянулся блудливым взглядом бесцветных мутных глаз на Михайлу, дернул вторую, опять поглядел и струхнул порядком.

Михайло стоял перед ним, тяжело дыша, бледный весь, со скрюченными пальцами. По лицу дергались судороги, весь он дрожал тихой дрожью от охватившего бешенства.

— Врешь, напакостил, так заскребешь, — зашипел он с пеной на губах, — законов, говоришь, нет, чтобы бабу взять поневоле? Нет, врешь, есть такие законы — корми, коли ребят наделал, бери, коли люба была... — есть законы... — вот они — видишь? — и Михайло сгреб Викторшу железной рукой за горло.

— Вот они законы-то, — видишь? — Ты душил меня пятнадцать лет, — я тебя в минуту задушу!

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uralic.ru/

Викторша посинел, захрипел и высунул язык, глаза полезли на лоб. Михайло понял, что дело не ладно и распустил когти.

Викторша зашатался и сгреб руками стол, чтобы не упасть и долго кашлял с хрипом.

— Видал мои законы? — гремел Михайло и бешено всадил сапожный нож в стол, — ежели ты вздумаешь пикнуть одно только слово против — тут же на месте сдохнешь! Ежели от Анисьи откажешься — на этот вот крюк повешу! А жить с ней плохо будешь, ребятишек обижать, так и знай — приду на дом, да такую взбучку дам, что остатняя нога завиляет, как собачий хвост, — понял? Я тебя доеду, голубчика, научу как жить!

И Михайло сгреб со стола бутыль, опорожнил и шваркнул о пол.

— Это я тебе свое счастье отдаю, прежние веселые деньки, — получай, так твою в растак, и помни: я вот разбил эту бутылку, — попробуй ее сделать снова, как была — не склеишь, брат...

И Михайло отмахнулся горько: — чорт с вами — живите, как любо, — все, что следует, — отдам, берите да не поминайте лихом... — Эх, вы...

VIII.

Как ни упирался Викторушко, захмелевший Михайло все ж-таки выволок его на улицу и повел к своему дому и не по задворкам, как настаивал тот, а прямо по околице.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Гулянья в Еремееве в этот день не было, гуляли в соседней деревне Доронине, но свой народ и гости сидели кое-где гуртами около домов и болтали под веселым хмельком по-родственному о новых правах и наступающем сенокосе.

— Глядите-ко, — зашептались по деревне, указывая на Михайлу с Викторушкой, — вон Михайло тащит к себе в гости Анисьина дружка — Викторушку... Ну и ну — чудеса прямо...

— Да ровно не добром тащит-то, — замечали другие, — силой прет, хромой-то бес упирается, неладное чует, кривая душа на костылях... Ну и влетит ему, ежели...

— Пойтить разве, посмотреть, — что у них такое? — Может грешки выйдут, — решили все.

И падкая до скандальных зрелищ деревня поперлась группами и в одиночку к Михайловой избе по пятам соперников.

Викторушка оглянулся и, видя наступающее сзади скопище, забегал глазами туда и сюда по крышам да по небу, лишь бы на народ не глядеть со стыда.

Не доходя до Михайловой избы он рванулся и высвободил руку из крепких лап мучителя и давай на утек, а Михайло за ним, ругаясь.

— Держите его, держите! — заорал он, видя зрителей.

А те рады даровой потехе и давай стараться:

— Держите хромого чорта! — у-лю-лю!

— Забегайте справа, дьяволята! — Эй, Мишка, Гришка, сюда, сюда гоните, оббегайте сбоку, ловите, держите, — у-лю-лю!

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Викторушко удирал, как заяц, подстреленной прытью, ковыляя короткой ногой и отчаянно загребая землю длинной, вытянув для равновесия правую руку вперед, а левую прижав к груди. За ним по пятам и с боков летела погоня человек в десять подростков и молодых мужиков.

Цапнули беглеца на изгороди, когда он чуть-чуть через нее не перевалился, цапнули за длинную ногу и окружили. Викторушко пустил было в ход кулаки и подошвы, но наткнулся на такую непогоду крепких кулачишек и забористых пощечин, что сразу от нападения перешел к защите. Торжествующий и озлобленный Михайло сгреб беглеца за ошорок и поволок его — как мешок с овсом — к своей избе.

Викторушко и тут было упираться, но молодые союзники Михайлы шпорили его со всех концов пинками да подзатыльниками, и Викторушко аршин за аршином сдавал свои позиции, отчаянно вырываясь и крича что-то в общем гуле голосов.

— За что ты его, Михайло? — кричали степенные мужики из толпы, не то любопытно, не то сердито, — куда его, зачем он тебе?

— Зачем? — галдели легкомысленно молодые, — на расправу — вот зачем! — Ясно, чего же больше?

— К Анисье в гости веду! — отвечал Михайло хмуро, — женить его на ней хочу, да вот упирается, леший, красной девкой прикинулся — не хочет, да и только!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Толпа так и присела: кои от удивления, кои от хохота, но Михайлова затея развеселила всех. Вся деревня сбегалась диво глядеть.

Поднялся свист, гам, хохот... На Викторушку посыпались насмешки, щипки, колотки — заклевали парня.

Когда скрылась в калитке его жалкая, задерганная фигура, потерявшая от страха и боли образ человеческий, толпа по степени любопытства и дородности рассыпалась на три партии. Старые степенные мужики уселись гуртом на бревнах, через околицу, против Михайловых окон, с веселым спокойствием наблюдали за остальными и с шумным хохотом встречали новости о происходящем в избе Михайлы, получая сведения от второй партии мужиков и баб всех возрастов, толпившихся под самыми окнами. Те старались изо всех сил заглянуть в избу друг через друга, дыбясь на цыпочки и вытягивая шеи. Молодежь и самые нетерпеливые торчали в сенях, на повети, набились под полати в избу и даже принимали участие в семейной драме.

В это время в избе Михайлы гости пили чай и будучи немало взбудоражены криками с улицы, хохотом, гоготаньем, свистом, повскакали с лавок, да к окнам.

— Драка,—решил подвыпивший Сенька.

— Ровно бы не драка,—заметила теща,—уж больно веселья много идет—как бы ряженые...

— Какие там ряженые? Что ты, мама,—ведь не новый год,—поправила Анисья и высунулась в окно.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Жениха ведут, жениха к тебе ведут! — заорали ей ребятишки, восторженно кувыркаясь впереди толпы.

Вгляделась удивленная Анисья да так и ахнула, — глядь, и в самом-то деле тащит Михайло за ошорок в людской гуще дружка ее милого, Викторушку... Рявкнула баба и присела на пол... В глазах мутно стало. Догадалась баба, что тут дело неспроста, — узнали ее шашни, пришла к ней расплата, беда черная нагрянула.

— Убьет он меня теперь, а коли жива останусь — стыда не расхлебать, — стукнуло зловеще в голову.

А толпа уже под окнами орет,—гул, хохот, Викторшин жалобный писк... Затрепетало у Анисьи сердце, подколенки задрожали, схватилась баба за голову да шасть из избы. Кинулась на поветь, хотела удрать задним ходом на задворки, а оттуда — куда глаза глядят, но поздно. Ворвавшиеся в сени сорванцы заметили красный сарафан да кофту с желтыми петухами, заклубившиеся на Анисье пузырем от бега, и тоже кинулись за ней в погоню.

А Михайло уже торжественно вступал в избу с пленником. Обалделая родня глядела во все глаза на ворвавшуюся ораву и не могла понять — в чем дело.

— Где Анисья? — крикнул Михайло, — дать сюда Анисью!

Встревоженная родня не знала, куда делась Анисья — она улепетнула, как дух. Сестра, теща и ребятишки оглянулись на нее — поделиться впечатлениями, а ее уж и след простыл.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

— На задворках бегает, ребята ловят — сейчас приведут... — сообщили соглядатаи.

А Викторушко стоял посреди избы ни жив, ни мертв, опустив глаза в пол.

— Садись, Викторша, к столу, — чего стоишь? — угощать буду, — предложил Михайло и потянул к столу несчастную жертву.

Тот заковылял, как резиновая кукла и сел за стол, куда давнула его в плечо тяжелая рука Михайлы.

— Анисью ведут, — крикнули на повети.

— Анисью поймали, Анисью в избу ведут! — орали под окнами.

— Поди порка будет, — рассуждали мужики на бревнах.

— Ну и всыплет им Михайло горячих! — не такой мужик, чтобы спустить так зря...

— И за дело! — добавил дед Антон и внушительно крякнул, щелкнув корявым пальцем по берестяной табакерке, — в наше-то время, бывало, привяжут обоих соколиков к скамейке как есть голых, да так порют старательно, ажно в пот кинет, с передышкой порют, не в одну смену... Опосля их водой отольют, как дух закатит и опять пороть... С ношу ивовых виц испорют до ручки, крови с ведро набежит — вот как прежде-то учили... — а теперя што? — по головке еще погладят... М-да!

— Ач-хи! — чхи, — чихнул он в заключение от крепкой понюшки.

— Ну нет, — Михайло не погладит...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— А молодец он все-таки,—глядь-ко,—сам его обманом из избы выманил, будто в гости... хитрый мужик.

— Привели, привели!—закричали под окнами и задыбились на пальцах, вытянув шеи и стараясь заглянуть в избу.

— Глянь-ко, глянь-ко — в ноги кланяется, шельма!

— Ну и влетит ей под хвост, ну и задаст он ей,— гудели на бревнах.

Вся деревня, как есть, и старый, и малый, скопилась под окнами, обуреваемая диким любопытством, Изба, повети, сени густо захлебнулись народом.

— Гляди-кось, Михайло подносит Викторше самогонки, потчует, потчует, сукин сын! — загалдели под окнами.

— Да ну? — удивились на бревнах и распушили бороды.

— Как же это так, а?—глядели они друг на друга.

— Ой, родимые, Викторша Анисью обнимает, целует, целует идол, стыд потеряли вовсе...

— Да может ли это быть? — взъерошились те, поднялись и схлынули с бревен, кто к окнам, кто избу дюжим плечом. Неслыханное дело захватило дух—никогда Еремеево не видало у себя такой возмутительно-веселой ереси. Антон топтался сзади и забирал от злости длинную седую бороду в рот,—он никак не мог примириться с таким оборотом дела...

— Ой, опять целуются, — го-го-го, — гудела улица, лезла к избе, жалась носом к окнам — того гляди стекла треснут — до того было занятно...

*

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

IX.

А в избе было и в сам деле куда как занятно.

Усадил Михайло Викторшу, наливает ему в стакан зелия и говорит родне: ну, вот вам и новый зять взамен меня — прошу любить да жаловать!

— Кушай, гость дорогой!—обратился он к Викторше и подал ему стакан. Тот взял робко и нехотя, поглядел исподлобья, как затравленный волк, на Михайлу, на гостей и увидал, что кроме стыда бояться ему нечего. Михайло был в духе терпимом и смотрел на всех с насмешкой, хотя и был темнее ночи. А гости, разинув рты, глядели на них во все глаза и все еще понять ничего не могли.

— С праздником, — буркнул Викторша по обычаю и по обычаю поклонился сначала хозяину, а потом и гостям, кувыркнул с горя за единый дух, крякнул, поставил стакан и обвел всех мутным, влажным взглядом.

— Ты, Михайло, это взаправду, али шутишь? — засучила теща ногами под столом, словно самопрядку завертела, — с чего ты это вздумал народ-то смешить?

А народ так и пер в избу, так и сыпал со всех концов под окна. В стеклах торчал не один десяток рож, нахально и жадно глядевших на происходящее.

— Ничего не смешу... Анисью замуж выдаю за Викторшу, а сам на холостое положение перехожу — вот и весь смех, — чего тут смешного? — И Михайло обвел всех печальным взглядом голубых глаз. Смею-

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.gaic.ru/

щаяся и регочущая под полатями толпа смолкла, внезапно почуяв, что и в самом деле смеяться нечему...

— Где Анисья? — встрепенулся он и потер рукою лоб, как бы задумавшись о чем-то, и шагнул к дверям.

— Ведут, ведут! — загалдели под полатями и в сенях. Толпа расступилась, давая дорогу.

Вошла Анисья с опущенной головой, слезы так и бежали по лицу. Взглянула на Михайлу, Викторшу, гостей и вновь потупилась.

Михайло глядел на нее уже без злобы и с укором покачал головой.

— Анисья, — сказал он ей громко и торжественно, — пятнадцать лет жили мы с тобой и обманывали друг друга. Взял я тебя по любви, но любви от тебя не видал, не была ты мне доброй женой и я из-за того не был добрым мужем тебе. Кто в этом виноват — не знаю, у каждого своя совесть есть, и вот говорю тебе по совести: не хочу жить с распутной и злой женой... Уходи от меня совсем, дай свет увидеть... Бери с собой детей — не со мной они прижиты... Викторша был для тебя лучше, чем я, — уходи к Викторше без греха, по чести уходи. Половину имущества отдаю тебе — забирай и марш отсюда. Ежели недовольна чем будешь — люди нас рассудят, а я что могу — сделаю... — уходи сейчас, не пори мне сердца, не тревожь души, чтобы хуже не было — слышала?

Анисья с воплем чебурахнулась ему в ноги и завопила:

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Не погуби, золотой, не гони, оставь меня с собой, прости, кормилец, видит бог — не буду больше, буду жить как тебе надо, слова поперек не скажу единого — ой, ой!.. — надрывалась она, как над покойником.

Михайло почернел, как чугун, дрожь по телу забегала.

— Нет, Анисья, что прошло, того не воротишь... Надо раньше было подумать... Замолчи лучше, уходи с Викторкой ко всем чертям — ну!

И он, вырвавшись от Анисьи, подошел к Викторше. Все притихли, жадно следя глазами за Михайлой, Анисьей и Викторшей, не зная, чем кончится эта канитель, но чуя, что близок ее конец.

Викторша сидел как в тумане и, ничего не соображая, плыл по воле волн, куда вынесет — все равно. Он уже не барахтался и, как усмиренный конь, ждал покорно, когда на него наденут хомут.

Анисья с ужасом ждала, что будет. Жизнь сломалась сразу как круто согнутая палка и куда разлетелись ее концы — она так и не могла угадать, стояла и плакала, закрыв лицо руками от горя и стыда, ждала чего-то грозного и не могла уже бороться.

А Михайло? — Михайло был, шут его знает, как настроен — не поймешь, — то охватит его мрачный восторг добродетели, то желание веселой мести, то обида за растоптанную и униженную жизнь и тогда он готов был, кажется, сокрушить всех и вся, а особенно Викторшу, а потом уж и Анисью и ее присных, которые сидели как оплеснутые и не смели глаз под-

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

нять на толпившийся народ и не знали, как из избы выкатиться...

— Чтой-то ты уж больно строго поступаешь, — возмутилась теща и взмахнула нелепо руками, как мельница ветровым крылом, — грех да беда на кого не живет... И за тобой ведь грешки бывали, что зря-то куражиться? — Не выдумывай-ко, полно-ко, — живи-ко по добру, по здорову!

— И то, свояк... зря ты все варакосишь, — брось-ко лучше, право, — а? — давай лучше выпьем на мировую, — заметил робко Сенька, все время с недоумением глядевший на эти сцены.

А беременная свояченица вздыхала сокрушенно и стыдливо потупляла взоры.

— А ну вас к чертям в рай! — Приходите в гости в другой раз, да только не ко мне, а к Викторке... Вы мне больше не родня теперь... А тебе, теща, спасибо за червивое яблочко!..

— Сам не умел жить, не смог яблочко-то скушать, так на других неча пенять... Девка была что ягодка — вишь, до чего довел — кожа да кости... — Брось его, Анисьюшка, не живи с ним, с разбойником, переходи ко мне... Сам придет, да поклонится в ножки, чтобы опять к нему пришла...

— Это я-то ей поклонюсь? — шалишь, голубушка, поклонится ежели ей Викторко только — на это у него душа такая есть, — как стелька под ногам таскается... — Что же ты, Викторша, пеньком-то сидишь? Скажи хоть словечко, потешь свою родню...

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://booklugansk.ru/

А, ну, давай выпьем, что ли? Сегодня ведь свадьбу твою играем...

Налил по стакану себе и Викторше:—так чокнемся же за здоровье молодой, — вот так!

И вслед за Михайлой и Викторша покорно выпил. Он был пьян уже — и не столько от вина, как от судьбы, колотившей его нещадно в этот ядреный день.

— Ну теперь утешь свою молодую, подойди к ней, обними да поцелуй, что она там зря куражится да фыркает, как-будто ей такой добрый молодец не по душе?.. Ну, утешь же, утешь...

И он потянул беднягу к Анисье.

— Ну чего так стоишь крючком? Обнимай, сукин сын, да целуй! Небось за амбарами-то по ночам не стыдились...

Викторша мялся, не зная что и делать.

— Ну, какого чорта, — целуй, а нет-так ухну! — с угрозой в голосе крикнул Михайло и подбавил Викторше бодрости.

И обробевший Викторушко обнял плачущую Анисью и клюнул носом в нос. Та его тихо отпихнула и заревела в голос.

— Утешай, чего не утешаешь? — рявкнул злобно Михайло, скрипнул зубами и поднес к носу Викторши крепкий кулак.

— Не плачь, Анисьюшка! — пропищал Викторушко, обнял бабу и поцеловал...

Вся изба грянула дружным хохотом, грянула и улица. Даже Михайло улыбнулся нехорошей, злобной усмешкой.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ну, молодые хорошие, с законным вас браком, с советским счастьем! Тащитесь к себе по добру по здорову, пока обоим по шее не накостылял...

И он повернул Викторку с Анисьей лицом к дверям:

— Ступайте, ступайте, нечего околачиваться зря! — и толкнул их.

Толпа расступилась у выхода коридором, глядя с нахальным смехом на несчастную чету.

А Михайло вытащил из-за стола перепуганных ребятишек и подвел к Анисье:

— Ступайте за маткой к новому батьке! Я вам боле не тятька, а дядя Михайло — поняли? — брякнул с дрожью в голосе...

Но ребятишкам было не до понятия,—они взревели, уцепившись за маткин сарафан. Анисья не знала, что и делать с горя, — итти или нет? А стиснутый толпой Викторша и рад бы удрать, да не мог: лукавая шатия из подростков толкала его к Анисье бочком.

— Чего стали, — ну? — крикнул Михайло, — приданого надо? Завтра получите сполна, — как сказал, так и сделаю...

— А...—спохватился он вдруг,— ведь у молодого-то, поди, одно рваное гноище. спать молодым будет не на чем...— на-те, забирайте постель!

И Михайло под общий хохот сгреб с деревянной кровати пуховую постель, закатал в нее одеяло и подушки и водрузил мягкое бремя на Викторшу, который, скорчившись в запятую, уже протискивался рядом с Анисьей к дверям.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Го-го-го-хо-хо-хо, ах, батюшки, что деется-то!— зареготало в избе, в сенях, на улице.

— На, держи,—какого дьявола!—взбесился Михайло, видя, что Викторушко и не думал забирать постель, а она готова была тряхнуться на пол.

— Не хочешь? — ах ты, костыль, раскати твою с горошком! Ребята, — крикнул он в толпу, — привяжите к нему постель покрепче, да проводите молодых со звоном!

А ребята рады стараться, взяли от Михайлы веревку, скрутили Викторушку, как тот ни барахтался, прикрутили ему постель на загорбок, а потом в придачу пристегнули к нему и Анисью свободным концом. И шествие двинулось.

Анисья плакала от стыда и горя, Викторушко кряхтел под постелью, моргая мутными зенками, ребятишки ревели на всю улицу и тащились за матерью. Толпа подталкивала, щипала, плевала на Анисью и на Викторшу, ругала срамными словами и отпускала такие шутки на их счет, что, верно, сам дьявол краснел со стыда в пекле. Откуда-то появились разом заслонки, сковороды, пирожные листы, — задребезжали, застучали, загремели, заухали, застонали, заахали; улюлюканье, свист, гам, хохот, рев, крики — все сплелось, свилось, покатилось по деревне, запрыгало по крышам, поплыло по полям и задвигалось к Викторшиной избе дьявольским карнавалом. Забухал, затилинькал у старой часовни колокол, зарюхали гармошки под пляс... что творилось — ни один дипломат не разобрал бы.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Наконец, разношерстная орава подкатила к избе Викторши и пропустила молодых вперед.

Душа мошенника вынослива: едва Викторша переступил порог, как мигом встряхнулся и, несмотря на опутывающее вервие с постелью и Анисьей, оттолкнул назад мучителей, хотевших для потехи и к нему забиться в избу, яростно захлопнул калитку и задвинул на засов.

— Развяжи! — захрипел он злобно Анисье.

Та, еле приходя в себя, распутала кое-как дружка сердечного, села на отвязанную постель, обняла, прижала к себе притихших ребятишек и заплакала тихими слезами.

Зашел Викторша в избу, помотался, помотался и, видя во всех окнах любопытные хари, смеющиеся над ним гадливо и обидно, набрался храбрости, плюнул им в то окно и в это, потряс кулаком от злости и вновь вышел в сени.

Анисья плакала.

«На кой ляд она мне сдалась теперича?» — подумал он яростно.

— У, паскуда, навязалась ты мне, сатана паршивая! — прошипел он на Анисью с несказанной ненавистью, шуул ногой в постель, поднялся на скрипучую, дряхлую поветь и скоро захрапел мертвецкую от великих ужасов сегодняшнего дня, раскидавшись на соломенном гноище, так знакомом Анисье и другим.

...Анисья плакала. Она поняла чутьем бабьим, что с Викторушкой ей не житье. Да и противен ей

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

показался сегодня Викторушко. Как сопля ковылял... Пинали, толкали, дергали, заставляли целовать, а он молчит дурак-дураком, ежится да трясется, как кисель, противной душонкой. Ну, как жить с таким? От него ни защиты, ни помоги — самого корми... А еще ругаться начал, не нужна и ему стала, паскудой обозвал — это он, Викторша-то? Навязалась, говорит. — Это я-то ему навязалась? — подумала с ужасом баба. — Не оттого ли он за ней таскался-то, что она ему уйму всякого добра валила? Одевала, обувала, мужнину кубышку опорожнила для дружка, а он на подарки был куда как падок, сам приставал, а чуть не дай, так и губы бантом.

Вспомнила Анисья, с какой он жадной харей получал мужнины рублевики за ласки, и противно ей стало до тошноты.

Ему рублевики были нужны, а не она. А когда надо было встать на защиту, соколом встрепенуться, он раскис да захныкал, захлюпал, как квашня за кожухом. И чего ей в нем полюбилось? — думала горько Анисья, — харя тараканья, усы, как у комара, а глаза точно оловянные пуговицы от мужниных порток с фронта — самые глупые... И весь-то он, как расхлябанные кросна, ковыляет да мотается, а любится хуже мужа — Михайло на это куда деловее...

... И за что бы ей не любить Михайлу? — Мужик здоровый, ласковый такой, ежели его не злить, работящий, проворный — всякое дело наскрозь видит... А каким он орлом глядел сегодня! — Викторушко-то

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

трясся перед ним, как драные портки на свеслах. И любил ведь ее Михайло-то, чуть потрафь ему, так он кругом ее так и заходит, заворкует ласково... Как-то он теперь там один-то сердешный, хоть бы рук на себя не наложил... Подлая я, подлая,— за что мужика сгубила?

И плакала душа Анисьи, ныло сердце, скоблилась совесть... И все ненавистнее становился Викторушко и все ближе и любей Михайлушко, орел, герой сегодняшнего дня, великодушный, ласковый, страдающий Михайло, такой простой и душевный, каким он был в парнях...

Вся жизнь проходила перед ее заплаканными глазами и все черней, грязней становилась она сама в своих глазах и тем чище, ярче выступал просветленный образ Михайлы и жег ее душу тоской...

X.

Ушла Анисья, схлынула толпа из избы на улицу, загамела, заорала, забрякала и покатилась дальше, все дальше по деревне, остались в избе одни ошарашенные гости, да мечущийся из угла в угол Михайло в своих бешеных думах.

Гости переглядывались, перешептывались, толкали друг друга под бока и сдоблялись потихоньку к отплытию. Озлобленная теща фыркала, метала и рвала с сердцем в сторону разные тряпки на полавочнике, отыскивая шерстяной полушалок с крас-

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.library.ru/

ными изюминками по бурому полю. Сенька кряхтел, сморкался и, сопя недовольно носом, натягивал на себя пиджак, косясь на бутыль — выпить или не выпить? Беременная жена, вздыхая сокрушенно, укоризненно напяливала на себя какую-то драповую дребедень, похожую на капот с перехватом, с крупной сборкой по подолу. Драповая канитель никак не могла помириться с брюхатой бабой и отчаянно не застегивалась.

Бродивший в тяжелом раздумьи Михайло, поднял голову и удивился.

— Все еще не ушли? — спросил он с злой усмешкой, — выкатывайтесь — здесь не патока! — и ушел, хлопнув дверью, на поветь подышать прохладой и не глядеть на былую родню.

— Вот так гостьба! — пискнула Сенькина жена, — кабы знала, что выйдет эдакая страмота—с роду бы не пошла! Ровно знала — так итти не хотелось,—нет, пристал вот: — пойдем да пойдем. Притащилась сюда с брюшиной, а тут воно какая стыдобушка — некуда глазам глядеть было... Сестра родная этакий грех завела с оховерником — стыд осиянский!.. Сиди да глазам верти и выйдти никуда не моги — везде только и разговору будет, что про сестру...

— Да уж ни которого не похвалю — оба хороши!— запела теща, — мы-то тут при чем, что он ее до греха допустил?.. Ой, не было бы никого, я бы Анисье за такие проделки глаза бы выдрала, до костей бы всю изгрызла! Каково-то матери такую беду терпеть? Я ли ее на ум не наставляла!? Нет, нако,

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

вот штуку какую вывезла, не дай, не вынеси, тьфу!

— Михайлы жалко, — заметил Сенька глубокомысленно, подвигаясь за женой и тещей к дверям. Оглянулся назад на стол, а там среди разных яств красовались две бутылины — одна целая, а другая наполовину.

— Да и вышивки жалко, — добавил он грустно и метнулся назад к столу, бутыль в карман, другую — в другой взять разве? — все равно не бывать больше! Скрепив этим весьма догадливым аргументом свой поступок, потащился с бабами к домам. Долго еще мелькали по зеленой дороге три фигуры, размахивающие и разводящие руками и оглядывающиеся назад на Еремеево, должно-быть, разговор у них был жаркий...

А Михайло бродил по повети, не находя себе места от нахлынувшей тоски. Влопался мужик в беду, совсем не рассчитывал, что с ним такая каверза случится: легкая охотка за неволю лютую вышла. Покружил, покружил, разогнал всех кур с гнезд и вытурил на улицу, чтобы не кудахтали по-бабьи, прошел в горницу, посидел там на лавке, свесив голову, и вновь забегал туда и сюда по полу. Тоскливая тишина опустилась на него, навалилась страшной тяжестью и душила так, что дышать было нечем.

От Викторшиной избы долетал слабый гул расходившихся голосов, а в остальной деревне была такая же мертвая тишь, как в пустой избе Михайлы. Голубой день плыл и плыл над Еремеевом и, казалось, этому дню конца-краю не будет. Тоскливый,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booklinsk.ru/

жаркий заполдень не думал, кажется, никогда увильнуть за монастырскую гору и юлил перед Михайлой пушистым, золотым хвостом в окна горницы, поднимая косыми столбами пыль. Шумные мухи дзинькали в стекла, садились на Михайлу и, найдя голое место, впивались булавками. А Михайле было не до них и не до ленивого дня — в душе у него была непогода, темная, душная, сосучая, как червь-мертвяк. Нежными, мохнатыми лапами сгребла сердце Михайлы тоска и стискивала тихо и крепко, словно выжимала по капле кровь.

— Уж не выпить ли? — может легче будет,— мелькнула в голове спасительная мысль.

Прошел в избу и сразу кинулся в глаза страшный беспорядок, такой необычный в чистой Анисьиной избе. Пыль от сапог и ошметки земли, окурки, барахло разное растаскано по лавкам и по полу. На столе сиял заплаканный самовар и глухо хлюпал крупными каплями из-под крана на желтый медный поднос, похожий на огромную тусклую луну. Сиротели недопитые стаканы и чашки с потонувшими мухами. Мухи ульем гудели на столе, облепляли тучами сахар в синей утке, лампасей [1] в золотом барашке, недоеденную кулебяку, ржаные пироги с картофельным наливом и каждое мокрое место на скатерти с красными разводами по белому рядну. Мерзость запустения была еще сугубо тоскливее потому, что накрытый стол с недоконченной жратвой как бы шептал пирогами и недопитыми

[1] Монпасье.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

чашками, что гости выбежали на минуту поглядеть на какое-то диво, и что вот-вот они сейчас придут и усядутся за стол. Придет и Анисья с ребятишками и все пойдет, как по маслу, как шло все эти пятнадцать лет незаметно и глухо и совсем-то не так еще плохо, как казалось хотя бы час назад...

В раскрытое боковое окно вползал мягким, пушистым брюхом ветер и шевелил кисти на скатерти и отвисшие края, как покрывало на гробу... Да, не придут уже более гости, не придет и Анисья с ребятишками и будет жить Михайло один, как филин, как нос на его печальной, бородатой роже. Потянулся Михайло к столу за бутылями царапнуть с горя, хвать — место пусто.

— Видно Сенька стибрил, чтоб его!.. — тьфу — пакость... — догадался Михайло с сердцем и, махнув рукой, потащился под кровать за остатним запасом в жестяном, ведерном бидоне. Выпил и поморщился— и самогон ему опротивел, так всегда с ним бывало после изрядного перепоя. Оглянулся Михайло по избе и все стало таким ненужным, противным и тоскливым, словно душа из избы вышла плакать по полям. Вышел и Михайло, запер калитку и все выходы и очутился вновь на задворках.

Растянулся там же на траве, как и перед обедом, так же глядел в небо такое же голубое и бездыханно-бездонное, с такими же облачками, как давеча, белыми и пухлыми, как кубанская казачья папаха; так же чирикал ему в траве кузнечик, шептал зеленую

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

сказку ветер о дальних краях и хмурился серым, щелеватым налобником амбар, но Михайло не внимал этой певучей и ласково-теплой тишине и глядел глазами не в голубое небо, а в свою темную кишучую душу.

— Ну, вот, теперича я вольный казак — иди, куда хошь, делай, что хошь — Анисья за портки не держит, свет не застит... А светло ли мне теперича, а?—думал он горько. — Что я буду с волей-то своей делать? Куда она мне, воля-то, когда свет не мил кажется, все опротивело и уйти некуда. Куда уйдешь-то? — некуда ведь — жизнь не пущает. То-то вот и оно-то... Расхрабрился давеча-то, раскинул башкой-то по зеленым тропкам — оно издали-то и хорошо показалось на чужой-то стороне по другому зажить, али вот у себя без Анисьи, а попробуй-ка, вот,— попробуй теперича, сукин сын, а? Попробуй-ка, когда тридцать девятый год плюхнул, как сивый селезень в пестерь, машет крыльями, а улететь не может, только ногами на месте сучит, ровно квашню месит—да... Уйди вот с места-то, когда ко всякому сучку в избе, к кажинной кочке на поле с мясом прирос — не отдерешься, нет... А оторвешься, да пойдешь, так лучше головой в воду, потому как все одно сгинешь, как отломленный сук. Как пес паршивый, в помойку брякнешься и на ноги во-век не встанешь — так и проползаешь на карачках... Эх! вот оно... Не уйдешь никуда — каждое бревно за тобой потащится, не только поле—белое небо заплачет над душой, как пойдешь. Куда уж мне...—и Михайло махнул рукой, решив остаться, где был.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ну, вот, скрутил давеча, ровно бес нашептал итти к Викторке, начудил, нашутил, насмеялся на свою голову, жизнь разбил на-двое — склей вот ее эту разбитую-то бутылину!.. Не так бы можно, по чести бы поступить, сговорить бы бабу хорошим словом... Ведь и сама она от чистого сердца каялась, когда гнал-то, зарок давала... — Эх! — оба ведь виноваты,—сколько лет жили не по-человечьи, как скоты... Вот и он грешил из-за этого на стороне и бабу в грех ввел,— а нет, чтобы ее тихонько да ласково на прямую дорогу поставить... — Какое там—прямая, когда он сам все время по кривой дул без пересадки, как по гладкому месту, да бабу со щеки на щеку перебрасывал—какая хошь пойдет от такой жизни в криули добра искать... Немудрено, коли ей Викторушко паскудный за радость показался...

Мучился Михайло раскаяньем, метался по траве, скрипел зубами и мычал от боли.

— Поди ей там у Викторши-то не сладко, — тоже мучится, бедная, плачет: каково-то от одного житья к другому привыкать? Эх, кабы снова жизнь-то начать — не так бы он стал жить. Перво на-перво водку бы к чортовой матери бросил, с женой бы обо всем советовался, как складней жить, — ведь и она тоже человек. Вместо пакостей там разных взял бы вечерком, как в парнях бывало, книжонку занятную, почитал бы ей вслух, покайбовали бы вместе о том, как другие живут... Али бы вот газетину, как Гудок говорил, выписать, все бы вот занятно было обоим

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

узнать, что на свете творится и куда новое право линию гнет, — да... То-то вот... Сами-то живем — в ус не дуем, а бабу и забыли, стоит она всю жизнь около горшков да скотины и свету не видит, в голове темно, что в бочке, — ну вот и выкинет для веселья эдакую ерунду. То ли дело вместях-то итти этак вот под ручку—и весело будет и любовно и понятие будет друг о дружке...

— Вот оно где проворонил хорошее-то житье! Других давил, вот и самого в отместку придавило — потому с жизнью не шути. Вон Гудок — его не придавит жизнь, он сам ей сто очков вперед даст... С жизнью, говорит, надо итти в ногу, а коли сбился с ноги, да остался на месте — мигом на карачках будешь... Ну вот и — потерял бабу. Найди-ка другую, да попробуй с ней пожить — узнаешь, где зимуют раки. С Анисьей-то всяко бывало — хорошо и худо, а что и не хорошо — за хорошее потом сойдет. Привык ведь к ней, душой прирос видно, а оторвался и больно стало... А вдруг да всю жизнь потом болеть будешь? — тогда что? Другая-то вот баба может лучше Анисьи будет, а все думать будешь, что Анисья-то лучше была, чуть что и давай ей Анисьей-то глаза колоть при случае, а она скажет: коли больно хороша была, так зачем вытурил-то? Вот тебе и грехи пойдут и жизнь не в радость...

Долго еще ворочался на траве Михайло, все около Анисьи вертелись его думы. Тоска жгла, ревность бурлить начала. — Поди она теперя с Викторкой обни-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

мается, сучья дочь, — может, о нем нисколечко не думает, рада-радехонька, что от него к дружку попала... А он живи тут один-одинехонек, валяйся, как пес, на задворках, думай, да горюй — эх!..

И все ярче и краше вставала перед ним Анисья. Вспыхнул в памяти такой же яркий день, Андронова гора, цветная от народа, игра на тальянке, сладкая грусть, голубая тишина, веселая частушка и молодая, стройная, похожая на цыганку, смуглая, красивая Анисья. Веселым задорным смехом трясутся горошинки на Анисьиной кофте, зовут и манят в жаркий, ласковый край...

— Эх! — вздохнул он тоскливо, — ведь можно бы так жить душевно-весело всю жизнь, — а он что? Он был хозяином жизни, мог жить красовито и умно, — Анисья-то, поди, и ждала от него такой жизни и пошла за него радостно. Обманул он Анисью, все слова его ласковые осенний ветер растаскал по полю. Ну, вот, не тужи и не серчай, коли Анисья обманула, да за яркой жизнью к другому ушла... Что заслужишь, то и получишь — вот оно что... Так то...

XI.

А денек-то уж того, уползал как слизень за монастырскую гору, и солнце уже собиралось показать Михайле красный кукиш из-за горы, когда он очнулся от коровьего рева. Вскочил, делать нечего — надо на двор загонять, голубушек.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Около крыльца избы стояли две пестрые коровы да рыжая телка и громко мычали, вызывая Анисью с теплым пойлом да новым жестяным подойником для дойла.

— Мать честная, — что же делать-то? — заметался Михайло.

Посовался туда, сюда — пойла в печке не было нагрето. Принес Михайло воды с колодца — не пьют, морды морщат. Мотают головами отрицательно и негодующе, похабно фыркают над водой, помыркивая удивленно и просяще: — подавай, вишь, им теплое пойло с колоколиной да хлебными отрубями, как их Анисья добанила, иначе они и пить не станут,— такие они спесивые, да похабные.

Разозлился Михайло на коровье чванство, да как тухнет их березовым бадогом по хребтинам, только вымена затряслись через высокий порог двора. Захлопнул Михайло двор на засов, а там поднялось фырканье, потом мычанье, да с каждой минутой все громче и настойчивее, потянуло за душу, зазвенело в ушах...

— Вот оно каково без бабы-то, а? — стукнуло ему в голову и отдалось в душе горько, досадно и жалобно.— Надо, ведь, доить коров-то, а как? Отродясь не даивал, а доить придется: к кому пойдешь просить? — стыдно ведь...

А коровы орали, как в трубу, протяжный гам качался над двором и разносился за версту. Взял Михайло подойник и, скрепя сердце, пошел доить.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Сел под новотелку с левой стороны — думал, видно, что с какой ни на есть, — всяко ладно. Изумленная корова оглянулась в бок и вместо Анисьи увидала бородатую рожу Михайлы, без платка, с рыжей щетиной на голове. Увидала, фыркнула, потрясла угрожающе головой с огромными рогами. Дернул Михайло за титьку, а титька-то, как резиновая, растягивается, того гляди лопнет, да оторвется прочь... Потянул — нет молока. Титька вырвалась, щелкнув по вымю и вслед за тем бородатая хозяйка получила такой удар по башке ногой, что Михайло ощетинился, в глазах огни забегали, а подойник от щелчка полетел, гремя, под помост, к чертям в гости...

— Вот так раз!—Михайло был поражен таким оборотом дела и долго тер на голове вздувшуюся шишку, моргая глазами. Потом, с напускным смирением, вновь пошел за коровой в другой угол, хотя в душе и кипела ярость, а корова от него шарахнулась в третий и глядела на него испуганно и дико зелеными глазами.— Что делать? — Подошел ко второй, а та еще хуже — и под себя не подпустила, забегала, закружила по двору, только хвост замелькал у него перед носом. Михайло пришел в отчаяние и, видя, что не подоить ему коров никоим образом, дал ход накопившемуся гневу. Словно плотина лопнула и обрадованные волей волны заиграли в бешеном беге седыми валами — так и Михайло... сгреб какую-то доску и отдубасил коров направо и налево, потом растоптал подойник и, мучась, что зря наварзал,— может скотину привел в негодность, осерчал

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

снова от бешено закишевшей совести и обиды на кого-то и изодрал на себе рубаху, всю как есть в лепестки.

Прошел в избу, брякнулся на пустую кровать и вдруг заплакал с тяжелым хрипом, закусив зубами подушку. Раскаяние в содеянных грехах, жалость к самому себе, ужас перед жизнью охватили его и придавили к кровати... Ясней ясного дня стало, что жить ему без бабы никак невозможно — ни коров подоить, ни обряд справить некому. — А пироги, да хлебы кто будет печь? Если он, Михайло, возьмется за это — все Еремеево пойдет вприсядку плясать от хохота — таких он чудышков наворотит. В стену вдарь — не отскочат, а прилипнут так, что собаке голодной не оторвать,— да...

А где он другую бабу возьмет? Хорошая не пойдет, а худой — самому не надо.— Эх!.. Взять, скажем, Олью вдову, так она хуже Анисьи — и ему, и тому, и другому... Парасковью? Стара, как бес, а ругаться — всю Москву перелает, не только Еремеево. Митродору? Морда рукомойником, с решето разъехалась, да желтая, как недопеченная дрочена гороховая, а глаза-то, как отопки, поставлены косо, черные, мокрые, как смородина после дождя—глядеть морготно... — Силантьиху? По роже что пьяный солдат плясал сутки в тяжелых с гвоздями сапогах:— рожа примята, в крупных оспинах, брови, как вши подгрызли, — ниде волосинка, нос разъехался, как дорога в водополь,— куда ее к бесу?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://lookingais.ru/

Из всех своих подруг Михайло ни одной не мог выбрать для житья подходящую...

Брякнула калитка, кто-то стал подходить к дверям. Михайло вскочил, отряхнулся, чтобы незаметно было его горя, и сел к столу. Взглянул на себя и обалдел — вместо рубахи лоскутье болтается и пуп на воле, как у Будды. А в избе под полатями уже стояла соседка и спрашивала пустую избу: — есть ли кто дома-то?

— Есть, — ответил Михайло с отчаяньем в голосе, — постой там, Катерина, я переоденусь пока... — А сам кинулся к комоду и давай перевертывать тряпье в выдвижках, отыскивая хоть какую-нибудь ересь, хоть с заплатами — все равно. Нашел и как раз ту, которую он ненавидел — кубовую с крупными белыми бобами — ее ему Анисья в отместку на смех сшила за кубовую кофту с горошком лет десять назад. Вспомнил Михайло, что он тогда свирепо подрался и клятву дал — не надевать ее никогда в жизни. Так она и лежала с тех пор, ожидая, когда ее носить будут, — и дождалась, — Михайло был ей радешенек теперь и напялил ее живым манером.

— Я к тебе пришла в обряде помочь, дай ведро али подойник, я коров-то подою, — заявила Катерина.

— Там в сенях ведро-то, — ответил обрадованно Михайло, с некоторым удивлением оглядывая себя в большое стенное зеркало, выменянное на муку в городе у одного богатея в голодное время. — Вот

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

оно, — надел-таки, в роде как обиду Анисьину на себя надел, — подумал он смиренно и горько.

— Чтой-то ты наряден уж больно, — заметила баба, отворяя дверь в сени.

— Сватом сбираюсь, жениться хочу, — пошутил Михайло, издеваясь над собой.

— Ой ли? — А куда сватом-то?

— Да вот не знаю еще — погадать надо сперва... Возьму топор, переброшу через себя, — куда носок посмотрит, туда и я пойду.

— Полно-ко чудить-то, — надо дело делать... Куда ты гож без бабы-то? Сенокос с завтрашнего дня начнется, а у тебя не у шубы рукав... Скотину зря не закинешь — надо ее обрядить, надо печь истопить, постряпать... Да и один в поле не воин, — хвать, — а на возу-то стоять и некому! — рожь жать, молотить... — какое уж дело?

— Работницу найду, — буркнул Михайло угрюмо.

— А кто пойдет к тебе в работницы, к одинокому мужику? На славу да на смех никто не пойдет, а старуху взять, так толк маленький — для обряду с горем. Бабу тебе настоящую надо, иначе у тебя все расползется в дым, останутся одни охаратки.

— А не найдешь ли ты мне, Катерина, бабу-то хорошую, я бы тебе за труды заплатил, сколько хошь.

— А у самого-то на примете нету разве? — улыбнулась хитро баба.

— Нету... Кабы была, не стал бы просить.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— А не врешь? — Люди поговаривали, что у тебя подружки были...

— Неподходячие все... Ты уж получше бабу найди, — подумай-ка...

— Ладно... А с Анисьей-то уж и не думаешь жить?

— Ну ее к бесу! — отмахнулся мужик с досадой.

— Ну, тогда, я уж тебе приищу, только, смотри, не раздумай!

И баба хлопнула дверью, брякнула ведром в сенях и затренькала на дворе удоем, думая-гадая, где бы Михайле невесту найти.

А жених храбро шагал по избе, только белые бобы на кубовой рубахе перекатывались важно и добротно, как бывало купцы в городской думе.

— А что, может, и на новой женюсь, чорт возьми, — бодро думал он, — может, так заживу, ядрена курица, что ай-да-ну? Эк ведь приспичило давеча горевать, ровно только и свету в окошке, что Анисья. Наплевать на шлёндру, пусть живет себе с уродиной, да песни поет под окошком на голодное брюхо. Сиди, сложа руки, делать-то нечего — ни дому, ни лому, ни полосы, ни заколотки. Разве вот сапоги шить научится заместо подмастерья, — думал он ехидно.

Настроение поднималось. Михайло совсем ободрился, встряхнулся, как ни в чем не бывало, горе и тяжелые думы ровно колдунья сняла — видно в добрый час пришла Катерина. А когда она зашла со двора, кончив дойло, то застала Михайлу перед зер-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

калом с ножницами в руках. Задрав усы отчаянно в потолок и надув щеки так, что рожа забагровела, он яростно стриг бороду и там и тут, и на этой щеке и на той, и на подбородке и на сусалах...

— Молодиться захотел? Вот оно дело-то холостое! — засмеялась над ним Катерина.

— А то как же? Надо лишнюю-то шерсть сдернуть с кожи, чтобы невест не отпугнуть молоденьких, а ощетинишься лешьем-то, так и никакая не пойдет... Бабы на разу-то обиходных любят, пока не обуркаются...

XII.

Ушла Катерина, и в избе вновь настала тишина и голубые сумерки уходящего дня. На улице тоже тишина: кой-где брякнут ведра, послышится смех и говор о веселом событии, приглушенный вечерней прохладой, протилинькает тальянка об уходящем празднике, как запоздалая песня птички в зеленых кустах перед сном.

Тишина и голубой покой охватили Еремеево древней грустью мудрым стариковским часом, напоминающим об юном золотом дне в тиковых порточках и в беспоясой рубашенке.

И Михайлу вновь охватила скребущая тоска, бодрое, крепкое настроение шмыгнуло вместе со старой Катериной за калитку и не хотело уже более возвращаться. Чтобы чем-нибудь занять себя, Михайло стал прибирать со стола, перемывать чашки, приво-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksaic.ru/

дить в порядок избу, как домовитая хозяйка. Сватовство Катерины показалось ему шуткой — и только.

— Сухой глины к стенке не прилепишь — не будет хорошей жизни с новой женой, какая бы она ни была. Все хорошее изжито с Анисьей, красные дни отданы ей. Остается дотаскивать свою жизнь, как старые сапоги по пашне, делать знакомую до тошноты работу единственно, чтобы жить — вот что оставила ему Анисья... Так нечего и чужой век завешивать, живи под сгущавшуюся темень в душе.

В избе тоже настала темень. Поднявшаяся с запада из-за монастыря Предтечи кубовая туча сглотила алую зарю черным зевом так, что та не успела пискнуть и двигалась на Еремеево в грозной, черной тишине. Блеснула ломаной трещиной яркая молния, словно черная громада треснула с запада на восток поперечным поясом — вот-вот сейчас рухнут с тяжелым гулом тысячепудовые каменные осколки и раздавят глибкую землю, как котлету утюгом. Минута, и грянул оглушительный гром с таким вереском, треском и гулом, как германец под Верденом, только стекла в рамах затряслись, зазвенели от страха, задрожала земля мелкой, холодной дрожью. Взвилась пыль на околице штопором выше крыш, забрякал крупный дождь по стеклам и крышам с водяной пылью, как горох из мешка, заплясал по земле вприсядку. Крупный ливень на стеклянных ножках так отдувал трепака, что дорога одним мигом стала желтым ручьем, забурлила, запенилась пивом в колеях и выбоинах,

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.ulgic.ru/

запела водопадиками и понесла разную дрянь — тряпки да щепки вместе с грязью за околицу.

Через час было уже тихо, тихо булькал под окном засыпающий ручеек дремотную песенку под синим шатром ночного неба и убаюкивал деревню. И деревня заснула. Заснул и Михайло. Снилась ему Анисья такая хорошая да ласковая, какой еще в девках была, звала его, тянулась к нему с высокой, зеленой горы, в роде как с Андроновой, а он, Михайло-то, тоже рвется к ней и не может с места двинуться, будто ноги приросли к земле. Заплакала Анисья, махнула рукой — прощай, повернулась, пошла и скрылась за горой. Рванулся за ней Михайло, крикнул и... скатился с кровати, только голова брякнула с тупым стуком о пол, как гиря. Еле очухался от такого гостинца и долго не мог понять, где он, пока не нащупал кровати. Лег, но забыться уже не мог, глядел в темноту и ждал: не придет ли Анисья?

— Нет, не придет — сон в руку... Прости — прощай, моя радость, горе мое темное...

Долго ли лежал он так в полузабытьи — не помнил. Думал думы и слушал тишину. Послышались шаги Анисьи в сенях, таково явственно заскрипели половицы. Подошла к дверям, брякнула железной дужкой о деревянный край поганого ведра и вдруг Анисьин голос из-за двери: — «Михайло, — я коров-то напоила».

Михайло вскочил. Пришла! — и опамятовался.

Кругом тишина, и синяя ночь распласталась луной по полу.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uralcn.ru/

— Что за диво? — Разве поят коров о полночь?— подумал он. — Поглумилось, видимо.

Вышел в сени — пусто.

— Анисья! — крикнул он. — Молчание и жуткая насторожившаяся тишина. — Нет, уж не придет больше Анисья, — па век ушла, — закипели опять те же горькие мысли который раз. Жутко ему стало в мертвой избе без души, холодно жить без Анисьи. — Коли она не придет — я к ней приду — надо, видно, самому ее задрать наперед, уж обидел он ее очень, — не так бы надо... — загудело в голове.

Полыхнуло в душу думой о золотом житье, что буйным ветром унесло по дорогам и замыло дождем. Все злое, нехорошее, все прошлые грехи забылись. Встала прежняя жизнь во всей красе молодого дня, каждая ласка вспомнилась, и все темное показалось Михайле светлым. Всему нашел он оправдание в эту ночь в одинокой тишине.

— Оно ведь и без ругани нельзя в иной раз, — всегда бывает тишь особая после изрядной встряски и на душе приятно становится, как телу после жаркой бани... — Сходить разве к Анисье-то, позвать ее — может, пойдет?.. — А вдруг да не пойдет? Спит, поди, с Викторкой, да обнимается, его, Михайлову любовь срамит — тогда что? О, тогда он убьет обоих — все равно страдать-то, лишь бы глаза не видали, уши не слышали, как они живут да над ним смеются... — Сходить или нет? — колебался Михайло. Нет, не пойду — пусть их, как хотят, тешатся — махнул он рукой с горьким великодушием.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Полно, так ли, парень? — Пойдешь ведь...— шепнул ему в ухо насмешливый голос откуда-то.

Раздвоился Михайло, стали два: один, как ночь осенняя, темный и злой, а другой светлый, печальный, всепрощающий, любящий Михайло и подняли такой спор, вступили в такую возню и драку, что Михайло вспотел.

— А вот не пойду, — решил он упрямо и злобно... И пошел, как вор, по задворкам, озираясь по сторонам, чтобы кто не заметил на-смех, как он к Викторшиной избе за Анисьей идет...

XIII.

Не спалось Анисье. Она слушала, сидя у окна, как тяпают капли с застрехи на-земь, глядела в раскрытое окно на синюю улицу и горько думала. На полу у ее ног спали ребятишки, и белый месяц лил серебряный свет в боковое окно на белую постель и отпечатывал на полу темный крест рамы. Вздыхала на улице сырая, теплая тишина и клубилась на задворках кудрявыми волокнами в туманы.

Грызла Анисью тоска о прошлом житье с таким довольством и достатком, которого не видать уж ей под старость с противным скаредом Викторушкой. Брала и обида на Михайлу за позорное изгнание, а пуще того на Викторушку. Гам, рев, стукотня, трескотня в сковороды, хохот, издевательства, похабные шутки, весь этот сегодняшний срамной молебен

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

так и звенел в ушах, так и заливал нестерпимым стыдом душу...

— И все ведь это из-за Викторки проклятого... Связалась я с ним на беду да на горе... Пристал, как бес, привел под худые дела, осрамил по гроб жизни... — Надоел ей сегодня Викторша хуже горькой редьки. Пришел с повети заспанный, всклоченный — эдак уж под вечер и стал приставать с ласками при ребятишках...—Ненавистен он ей показался, морготен и противен, как болотная жаба, — такой скользкий, неуклюжий, неурядный... Удивилась еще раз Анисья: как это она могла любить такого идола? — да как тухнет его в три шеи из избы ухватом. Викторша закостылял от нее, поджав хвост, опасаясь, как бы не пропорола ему Анисья брюхо... Долго потом ворочался и ругался на повети, удивляясь Анисье. Он никак не ожидал, чтобы она с ним могла такие штуки выкидывать, командовать да ожимать ему так славно перья. Раздумался Викторша и в ужас пришел — он крепко не рад был теперь Анисье, связала она его кругом. Ежели так и вперед будет — не родись человек на свете для такой жизни. Жил он один-то, как Адам в раю, бабьим угодником, а теперь на-ко вот — сразу целую семью на шею повесил, да такую, что, того гляди, будут его по шее дубасить кажинный день.

— Прогоню, ежели что, — решил он, — пусть идет, куда знает, такая ненаглядная!

А ненаглядная сидела под окошком и думала никак не о Викторушке, а о Мишеньке: как бы к голубю

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

сизокрылому до сердца его до горячего, черной изменой обиженного, тропку такую найти? Уж любила бы она его теперь жарче огня от дерева жарового, ласкала бы его, друга милого, день и ночь, загладила, заласкала бы обидушку великую, заставила бы его забыть эту страмотушку неуемную, что сердце бабье тоскливое на части рвет... Выглянула в окошечко на лунный белый свет, а сердечко-то в окошечко так и порхнуло к другу милому с бабьей жалобой: прости, Мишенька, бабу глупую, возьми к себе, не оставь горе-горькую сиротой век жить, обними, прижми к себе, бедовую, на новую любую жизнь... — Глядь, а Мишенька-то к ней и идет из проулочка, да прямо к окошечку... Баба так и затряслась от страха: — не виденье ли это? Не знак ли кто с того мира посылает? Может, Мишенька-то и не жив теперь с горя, — может руки на себя наложил? Уж не душенька ли его проститься с ней пришла на отлете? Ведь давеча, когда он гнал-то ее, она чутьем почуяла, что большое горе у него на душе камнем лежит... — Перекрестилась баба, заградила окно крестом, молитву шепчет, а Михайло все ближе и ближе идет. Остановился, глядит на окно таково жалобно. Отшатнулась Анисья от окна подальше, а в окно глядит испуганно и жадно, а сердце бьется, петухом кричит: — это Мишенька пришел!

Обливает луна Михайлу, льет белый печальный свет на кубовую рубаху с крупными бобами — ту самую, что она ему давно-давно на-смех сшила.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Что это, как-будто он, как-будто и не он?.. Бороды нету, только усики торчат беленькие, да голубые Михайловы глаза отливают, горят при луне под тенью белых ресниц и смотрят на темные окна печально, печально, с глухой болью и тоской, и кубовая рубаха как-будто плачет на нем... И весь он такой тоскливый, страдающий, робко смотрит в окно на Анисью и руки к груди прижал... — Он или не он? — не знает Анисья, только жалость великая пала на бабье сердце жалостливое, а Михайло стоит перед ней, режет сердце укором, как нездешний гость.

— Анисьюшка, — это ты? — спросил Михайло невыразимо печально и радостно и шагнул к окну.

Рявкнула Анисья и упала на постель, трясясь от рыданий. Не может ответ подать, не может и на ноги встать — распустилась баба от страха, радости и горя...

Заглянул Михайло в окно, руку на подоконник положил:

— Анисьюшка, родная, пойдем ко мне, не могу я жить без тебя, Анисьюшка...— проговорил он со слезами в голосе — и как ножом резнул бабу по сердцу. Не могла Анисья головы поднять, не могла ничего ответить Мишеньке, язык от слез не ворочался.

Задрожала баба от рыданий, от радости большой, от горя тяжелого умолк язык, оцепенела душа и рвалась на части. Уткнулась Анисья головой в подушку и трижды прокляла свой бабий грех... А когда под-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

няла голову — Михайлы уже не было в окне. Он шел прочь от избы, опустив голову, и, стиснув ее руками, плакал навзрыд. Отзвук глухих рыданий долетел до Анисьи, протянула она руки к Михайле, словно его остановить, воротить хотела, — хотела крикнуть ему и не могла. Брякнулась головой на подоконник и замерла. А когда вновь подняла голову — никого уже не было в проулке.

— Не придет уже более!.. — мелькнула страшная мысль и Анисья побелела как луна.

— Придет, придет!.. — с надеждой стукнуло сердце.

И сердце не обмануло: Михайло приходил еще два раза, глядел с тоской на темные, жадные окна, словно спрашивал:

— Тут ли Анисья?

Окна сияли насмешливо жидким блеском оранжевых старых стекол: — здесь-то здесь, — только она не твоя теперь, а Викторшина...

— Жива, жива, — кивала ему изба старым, морщинистым налобником.

— Думает ли, знает ли, как я мучусь? — спрашивал себя Михайло с горькой тоской.

— Угу, — думает, — бурчала толстыми кирпичными губами красная труба спросонок.

— Лю-би-ит, лю-у-би-ит, — пискнула ему на зеленой березке какая-то птичка. А кругом сон и сонные туманы окутали деревню, клубились, вились пеленой и бегали дрожью по спине Михайлы, а на

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

сердце у него была зябкая дрожь от другого холода и не давала ему покоя.

Заглядывал и в окна, видел на полу спящую Анисью и не решался ее разбудить и не однажды занесенная рука брякнуть по стеклу опускалась медленно вниз. И он уходил так же тихо с опущенной горькой головой, как и приходил. Муку мученскую вынес он в эту ночь...

А Анисья вздрагивала во сне, металась, стонала, кричала и звала Михайлу, плакала, а иногда и улыбалась радостно и весело, как девочка.

XIV.

Солнце стояло уже высоко, жарило в окна Михайловой избы так, что мухи пищали и тренькали в горячие стекла головой, словно просились на зеленую улицу. Открыл Михайло глаза и вновь зажмурил — яркий день больно ударил ему в глаза. Вскочил изумленно: что за диво? — как это он очутился летом на печи? — вспомнить не мог сразу, а как вспомнил — закачались в голове ночные туманы, забегали холодной дрожью по спине, даром, что он был до мокра в поту.

— Чорт возьми! — а скотина-то как же? Неужели на дворе все-то? — соскочил с печи да на двор: ворота полы, двор пуст.

— Пастух, видно, выгнал, — сообразил он: — только доены ли они? — Стал искать и нашел ведро с утрен-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ним удоем. — Катерина управилась... так, — зевнул он и тряхнул тяжелой головой.

Вышел на улицу — жаркий день загудел в ушах новым трудовым гулом, стуком, бряканьем и задором. — Это был первый сенокосный день, который всегда бывает похож на праздник.

Прислушался Михайло, почесал в башке: мать честная, — сенокос ведь, как быть-то теперя?— и Михайло тяжело опустился на порог. — Работницу надо искать беспременно, иначе дело ноль, — раздумывал он, — а где теперь найдешь работницу, опустя пору? Все теперь на местах... не зевали — с Егорьева дня в наймы порядились... куда пойдешь? Некуда ведь, а?

А в деревне шла веселая работа: кто грабли чинил, кто новые косья стругал, кто косы насаживал. Молотков пять долбили в перебой отбой по косам, а некоторые в нарядных, праздничных рубахах косили в овинах, обкашивали задворки.

Эх, и добро после годовой сенокосной разлуки взять косу да со свежей бодрой силой размахнуть во все плечо! — только трава зашумит, с визгом отлетая с корня, как борода под бритвой, а ветерок так и заиграет под рубахой. Благодать — этот первый сенокосный день! Но уж зато последний день тянешь, как быка на базар, так надоест одна да одна работа — трава да сено, сено да трава, косьба да гребля, особенно если это тянется недель пять с рассвета до заката. Завидуешь тому, у кого сенокос рано кончен,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

а тот завидует тому, у кого его много, — чем и живет мужик, как не сенокосами!

Сенокосу у Михайлы было много, а работников мало, вот он и тужит: — не зевай, разворачивайся! — время такое, а кем возьмешь, кто поможет?

Михайло зевать не думал, взял с подволоки косу, подклинил заклепки, отыскал молоток и бабку, сделал у крыльца отбой и начал начеканивать, поплевывая на острие молотка, чтобы не отпустить у косы закал.

— Покошу на задворках, может полегчает, все разуздаюсь маленько, — решил он.

Бьет Михайло косу, а на душе и верно легчает, а денек так и подкатывает к нему золотыми клубьями, так и качается над головой с звонким перебоем. Обнял вдруг Михайлу и засмеялся у него на груди, да так, что мужика задор охватил.

— И один управлюсь, — закипело в голове, расширило крепкой силой грудь — так бы и скосил все единым махом.

— А ведь Анисья-то к тебе придет сегодня за барахлом с Викторкой, — стукнула ему в темя ядовитая мысль. Обалдел Михайло, поднял голову: — что я буду делать тогда? — растерялся он и растерянный взгляд его упал на что-то такое, от чего Михайло вздрогнул и выронил из рук молоток и косу.

Перед ним в отдалении стояли рядышком, держа друг друга за руки, Васютка и Анютка — его бывшие дети и глядели на него внимательно и испуганно с недетской скорбью в серых глазенках, на которых

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

дрожали невысохшие еще слезинки. Детские грудки вздрагивали от утихающих рыданий.

Что-то жалкое, растерянное проползло по лицу Михайлы, подкатилось к сердцу и стиснуло крепко-крепко невыносимой жалостью к этим обиженным детям и к себе самому.

— Они-то чем виноваты, что с таких-то годов терпят такое горе? — закипела совесть. — Нечего сказать — хорош пример от родителей видят... Что из того, что они не с ним прижиты, может тут и его копейка есть? Разве не его душа в них положена, они ведь с ним жили, ласкал он их, наставлял, уму-разуму учил, своими их считал, не думал, не гадал, что они не его кровные. А детишки-то разве могут Викторшу за отца почитать? Ведь Михайло-то всегда будет для них отцом и по душе, и по отчеству, не отрекутся от него ни в жисть, ежели он с ними жить будет, при себе их держать, как родных детей. Отречется ли он от них, хоть они ему и чужие по закону житейскому? Ну, а по душевному как? — По душевному они родные ему, так как же он вчера-то их прогнал от себя, дал им такой срам пережить, такое горе? — скреблось у Михайлы серой кошкой в душе и кружило голову.

А ребятишки стоят да глядят на него с тихой жалобой в заплаканных глазках, топят, как воск, отцовское сердце.

— О чем плакали, голуби? Мамка-то где?—спросил Михайло дрогнувшим голосом.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.library.ru/

— Таматко у Викторши,— махнул ручонкой Васютка и заплакал, вертя кулачонками по глазам.

— Тятенька, миленький,—взвизгнула девочка и кинулась к отцу на шею,— пойдем к мамке, — зарыдала она и прижалась к Михайле.

— Зачем, детки? — спросил тот, чувствуя, как подступают к глазам и душат за горло кипящие слезы.

— Мамка плачет, пойдем к мамке, возьми нас к себе с мамкой, — плакали ребятишки.

— А ежели мамка не пойдет, будете со мной жить без мамки?

— Будем... Дяденька нас бьет и мамку бьет, а мамка нас бьет, не будем там жить, будем с тобой жить...

— А любить тятьку будете?

— Будем, тятя! — И ребятишки прижались к нему крепко-крепко, а Анютка так та поцеловала отца в щеку от избытка чувств.

— Пойдем за мамкой, — заревел Васютка, дергая за рукав отца.

Не выдержал Михайло и заплакал в три ручья.

— Тятенька, а тятенька,—тормошила его девочка,— зачем ты прогнал-то нас с мамкой?

— Эх, детки, детки, нельзя вам про это знать — скоро состареетесь...

— Тятька, мне Васютка вчера сказал, что ты не настоящий тятька, а так в роде дяденьки Ивана, а настоящий тятька — дяденька Виктор... — правда это?

Михайло был поражен: в такие-то лета, а этакие понятия в детской головенке?.. — Ба, да ведь он сам

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

вчера им сгоряча брякнул что-то в роде этого...— Вон оно откуда у них взялось!

— Врет он все, дурочка, — не верь ему... За ухо бы тебя надо, Васютка, за такие слова вот, — и он таскнул за вихор раскрасневшегося от стыда Васютку.

— Ну, что, говорила я тебе — врешь, — ну, вот и попало за вранье, — поддразнила она братишку, — какой он тятька, коли с нами не жил? Такие разве тятьки-то? — Вот это так тятька! — и она таскнула Михайлу за усы, — а тот что? — хромой, корявый, раскоряка такой — тьфу!—и девочка топнула ножкой. Потом потянула опять тятьку: — пойдем за мамкой, тятя, дяденька мамку бьет, убьет еще, ножик схватил, — пойдем, — запищала она сквозь слезы.

— Пойдем, тятька, — загнусавил Васютка, — там худо маме, у них грехи, как бы чего не вышло, — прибавил он серьезно, подражая взрослым.

Михайло встревожился не на шутку, испуг детей передался и ему. Встал и пошел с ребятишками за Анисьей с понуренной головой. Неожиданные маленькие ходатаи оказались лучше всяких свах и тащили его заключить прочный мир с Анисьей. И он шел сейчас к Анисье хотя и не с таким пылом, как ночью, но с крепким решением жить по-настоящему. Это настоящее мерещилось ему весьма смутно, но в глубине горел и теплился огонек любви и таились стремления к чему-то новому и прекрасному, похожему на то, что говорил Гудок на задворках... Погаснет этот огонек или разгорится в огненные блики золо-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booklinks.ru/

того дня, все зависело от обстоятельств, а пуще всего от самой Анисьи.

— Простит ли она ему обиду, пойдет ли еще к нему? — вот над чем он задумывался и весил голову на грудь. Да и ревность к прошлому и настоящему пищала откуда-то из темного уголка души и разливалась тоненькой ядовитой струйкой.

— Все ли время там у дяденьки мама с вами была, али уходила куда с дяденькой? — допытывал он.

— Никуда не уходила, все с нами была, — ответил Васютка.

— И спала с вами?

— С нами на одной постельке под окошком...

— А дяденька к ней ночью не приходил?

— Приходил, поругался с мамой и убежал... Мама его ухватом прогнала...

У Михайлы отлегло от сердца. — Значит, не будет там она жить — каюк Викторке... А пойдет ко мне ежели, то жить будет честно — урок я ей хороший дал, нет худа без добра... Да и ребятишки много значат, за себя и за меня постоят... Материнское сердце не фунт изюму, — куда ребятки, туда и оно... — И Михайло с просветленным лицом подходил к Викторшиной избе.

— Тятенька,—дернул его Васютка,—эвоно дяденька-то Виктор с узлами куда-то пошел...

Поглядел Михайло и верно: по дороге за деревней поднимался, ковыляя в гору, Викторушко с большим узлом на спине.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Куда бы это? — соображал Михайло. — Э, да он, кажется, совсем в отлет отправился от женатого житья, — видно не по вкусу пришлась Анисьина ласка, — догадывался Михайло.

— Уж не сделал ли он чего, сукин сын, с бабой? Может ее уходил совсем да и на утек пошел? — и Михайло чуть не бегом кинулся к избе...

XV.

Выспавшийся, как бубен, Викторша встал утром в самом миролюбивом настроении.

— Чорт возьми, — подумал он весело, — не было ни гроша, вдруг алтын появился — сразу семью, как водой нанесло, — живи, не тужи... Анисья не бедный крюк — зацепить ей от Михайлы по новому-то праву можно порядочно... Над чем я вчера капризничал-то? С какого голосу? От Михайловой кубышки серебра у него не одна сотня брякает, что у Анисьи за войну выморщил... Нарежут ему земли, наймет работника да поденщиц — все кругом обделают, а ты сиди себе в избе, да посвистывай... А нет, так наварил самогонки да устроил помочь — в один денек всю работу своротят, только вечером гармоньи заревут под пляс, подгулявшие девки такую толкотню да визготню поднимут с парнями — пыль столбом... Да... Не житье — малина, ходи, как барин, с тросточкой... Только надо Анисью натравить, чтобы с Михайлы свое сдернула... Только как вот итти-то к нему,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

к дьяволу, за Анисьиным руном да скотиной — страшно ведь... Остервенится. пожалуй, да такую встряску даст — год помнить будешь... Направить Анисью одну, и побьет так не жалко — не его загорбок... А может и по чести отдаст, как вчера обещал, — кто его знает?.. — Нет, уж пусть сначала Анисья сходит, а он за ней подкрадется, — ежели ничего идет дело, так и сам туда заявится, а ежели худо — шмыгнет к себе и — вся недолга...

С таким-то вот планом и с веселым лицом вошел в избу хромым бесом и заюлил хвостом около Анисьи.

Анисья сидела у стола, подперев рукой голову, и о чем-то думала. Ребятишки перебирали старые книги в углу и разглядывали картинки, робко озираясь на мать. Они боялись ее беспокоить, получив по затрещине за неуместные вопросы, и вели себя тихо в новом, непривычном жилище.

— Анисьюшка, ты бы обрядилась, чем так-то сидеть, напекла бы олябышков, — ласково обратился Викторушко.

— Сам-то ты олябышек с непропекой! — огрызнулась Анисья злобно, — обряжайся, как в избе ни воды, ни дров нету, а на улицу выйти срам из-за тебя, костыля дьявольского...

— Ну-ну — принесу сам, не ругайся только, — хихикнул угодливо Викторушко.

— Вот тебе и дрова, — брякнул он ношей, — растопляй, пока я за водой сбегаю...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Неужели обряжаться надо? — подумала с ужасом баба,—ведь ежели обряжаться, так и жить тут надо, обрядись только раз, так в другой и подавно обрядишься... Нет, будь что хошь, а она обряжаться не будет, не будет жить с пакостником... Будет ждать Мишеньки... Приходил же вот ночью за ней и еще придет...—А вдруг да не придет, вдруг да раздумал? Тогда полезай в петлю, тогда и жить не стоит, стыд да горе терпеть с этаким уродом, на смех людям... Нет уж, не житье тут... увидит потом сыздали Мишеньку — сердце кровью обольется...—Эх, баба, баба, было в руках счастье, не умела держать — лови вот его, поймай-ка, попробуй!..

— Ну, вот тебе и вода! — звякнул Викторша ведрами. — Ты что это, Анисьюшка, печь-то не топишь, бог тебя люби? Не горюй, — погоди, заживем мы с тобой, да еще как! Чисто господа, — право... Не тужи, голубка, о чем тужить? И он подковылял к бабе и погладил ее по голове ласково, ласково.

— Ну тебя к лешему! — разозлилась баба, — уйди с глаз долой, бес проклятый!

— Вот как, есен колпак,—осклабился Викторушко,— уж и бес! Ой, смотри, баба, не бунтуй зря — слюбится... Что это? Только и имени мне стало, что бес да бес, да хромой дьявол? Почто и любила, когда так? По что ноченьки-то темные по задворкам простаивала, меня поджидаючи? По что ко мне-то сюда по ночам бегала, когда мужа дома не было? А пришло время по-настоящему жить, в роде как по

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

закону — и рыло на сторону загнула... Отчего это, Анисьюшка?

— Отвяжись, окаянный, не поминай лучше, не пори моего сердца, противный, — у-у! — и баба вдруг заплакала, упав головой на стол...

— Что ты, дурочка, о чем? — удивился Викторушко, — на что серчаешь-то? Отчего противен-то я тебе больно стал, скажи, Анисьюшка? — наступал Викторушко и облапил бабу.

— Отвяжись, нечистый! — завизжала та, вырвалась, толкнула его, да так, что он чуть не брякнулся с подвернувшейся ноги и вслед затем ядреная затрещина засияла у него в глазах зеленой молнией.

— Вот за что — понял? — злобно спросила баба.

Ошарашенный Викторша только глазами замигал. Ребятишки, разинув рты от страха, глядели во все глаза то на того, то на другого. Викторша готов был вспыхнуть, как спичка, шаркнутая о коробок, но в ту же секунду смекнул, что стерпеть куда было выгоднее.

— Эх, Анисьюшка, Анисьюшка! — за что ты меня, а? Али ласки мои молодецкие не по сердцу пришлись? Вспомни-ка, как я ласкал-то тебя, пташечку мою сизокрылую, ноченьки с тобой проводил, без мужа постылого, в войну лютую солнышком для тебя горел... Эх, чем я для тебя не молодец, — погляди-ка, Анисьюшка!.. — и Викторша, одернув на себе желтую, засаленную гимнастерку и такие же штаны, выставил вперед грязную ногу в опорке и закрутил жидкие

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booklinsk.ru/

усы штопором, гордо выпучив на Анисью тусклые рачьи глаза.

Как ни горько была пастроена Анисья в эту минуту, но все-таки не могла не улыбнуться на такую выходку Викторши.

— «Вот дурень», — подумала она.

— Анисьюшка, брось ты все эти глупости к ядрене бабушке, заживем лучше, как ангелы в раю... Парень я фартовый, ремесло имею, голова у меня золотая, смозгую, как копейку нажить... Да и ты не бедная, — глянь-ко, у Михайлы-то всего полная чаша — три пая за тобой пойдет, — почитай все именье... Чем будет не житье? Лежи на боку — люди наработают — только шабалкой вари.

— Вон он куда метит, — сообразила баба, — на чужой кусок разел глоток, — только, парень, подавишься, — не бывать тому...

— Земли нам наделят из Михайлова пая, оставят ему старую избу — живи, как сыч... А тут все нам достанется, — мечтал Викторша вслух и, как соловей, пел, обнажая жадную душу до последних потрохов.

Анисья сидела темнее ночи.

— Свяжись вот с таким — жилы вытянет, гнус постылый, с голоду заморит для кубышки... Мишенька хоть для семьи ни в чем не отказывал, на другом выгонял... Да разве такая голова у Мишеньки? — тот и на выдумки смел, а этот, как сопля, стелется, змеей шипит...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ай, чтой-то это мы не обряжаемся-то, Анисьюшка? — спохватился Викторушко, — солнышко-то уже высоконько, время на обед плывет. Дай-кось я затоплю печь-то, а ты стряпни что-нибудь — хоть кренделько к чаю.

Снял лоток с полки, принес муки: — стряпай, Анисьюшка, пока, — я печь-то мигом настрою.

— Стряпай сам, а я не буду, — отрезала Анисья.

— Чтой-то ты какая сердитая-то? — юлил Викторша, — ну уж на первый раз я управлюсь, а к завтраму ты уж готовься, квашню замеси на пироги да на хлебы... Ну и заживем мы Анисьюшка!.. — и понес ерунду пороть, перемешивая ласковые слова с жадными мечтами о грядущем богатом счастье, распуская когти, как кот, когда его по спине гладят. А сам не зевал, топил печь, винтил кренделя и катал чижики из яшной огибки, ставил самоварчик и все жужжал, жужжал Анисье в уши, как неотвязная муха.

Старенький пузатый самоварчик с зеленым цветением и с жоминами на боках хрипел уже на столе, кренделя и чижики были водворены туда же на черной прожженой сковороде, рядом красовались две надтреснутые голубые чашки с перехватами, голубая утка с сахаром крякнула: готово!

— Не осудите, гости дорогие, придвигайтесь, — приглашал любезно Викторушко, — мы с тобой, Анисьюшка, из чашек будем дуть, а ребятишки с блюдечек — вот и хватит на всех посудинок...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Ребятишки, сильно проголодавшиеся со вчерашнего дня, потянулись было к кренделям.

— Не троньте — пусть сам трескает! — цыкнула на них Анисья.

Ребятишки осели. Анютка запищала жалобно:

— Мама, я есть хочу!

— Погодите немножко — накормлю уже... у кого-нибудь достану.

— А что же, как же это? Почему моей стряпни не хотите? — возмутился Викторушко, — я, чай, не поганый, по что брезговать-то?

— Да пойдет ли от тебя, бесстыжего, кусок в горло? Не надо, не хочу, и ребятам не дам есть...

— Давно ли такие заносчивые стали? — подумаешь... — съязвил Викторша. Налил себе чашку и стал запивать с кренделями, только вихры затряслись на макушке. Потом покосился на Анисью, ощупывая наглым взглядом. — Полно фордыбачить-то зря, покипятишься да остынешь, лучше лучшего будешь жить... Куда от меня пойдешь-то? Эх, Анисья, Анисья — чего тебе от меня надо еще? — Не понимаю... Живи-ко по чести, да делай, как лучше. Вот попьем чаю, ступай к Михайле за барахлом, узнай, что и как... Ежели что не так — деревню можно собрать, миром рассудить, а нет — так в Совет, чтобы опять по-вчерашнему не вышло... Своего упускать нечего, что можно сорвать — рви, как с кола... пойдешь, что ли? — и Викторша так и впился в нее глазами.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Никаких тебе советов и сходов не будет, ничего с него не возьму—довольно, потаскала к тебе раньше... будет, хватит с тебя — за все получено.

— Как получено? Что ты в уме, баба? Куда ты мне с одним-то сарафаном с этими галчатами, на кой чорт тогда сдалась? С корзиной под окошками что ли бегать будем? Сейчас же отправляйся, живо! — слышишь?

— Иди сам, а я не пойду срамиться. Иди, попробуй, он тебе такой надел покажет, что штанов не унесешь, треснет, так — ощетинишься.

Викторша злобно заскреб в башке и, наконец, разошелся.

— Что ты меня за дурака считаешь, что ли? К чорту, коли так! Уходи вон! Что я буду маяться с такой ведьмой? Куда мне тебя, голозадую? Ступай к Михайле, чтобы не пахло у меня бабьей кислотой! Вон!

— А вот и к Михайле не пойду и с тобой жить не стану ни по-худому, ни по-хорошему.

— Ах ты, лахудра драная, потаскуха чортова! Да я тебя так тухну, что света не взвидишь!..—и Викторша, сжав кулаки, шагнул к Анисье.

— Подойди, тронь только, уродина нечесаная, так увидишь, потаскун плюгавый, как из тебя шерсть полетит в потолок, — распустила Анисья когти.

Сгреб ее Викторша за грудь и кулак занес, чтобы ударить, как Анисья цапнет его по роже, чуть глаза не выдрала. И давай тузить друг друга. Васютка и Анютка завопили и с ревом вцепились в Викторшу, запутались у него в ногах и потащили от матери.

*

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

— У, хромой бес,— ревел Васютка, — я те покажу, как маму трогать!—и пустил зубы в Викторшин бок. Анютка тоже скребла и кусала. Рев, гам, содом поднялся. Изба дрожала, скрипела, кряхтела и тряслась.

Ребятишки мешали Викторше здорово. Вцепившись в Анисью и желая сбить ее с ног, он дал попутным делом им такого пинка, что ребятишки с воем отлетели в угол.

Анисья с Викторушкой бешено крутились по избе. Жилистая, крепкая Анисья и Михайле иногда давала достойный отпор, справилась и с Викторушкой. Согнула его дугой к полу и давай комяшить по горбу. Викторша вырвался, схватил со стола нож, глядь, а Анисья опять, как вчера, за ухват сгреблась. Викторша полез на нее, скрипя зубами, а та его так жарнула ухватом в бок, что он икнул.

Ребятишки взвыли: — не тронь мамку, мы тятьке скажем! — да с ревом на улицу.

Анисьин ухват работал исправно, выбил у Викторши нож из руки и гулял по буйной голове, как цеп по снопам. Викторша взвыл от боли и покинул поле сражения, забившись в угол, и щупал на башке выраставшие шишки. Руки, которыми он прикрывал главу свою от погибели, были в багровых пятнах и ссадинах...

— Господи, — взмолился Викторша в страхе перед грядущей судьбой, —как же быть-то теперича? Неужели и все так будет?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— А ты как думал?— спросила, тяжело дышавшая от подвигов Анисья,— денно и нощно буду бить пакостника за то, что опорочил мою любовь, жизнь мою сгубил... — У, сопля блудливая, — отольются тебе бабьи слезы... Придет сюда Михайло, да под пьяную руку прихлопнет тебя, как отопка... Погоди ужо, он те задаст трепку!

Викторша пришел в ужас: чего доброго, может ведь так случиться и даже очень может, смотря потому, какой на Михайлу стих найдет... Да и Анисья его стоит — запырять до смерти может, а нет, так он ее уходит... И то и другое не красно. И обиженный и напуганный любовник начал складывать свои охаратки в мешок. Анисья сидела и глядела на него с презрением и горько жалилась в сердце своем на судьбу.

Оклал Викторша в мешок портки и гусли, поднял, крякнув, на плечи и пошел из дому, куда глаза глядят, — должно быть в город понес серебро и свои таланты, как евангельский богач. Оглянулся на Еремеево, как бы навсегда прощаясь с ним, и к своему неописанному удивлению и страху увидал Михайлу с ребятишками, стремительно бегущего к его избе. Спустил с плеча мешок и стал ждать, что будет.

— Может быть ее бежит, а может и его, Викторшу, утюжить, а нет так назад Анисью взять хочет — кто его знает?.. Итти дальше, али обождать? — соображал он.

Ему было жутко оставаться тут, но и любопытство долило, и желание остаться дома, если Анисья к Ми-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

хайле уйдет. Не зная, что делать, он так и остался стоять на месте, как ворона на остожье.

Анисья одумалась. Наступившая тишина охватила жутью и тоской... — Где же ребятишки? — всполошилась она.

Вышла на крыльцо и обомлела: перед ней остановился Михайло с ребятишками.

— Ух, жива! — вздохнул он радостно и кинулся к Анисье. — Анисьюшка, дорогая, пойдем жить ко мне, прости уж ты меня за обиду, как и я тебе прощаю...

Взревела Анисья, да мужу в ноги: — прости меня, дорогой ты мой, не буду больше...

— Эк, дурочка, встань, чего ты? — залепетал со слезами в голосе Михайло, поднял бабу и прижал к себе так, как никогда еще не прижимал. А уж она-то к нему как прижалась, — ажно небо дрогнуло, а Михайло и подавно.

Пошел Михайло к себе домой счастливый и сияющий, окруженный плотно счастливой, лучезарной семьей, неся на себе, как древле Викторушко, брачную, пуховую постель, но не так, как он, а аки Израиль шатры своя в землю обетованную. Донесет ли только? — знамо дело, донесет.

Вон впереди него шагает широченными шагами Митька Гудок, несет вперед светлую бородку, а рядом с ним, упираясь в небо головой, идет громадная баба в красном платочке колпачком; ласковый синий ветер с зеленых гор раздувает кубовый сарафан и такую же кофту на дородной бабе и плещет в лицо Михайле

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

крупным горохом огромных красных звезд. Оглянулся на Анисью, а она идет с ним рядом — весело и молодо. Гаркнули с красной кофты Анисьи желтые петухи и Михайло понял о чем они поют — они поют о том, куда звали его горошинки на кубовой кофте в молодые дни на Андроновой горе. И он пошел туда с Анисьей, куда шагает по зеленым сугорам огромная кубовая баба в красном платочке. Дрогнули горы от их шагов, закачались города, сорвались с места, крякнув былой болью, деревни и поплыли в светлую даль за новым счастьем, к новой жизни.

А баба в кубовой кофте идет и идет и много их идет за нею таких, как Гудок, как Михайло с Анисьей и других, не таких... Вы слышите их шаги?

Я слышу.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uralic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

БРЮХО

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Брюхо наше мужицкое, сыромятное, растяжимо до чрезвычайности: может иногда, к примеру, фунтов до пяти хлеба в один присест вместить.

Выберешь ложку, которая понажористей, и ну орудовать во-всю, только, значит, ложка, что твой самолет порхает.

Уж, кажись, какая наша снедь — капуста с квасом да щи с грибами, а так напорешься иной раз, что пузо ходуном заходит, заворочается, забурлит.

И то сказать — вода плотину ломит.— Такова уж наша жизнь.

Брюха, брат ты мой, не обманешь — оно ежели рассвирепеет, так и чорта с обмотками съест, не токмо что.

Хорошее, боевое было время, но тогда ему были не рады... Злились втихомолку, в товарищества сговаривались — бегать по очереди за хлебом.— Коммунами, значит, жили — меньше риску поплатиться головой. — Так-то, брат, мотай на ус!

Солдат Иван Груздев был удалый, молодой — краса парень, притом только-что женился. Рвался домой, не знаю как: еле сдерживали, одно слово — огонь.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Однажды, как повечерело немного, взметнулся наш Иван птицей: шинель на плечи, узелок под шинель — кусок ситца в подарок бабе, чайник в руку, как-будто за кипятком, да через кухню — кошкой к забору — только его и видали.

Дня через два обещал прибыть, даром что до дому ему было верст сорок с гаком...

Встаем утром, глядь — Иван-то между нами на нарах спит, лицо жаром пышет, потный весь. Мы так и обомлели.

Встал Иван, глаз на нас не поднял. Целый день мы к нему приставали, как только минута такая выходила, — молчит Иван.

Ну и обрушились мы на него вечером после поверки! Как с ножом к груди пристали — говори:

— Почему вернулся? Что случилось?

Молчит парень, — хоть ты что.

Только когда невтерпеж ему стало, скрипнул зубами, сгреб винтовку, видим, парень не шутит, да кто куда от беды подальше.

Что с парнем сделалось — понять не можем. Кто-то высказал мысль, что у него с женой что-нибудь нехорошее случилось — или спуталась с кем-нибудь по глупости, или совсем ушла от него. Уж кто-нибудь наверняка дал ему на дороге нехорошую весточку о домашнем, потому-де он и вернулся обратно с полпути.

Нашлись некоторые понахальнее, да поглупее и высказали эту мысль Ивану в глаза с ядовитой начин-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

кой. Вскипел Иван и огрел их таким крепким словцом, что все прикусили язык, тем более, что табурет, которым он запустил в насмешников, разлетелся вдрызг, причинив двоим серьезные ушибы.

— Не шути с огнем, — махнули рукой и отошли.

— Если сердится, — значит правда, — решили все.

Ребята, что посерьезнее, жалели Ивана, а Иван грустит. Редко, редко с кем словцом перекинется, да и то по какой-нибудь надобности. Ни звонкой песни, ни задорной шутки. Первый ведь весельчак в роте был, а как пел, мошенник, — прямо за душу хватал, идол этакий!

Стали набирать из частей гарнизона маршевую роту на фронт — Иван один из первых кинулся на запись.

— Какого чорта сидеть здесь, ребята, — ай-да на юг!

Мы улыбнулись — знаем, мол, почему едешь. Да и пошли с ним за компанию. А как сели в вагоны да поехали, — всем стало весело. Иван встряхнулся, крякнул да как затянет — «Последний нонешний денечек»... мы подхватили разом да как понесли... ух ты, мать родная, — зарыдала песня во весь простор.

Три недели ехали с песнями да прибаутками. Груздев повеселел: думу черную как рукой сняло. А пошел в дело смертное — любо-дорого смотреть. Отвага плещет через край, голубые глаза горят — не узнать парня, другой стал.

Привелось как-то ночевать мне с Иваном в одной халупе. Дернули бутылки по две кумышки — хозяин

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

угостил. Развязались под хмельком языки: о чем бы промолчать надо — все выкладываем до-чиста.

Тут-то и открыл мне Иван свою тайну.

— «Махнул я через забор да и пошел чесать, друг мой сердечный. Крою во всю, только снег под ногой поскрипывает. Вышел за город на поле чистое — затемнело. Снежок пролетывает мелкий да редкий, дорога знакомая, на душе весело. Ноги работают, голова того пуще — все насчет молодухи-то своей беспокоюсь: так она мне люба, так люба, что и сказать не знаю.

«Эх, думаю, приду завтра утречком... она мне таких блинов наворотит, что объеденье. Потом лягу отдохнуть на полатях в своей новой нарядной избушке — хорошо ведь? И все-то покажется таким родным, таким близким... Эх, дело-то какое, так и не привелось повидать сердечную! На беду мою, на горькую, разыгралась метель, закружила каруселью, сбила с дороги. Темень — зги не видно, снег по колено. Устал я и, куда бреду, — не знаю. Набрел на деревнюшку — ночевать надо. Дальше итти не могу. Время позднее — около десяти. Кой-где в окошках еще огоньки мигают. Стучусь туда-сюда — никто не пущает.

« — Много-де вас, шеромыжников, шляется, воровством да грабежом промышляет... Правда сказать — дезертиры в наших местах напрокудили немало. В последней избе удалось кое-как уломать одинокую молодуху. Вошел, разделся. Бабенка добрая такая, раз-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

говорчивая, угостила кислыми щами, молоком. Вижу — последнее время ходит — дюже живот по экватору раздался. А такая дюжая, что моя Груняшка: щеки так и пылают, брови черные подковой... Солдатка, оказывается, муж в одном со мной городе служит. Щиплю лучину для «советского электричества» да разговариваю с ней разные разности. Вижу — бабенка что-то заподжималась, лицо посинело, задрожала вся, живот запередергивался. Заметалась по избе, застонала этак не по-хорошему да как кинется в сени. Что такое с ней творится — нездорова, что ли? Э, в рот-те кошка, нарвался на ночлег, думаю.—А вдруг она того... на грех возьмет да и... Позвать разве кого?.. Слышу стонет за дверьми, надрывается... Открыл двери, спрашиваю: — что с тобой? А она:

« — Нездоровится, родной, в бока колет — должно родимое, али с простуды... А сама сноп соломы несет к печке.

« — Не сходить ли, говорю, к соседке за помощью?

« — Сходи, — говорит, — голубчик, пожалуйста, за матерью. Она тут рядом с полверсты за рекой живет: первая избушка с краю по правую руку будет, и дорога-то под окном, как на волю выйдешь, тоже вправо.

«Я накинул мигом шинелишку да и давай во все лопатки... Темно, снежок пушит, тихо, вьюги как не бывало, только сугробы залегли по дороге страшенные. Прибежал я к старухиной избушке... В скобе калитки кол торчит, по крыльцу давно не хожено —

СГУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

следов нет, снег на ступеньках чистый — старухи, видимо, дома нет. Как быть — не знаю, стою, раздумываю. Глянь, а старуха-то к дому плетется, чунашки, за собой волочит, а на них узелок да несколько банных веников.

« — Ну, старая, я к тебе от твоей дочки — нездоровится ей очень, зовет к себе... Садись на чунашки, мигом довезу, благо темно — смеяться некому. А то ты так часа два просямаешь.

«Старуха, было, отнекиваться, меня жалеючи, а сама, видимо, не прочь... Поломалась, села. Попер я ее живым манером храбостко к реке по отлогому спуску обледенелой тропкой — знать, бабы шоптаниками утоптали за водой. Везу, а чунки по пятам бьют, то вперед забегают. У самой реки берег крутущий, высокий — рванулись чунашки, дернули... я поскользнулся, упал, не помню, как и веревку выпустил. Кувырком, кувырком, да боком скатился вниз, как, бывало, мальчонкой. Встряхнулся, рассмеялся — славно прокатился да и старуху на ять прокатил — пусть молодость вспомнит. Таково весело стало, как-будто мне не двадцать шесть, а десять лет.

« — Эй, бабка, елки зеленые, где ты?».

«А бабки — ни слухом ни слыхать, ни видом не видать... Крикнул еще — ничуть не отзывается. Что за дьявол? Зашиблась, видно, бабка. И давай туды и сюды петли петлить — нет бабки. Постоял, поглядел, вижу — чернеет что-то. Подошел — огромная прорубь: мужики, должно, лед пилили на погреба.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Вгляделся да так и присел — чунашки да сухие веники плавают одни — вот и все, что осталось от бабки.

«Ну я, брат ты мой, не долго медлил — неравно кого-нибудь нелегкая принесет, заметит... чунашки, веники под лед — и концы в воду. Турманом взлетел на другой берег: иду и думаю... не ударить ли сейчас домой? — Нет, нельзя, улика будет — мой узелок остался там... лучше пойти к солдатке, соврать, что придется, а утром, чем свет,—ходу. Пришел, а в избе такая темь — хоть глаз выколи.

« — Жива ли, хозяйка?

« — Жива, родной, — отвечает голос с печки.

« — Ну, как, полегче стало?

« — Полегчало малость. Мать-то пришла?

« — Нету, не застал дома. Соседка говорит, что до деревни вышла.

« — Должно к сестре верст за пять... Ой, батюшки!

« — Позвать кого надо?

« — Не надо, родной!

« — Ну, тогда я спать лягу.

« — Ложись на полати, светик. Спасибо за старанье.

« — Не на чем, молодка, я завсегда готов помочь.

«Лег на полати-то, да как камень в воду. Долго ли спал — не знаю. Под конец слышал сквозь сон, что баран как бы под полом блеет, да таково чудно, как ребенок плачет. Проснулся, поглядел на окна — темно еще. Лежу, сон отлетел. О старухе вспомнил — лежит, думаю, на дне омута, распласталась в шубенке-то, что

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

таракан во щах. Ажно жутко стало. Слышу, кто-то почавкивает на лежанке, словно кошка молоко лачет. Блудит, видно, шельма. Прислушался — похоже на то.

«Постучал по воронцу — к-ш-ш-ш, паскуда, брысь! Не перестает, нахалка. Поглядел в темноту — белеет огромный котище. — К-ш-ш-ш, стервец! — не унимается, дьявол эдакий. Чем бы в него запустить, в чорта? А хозяйку жалко тревожить — уснула на печке крепко: намучилась, храпит во все завертки. Пошарил кругом себя и нащупал тяжелый шоптаник — хозяйка, должно, натоптала у скотины — да как ахну им в кота, белым пятном он мерещил. Не по-кошачьи пискнуло. Да как ударит в голову: — полно, кот ли это? Баран ли блеял ночью? От простуды ли хозяйке живот передергивало?

«Слез с полатей, вздул спичку — в глазах темно стало — и впрямь ребеночек на белой подушке лежит спеленанный: головка в коровью калышку сжамкнута, у ротика соска, а кровь по подушке, как сок клюквенный, расплывается... Не помню, как из избы выкатился, каким-то чудом шинель захватил, а узелок так и остался. Очнулся на реке около проруби. — Куда итти? Домой? — Найдут, схватят, за два убийства, да за побег — в яму головой. Ведь я бабенке-то давеча сболтнул, откуда я и чей... Бабенкой тоже хвастал—она у меня около этих местов взята... Пропала моя голова... А итти куда-нибудь надо — ну и давай махать лётом в город, следы скрыть, чтобы

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

отлучки не заметили. Пусть наводят справки — не отлучался, дескать, никуда. С дороги-то меня еще с вечера метель сбила. Жарю наугад. Да, спасибо, ребята, что с посиделки поздней ехали, верст пять отчалили, да на дорогу поставили. В город я ни свет ни заря примаячил, перевалился через забор — да в казарму. Дневальный у дверей спал — не заметил, как я вошел, тем и дело кончилось. Потому-то я и грустил тогда, молчал и злился, когда приставали ко мне с бабьими догадками; потому я и на фронт пошел — от греха подальше.

«Веришь ли, я всякую минуту ждал, что вот-вот поведут меня, голубчика, на допрос да на очную ставку с бабой этой. Да и совесть мучила во как, все бабка да ребенок мерещились... Только здесь полегчало... Чудная и горькая история, как в сказке. Ведь надо же на грех так чудно всему этому сложиться!..».

Груздев замолчал и задумался.

Мне вчуже было смешно, так смешно, что еле удержался: парень горячий — рассердиться может, да и жаль его стало — все-таки скверная история.

— А как эта деревня называется, в которой... да и бабу как...

— Шалишь, брат, дудки — больше ни слова... И так каюсь, что поведал зря...

— Ну, вот, чудак какой — я ведь никому...

— Мало ли что... И не хочешь, да сбрехнешь, особенно под пьяную лавочку с приятелем. Только, брат, заранее скажу: если я услышу краем уха, что ты

*

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

кое-что сболтнул, — берегись ко мне на глаза попасть в тесном месте, нишкни — слышишь?..».

Получил я через неделю после исповеди Ивана письмо от жены. Смешное письмо, неуклюжее, но мне было не смешно. Пишет, что несчастье большое случилось. Ночевал у нее солдат — на все христы выпросился — пустила. Начали ее роды мучить — послала его за матерью. Пока он ходил — родила. Пришел он без матери, лег спать, а ночью убил ребенка и скрылся. А мать пропала неизвестно куда в эту же ночь. Таскали жену на допросы больную: простудилась да расстроилась — два месяца больна была. Дело так и кончилось — не могли виновника найти, забыла, как его звать и откуда — не до того было.

Три дня я ходил, как в тумане.

Подошел ко мне Иван, улыбается:

— Что угрюм, Семен?

— Пойдем в сторонку, расскажу, — говорю. А сам бледный, лихоманка бьет, лицо передергивает.

Иван тоже в лице переменился — недоброе почуял.

Отошли за плетень.

Гляжу ему в глаза упорно, настойчиво, язык, как тяжелая колода, еле двигается — не слова, а камни ворочает:

— Иван, ведь ты убил тогда моего ребенка и мою тещу...

— Не может быть, Семен, не может быть... — как платок стал белый, дрожит, стоять не может, за плетень хватается... — Ведь это... это... как же так...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booklugansk.ru/

Подаю письмо... — Читай!

Взял, бумага в руке прыгает, ничего разобрать не может, подает обратно — «верю и так».

— Так как же быть-то? — спрашиваю.

— Не знаю... ведь я не виноват... случайно все вышло.

— Кто же виноват-то?

— Не знаю... должно, брюхо...

— Как брюхо?.. Чье брюхо?.. Твое или бабье? А?

— Просто брюхо... — махнул рукой и пошел прочь, понурясь, еле волоча ноги. Очумел будто.

— Постой, Иван!..

Обернулся, поглядел, в глазах огонек вспыхнул:

— Чего тебе надо от меня?.. Под суд отдать?.. Стрелять?.. Стреляй хоть сейчас—хочешь? Ну, хочешь? На, стреляй!.. — и он, разорвав рубаху, обнажил грудь...— Стреляй, не мучь только, не приставай... иначе... я тебя... раздерну, как кошку! Слышал?

Скрипнул зубами, сжал кулаки, ждет.

Я повернулся и ушел... И сам не знаю, чего я хотел... Тоска была нестерпимая...

Ходим с Иваном, как тучи, глаз не можем поднять друг на друга, а ранее друзьями были...

Наступали как-то мы на одну деревушку. Цепью по степи раскинулись. Иван лежал впереди меня шагов на десять. Шла перестрелка.

Весна была в разгаре. Ветерок перепархивал с хаты на хату, соломенные кудряшки крыш шевелил, а солнце золотом брызгало в степь, играя переливами на штыках да на дулах.

Сочинения В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Переползает, вижу, один деникинец от клуни к хате, раненый, должно-быть. Я прицелился, но не знаю, как вышло, только я прицел опустил немного пониже, в сторону, и выстрелил...

Брякнула выпущенная Иваном винтовка, метнулись зеленые обмотки, тупоносые скороходы глухо скребнули землю, тело ерзнуло и замерло... А что дальше было — плохо помню: я смотрел тогда на все, как сквозь мутные стекла.

Взяли деревушку, наступали, отступали, вновь наступали... Время глухо стукало, как скороходы Ивана, что шли и шли за мной неотступно.

Может это пушки бухали? — Не знаю, не помню...

Дня через два мы отступали. Я вновь проходил этим местом, где лежал Иван. Он и теперь лежал, но лицом к небу, голый весь с окровавленным ртом, как-будто жевал что-то.

У меня подкосились ноги, волосы вздыбились... Сквозь полузажмуренные от ужаса веки я увидал огромное, желтое, вздувшееся брюхо. Брюхо шевелилось, пухло, росло, надувалось, как шар, дрожало и сотрясалось от внутреннего хохота и закрывало собою и степь и небо...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

БЕС

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

I.

— Фью-у — ну-у,— понукал Никифор Чалого,— пошевеливайся, чорт полосатый!

А Чалый, поводя ушами, одобрительно мотал головой и старательно налегал на хомут широкой грудью. Телега повизгивала немазанной осью, поскрипывая от тяжести отрепных с крупными выпуклостями мешков— сразу видно, что с картошкой.

Никифор шагал, подергивая вожжами, рядом с телегой, высокий и грузный; ветерок играл, раскидывая прядями по груди широкую, кудлатую бороду Никифора, рыжую, как это стремящееся к закату солнце.

А вот и берег реки Вологды, обросший по крутому скату березой да осиной; они шелестели опадающей листвой — береза желтой, осина оранжевой...

По краю спуска соломенные шалашики погребов понакрыли врассыпную мужицкий клад и присели.

— Тпр-р-р-р-у-у, облом, стой! — остановил около шалашика Никифор.

— Бр-р, тук-тук-тук — затараторила картошка из мешка в яму...

Восьмилетний пастушок Васютка собирал овец, разбежавшихся кучками около шалашиков.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

— Ш-ш-ш-шкары, — ай-да домой, — помахивал он хворостинкой курчавых друзей.

Мелькали черные овечьи ноги, как тонкие кривые бадожки, а за ними вслед и Васюткины в скорчившихся синих пестрядных порточках.

Никифор высыпал последний мешок, кинул его в телегу и пошел с топором вырубать укрепы, где шумел кумачом осинник возле соломенных погребов.

Черный, как уголь, курчавый барашек подошел к открытому входу в шалашик, любопытно понюхал воздух — пахло землей и еще чем-то вкусным. Переставил робко копытца через порог и, пофыркивая черным носиком, обнюхал темное отверстие ямы. Потом нашел у самого края одинокую картофелину, куснул: вкусно — и занялся ею, забыв о своих курчавых братьях. Брякнули около сброшенные Никифором колья. Барашек подпрыгнул от испуга и... — бац в яму... Обомлел от страха и удивления: — батюшки, — сколько их тут, этих круглых вкусных штук!

И пока Никифор заваливал отверстие соломой и вбивал колья для укрепы шалашика от лихих людей и холода — он вздрагивал всем тельцем от каждого удара топора и, превозмогая страх, грыз с торопливою жадностью вкусную картошку.

Кончив, Никифор отошел, поглядел на работу, крякнул от удовольствия и погладил корявыми жесткими пальцами огненный веер бороды: — крепко сделано. Даже крашенные под ольховую кору, посконные штаны, отторбучившиеся на коленях в огромные пу-

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

зыри, выразили удовольствие: вот-вот полетят в небесную синь, распустив в воздухе гармошки портошен, как крылья. Потом сгреб, наклонясь, с головы засаленный картуз, взял из него такой же засаленный кисет, закрутил козью ножку, закурил, сплюнул, отправил табак обратно в картуз да на голову, сел в телегу, ударил вожжей и затарахтел в деревню.

II.

Едет, тарахтит телегой Никифор, вскручивая по дороге пыль, а впереди Васютка, посвистывая, да подпрыгивая, овец гонит на ночлег во дворы. Пестрядные портчонки свернулись за подколенями гармошкой, ноги в женских больших полусапожках, как пестики в ступе, толкутся. И весь-то он с воробьиную душу, бледненький, тощенький, болтается в солдатской рваной, ватной кацавейке, как гриб во щах, а прыти-то сколько — не знаешь откуда у него и берется.

Как же — хозяин ведь — для семьи хлеб добывает! Дома-то кроме него еще трое — мал-мала-меньше и все девчонки, а отца на войне убили,— ну, вот, он и старается около овец, вот уже по третье лето, помогает матке...

Много горя видали голубые глазенки и не по-детски рвалась от скорби маленькая, с мужичью ладонь, грудка, но что ж? Детская память коротка, а солнце так весело, и детское личико уже смеется сквозь запоздалые невысохшие слезинки...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Эй, шкара, куда? — Я те! — подгоняет зеваку, отбившуюся в сторону от стада. Желтая кацавейка мелькает тут и там, свищет хворостинкой в торопливое стадо.

Пригнал овец, глянь,— у Михайлы Жукова барана нет.

Михайла Жуков — вороной, серьезный мужик спрашивает сурово Васютку:

— Куда барана дел?

У Васютки в голубых глазах слезинки. И стыдно ему и больно, обидно и жутко: он, как на грех, у Михайла на чередах был.

— Не знаю, дяденька,— он все время в стаде был...

— Где же в стаде, раз его нет? — Ищи, стервец, чтобы сейчас баран был найден,— иначе уши оборву.

— Полно, Михайла, парнишку-то зря стращать, баран-то, поди, к чужим овцам пристал, где-нибудь у соседей на дворе... Найдется завтра утром, как овец погонит... — сказала жена Михайлы Пелагея в защиту Васютки, выставив в открытое окно голову на мужнин шум.

— Ну, а ежели он в чужую деревню затесался в стадо, да там ему карачун пропишут, как в прошлый год у Прохора случилось, — тогда что! — Иди, ищи, щенок, по дворам или где хочешь, без барана не приходи — ночевать не пущу и за пастушню шиш получишь... Слышишь? Ай-да! — и он широким жестом показал вдоль деревни...

Васютка побежал оглядывать по дворам.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Бабы доили коров, присев на корточки. Белый удой, тренькая, бегал по ведрам.

— Тетя Марья, а тетя Марья,— нет ли у вас Михайлова барана? — спрашивал Васютка.

— Как-будто нет, родной, погляди в хлевушке.

Ни у Марьи, ни у Дарьи нет, всю деревню обошел, все закоулки оглядел—пропал баран. Васютка в слезы— малый глупый, неразумный, ребенок совсем, чего с него спрашивать? Но Михайло смотрел иначе.

— Эй, шельма, где баран? — Что-о? — Нету? — Живо сыскать, рвань беспортошная,— все кусты обшарить, а чтоб баран был найден!

Из высокого створчатого окна серой опушеной избы опять выставилась по пояс Пелагея в платочке зайчиком. Добрая старушка на этот раз крепко осерчала на мужа.

— И не стыдно тебе, азиату, мальчонку мучить? Куда ты его посылаешь на ночь глядя? Найдется твой баран...— эк тебя...

— Не твое дело — молчи, как не спрашивают, — огрызнулся Михайло,— пошел, чего стоишь,— крикнул он Васютке,— проваливай,— ай-да!

— Ирод ты этакий,— не унималась Пелагея,— ну куда ты его одного отпускаешь? Пропадет еще, забежит куда, заблудится — кто отвечать будет? Иди сам, коли так...

— А ну вас к дьяволу, — осерчал Михайло, — Грушка, а Грушка, эй! — Помоги ему, стерве! — крикнул он дочери.

СО УНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Шутка ли, — говорил он подошедшему на шум Никифору и его сыну Митрохе, — баран-то полугодовик, фунтов на тридцать отгулялся за лето... рубля два стоит. А ему, шельме, и горя мало, не пасет, а балует... Говорил я тогда, что этакую гниду незачем в пастухи поряжать — нет, говорят, упасет, мальчонко шустрый... Вот тебе и упас... А ведь шесть пудов ржи дали ему, ироду...

— Пойти — помочь ему, разве?..— проговорил смущенно Митроха, скребя затылок в сладком раздумьи, и покатил туда, где мелькал удаляющийся платочек Груши в сизых сумерках.

Мужики хитро улыбнулись в бороды — знаем, мол, сокола,— не для барана пошел, чай,— а вон за тем платочком...

III.

Митроха догнал Грушу, подкрался сзади, да как цапнет за под-мышки. Девка взвизгнула и присела. Потом повернулась плотной ядреной грудью сердито и круто к Митрохе и, увидав его, ударила полушутя, полусердито Митроху по руке, сверкнув лукавыми карими глазами.

— Чего пристаешь, бес эдакий?..

— Ничего, моя голубка...— И обхватив ее за плечи здоровенными ручищами, прижал к себе, да как влепит ей в самые губки такой крепкий поцелуй, что за полсотни шагов услыхать можно.

— Ну тебя к лешему,— рассердилась Грунька и вырвалась из крепких лап Митрохи,— еще неравно кто-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

нибудь увидит, бесстыдник этакий... И так уж по всей деревне про нас бабы бают нехорошее... до слез доводят. И ты туда же... пристаешь на виду...

— А что б им черти язык съели!..— плюнул с досадой Митроха и зашагал с ней рядом туда, где маячила желтая кацавейка Васютки.

Услыхали мужики Груняшкин взвизг, переглянулись. Лукавый взгляд Никифора встретился со смущенным и тревожным взглядом Михайлы, заглянул ему в душу, и не выдержал Никифор, знать смешное увидал, да как раскатится таким здоровенным хохотом, инда свиснувшие над сапогами пузыри штанов затряслись лихорадкой.

— Чего ты? — спросил его Михайла, и сам засмеялся, зараженный смехом Никифора. Видно было, как тает в его глазах на секунду вспыхнувшая тревога.

— Да как, чудак, раз пошли Митроха да Грунька барана искать, — не беспокойся, — найдут его, такого же кудрявого да черного, что твоя борода... хо-хо-хо!..— Уж они найдут, малина им в рот... хо-хо-хо!

— И в самом деле... как бы они того... — растерянно и тревожно проговорил Михайло, глядя недоверчиво на Никифора и на его неуместную веселость: — бабы и так что-то бают недоброе...

— Женить их надо, друг сердечный, как немога скорее... а то чего доброго — возьмут да и найдут барашка-то без нас — и нас не спросят, они ребята-то проворные да догадливые, крепачи, кровь бурлит,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

задумают, так, небось, не прозевают — хо-хо-хо!.. Куда ты?

— Надо Груняшку вернуть обратно от греха подальше, — угрюмо ответил Михайло и пошел было...

— Брось,— девка умная, не такая девка, — остановил его Никифор, — мне Митроха намедни признался — не дается... Парень только облизывается, да за Грунькой ходит. Мучатся они, брат ты мой, здорово. Митроха ходит иной раз туча-тучей, да и девка смотришь тоже, как оплеснутая... Чай между них из-за того самого большое недовольство есть... Эх, помнишь,— ведь и мы такие были, — помнишь, как на Комарово за десять верст кажинный праздник летали к своим сердешным?.. Эх, времячко! — И Никифор задумался... Потом поскреб в башке, улыбнулся какой-то лукавой думке во всю рожу, хлопнул по плечу Михайлу и рассмеялся:

— Пойдем, друг ты мой, посмотрим, как наши ребята барашка ищут... Ежели старательно, так завтра же протурим их в Совет расписаться, а к покрову и свадьбу сбрякаем — идет — а?

Михайло мотнул головой: — ладно, мол, окрутим.

Рассмеялись и зашагали, крадучись, туда к подскотине к соломенным желтым шалашикам в бусую мглу, где пропали в тумане Митроха и Грунька.

Идут, а рожи хитрые, лукавые — словно лет на двадцать помолодели, даром что бородищи-то страшенные лопатой во всю грудь...

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

IV.

— Бяшенька, бяшенька, бяш, бяш, — надрывался тоненький Васюткин голосок, шмыгая туда и сюда по кустикам.

— Бя-а-а,— проблеял по-бараньи Митроха, да так натурально, что Грунька расхохоталась.

— Бяшенька, бяш, бяш,— метнулся навстречу обрадованный Васютка.

— Бя-а-а-а,— проблеял в ответ Митроха.

— Отстань, идол,— чего парнишку-то в обман вводишь? — унимала, притворно-сердито Грунька, а сама удержаться не может, смеется над Митрохиной хитрой проделкой.

— Бяшенька, миленький, сюда, сюда, — выскочил из-за кустика Васютка радостно и ласково к пропащей овечей душе.

— Бя-а-а.

— Дяденька, это ты? — растерялся Васютка и вдруг заплакал от такой находки.

— Чего хныкаешь?— найдется твой баран когда-нибудь, а не найдется — невелика беда, — успокаивал его Митроха.

— Дяди Михайла боюсь, отдует и прогонит, а дома мамка выпорет, да сбирать пошлет...

— Брось,— ничего не будет. Беги спать ко мне на сеновал, ай-да! И Митроха нахлобучил ему картузенко до голубых глазенок и толкнул от себя лицом к деревне.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Васютка было стрекача.

— Постой, парень, ужинал ли ты? — спросил заботливо Митроха, полный в эту минуту нежности во всю ширь в чаянии жарких ласк от стоявшей рядом Груняшки.

— Нет, дяденька...

— Ладно, я тебе туда пирога принесу.

И он погладил мальчика по шершавой головенке. Тот повеселел и крепко прижался к большому доброму парню, ведь так редко ласкали беднягу...

— Ну, живей! — там и постель есть на сене — ложись — я скоро приду.

Васютка мигом пропал в тумане. А Митроха прильнул к Груньке, как смола, — не отдерешь. И она от него не прочь, жмется, — облапили друг друга, целуются...

— Милый...

— Дорогая...

А из-за кустика две хитрые бородатые рожи смотрят, глаз не спускают, любуются.

Есть на что — красота ребята — поискать, так немного таких найдется: — дюжие, румяные, одна — черная с карими глазами, другой — светло-русый с темными.

— Смотри, парень-то мой, кур ему во щи, как старается, — толкает Никифор Михайлу, указывая с гордостью родительской на сына, — сейчас девка крепость сдаст...

Михайло кулаки сжал, брови насупил:

— Нет, не сдаст, иначе я ей такую рвань пропишу...

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ну, ну, брат,— за это в ихнем положении нельзя ругать — по любви, ведь, а не так, чтобы зря... все равно, что венчаные...

— Все-таки не по закону... нельзя давать баловать— шугнем их.

— Подожди — пусть полюбуются, а ежели что — шугнем...

А ребята наши знай себе обнимаются.

Митроха прошептал что-то девке на ушко. Та взмолилась:

— Милый, не надо... подожди... потом, как...

А что было дальше — не знаю, не слыхал и не видал, — такой туман поднялся, что ни чорта не видно, кроме носа, а ветер так зашумел в осинах, что я никак не мог расслышать, что шептал Митроха Груньке на ухо. Должно-быть, что-то такое, что очень не понравилось мужикам, потому они так гаркнули за кустом, что Митроха с Грунькой еле ноги унесли от страха...

Посмеялись отцы, покачали головами, да и ляпнули оба в голос:

— Да, пора ребят женить, пора: созрели ягодки.

А на другой же день секретарь выводил пером и языком, закусывая усы, брачную грамоту Митрофану да Аграфене, под мужицкие шутки свидетелей и продналоговой службы волсовета.

V.

Сговорились Никифор и Михайло детей после покрова окрутить с колокольным звоном... Ну, а пока

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booklib.ais.by/

той порой работы домашние справляли, да потихоньку готовились к свадьбе.

Никифор завел Митрохе новую шубу, тройку, перекрасил заново скочки, отгородил в большой избе тесовой переборкой светлую комнату для молодых, да вот еще кровать смастерил широкую и крепкую. А Михайло Груньке справил зимний сак, свадебное платье, платяной шкаф — по-нашему «гальдироп», а прочие тряпки сами бабы готовили, они уже давно напасли всего, сундуки трещат.

И чего-чего не было в этих сундуках! Лет на двести не износить: одних женских домотканных рубах со всевозможными шелковыми расписными узорами было под семьдесят; полотенец,—так затейливо отшитых, хоть на выставку,—штук тридцать; холста да полотна тканого ткани сорок — жениху на портки да рубахи... А сарафанов разных, юбок, исподок—счету не было. Пелагея—баба запасливая. Только Грунька на свет появилась—она уже стала приданое готовить. Двадцать зим кросна из избы не выносились.—И все-то для одной дочери!

Невеста завидная, да и собой краса. От женихов отбою не было, почитай по четыре зимы под ряд сватов по тридцать приезжало — ни за кого не идет девка. С малых лет с Митрохой любовь крутит, вместе выросли, и избы рядом.

Родители давно знали про их шашни, но смотрели на это сквозь пальцы. Если и пожурят когда, так для прилику, чтобы поддержать родительский чин, а в душе были рады этому.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Соседи жили дружно, без ссор, хозяйства были не из богатых, но и не из бедных, семьи маленькие. У Михайлы была только одна дочь, все имущество шло за нею после смерти родителей, а отруба были рядом с Никифором — долго ли в одно слить? Чего же желать больше? Тем более, что у Никифора тоже только и детей было, что Митроха.

Заветная мечта осуществлялась. Михайло на радостях и про барана забыл. Потужил только, что вот он к свадьбе-то и пригодился бы на девичьи причиталки.

Ходили оба свата один к другому, да над ребятами почнут иногда зубы точить о том, как они барашка в кустах искали. Груняшку этим до слез доводили, а Митроха хоть и краснел, но отсмеивался, да отшучивался от старых лоботрясов, а иногда и сам что-нибудь отмочит к величайшему удовольствию стариков. А потом зипун на плечи да к дверям, как лукавый кот.

— Ты куда? — спросит отец.

— К Груняшке, за барашком... — ответит он с лукавым видом.

Отцы за бока схватятся, а он и в самом деле к Груняшке идет нитки путать — она приданое шила. Расскажет ей, как их отцы шутки откалывают,— покраснеет Груня, а сама, склонившись над шитьем, метнет такой лукавый взгляд на парня, что у того душа в пятки...

Все шло, как нельзя лучше. Но перед самой свадьбой с Митрохой беда стряслась, да такая, что и свадьба разлетелась вдребезги.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

VI.

Гостил он в покров у деда в Комарове. Праздник был пивной, самогону море было. Нарезался Митроха до зела, сидит пьяный на лавке, голова, как гиря пудовая, на грудь виснет, в ушах малиновый звон гудит.

Вдруг под окном шум поднялся, гам, рев, бабьи причитанья. Встрепенулся Митроха, тяжело поднялся, взглянул в окно осовелыми глазами и, как-будто, протрезвел — видит: его друга закадычного, однодеревенца Тимоху, пьяные мужики кольями полощут, с ног сбили, барабанят во что попало.

Митроха зверем кинулся на улицу — хмель соскочил, сгреб по дороге в сенях водонос, да прямо в свалку. А там на выручку Тимохи товарищи обрушились, кто с дрекольем, кто с ножом, кто с гирей... К мужикам тоже помога подкатила — заварилась заваруха бедовая.

Битва кипела...

Брань, крики, бабий вой — ад поднялся, вся деревня высыпала на улицу, все недра вытряхнула, с гостями и пришельцами... Гвалт, шум, суматоха, вопли, брань— не понять, что делается, как в котле кипит. Не один костер дров разнесло, как ветром, — только плахи свищут. Раненых уйма — у кого зубы вылетели, у кого голова проломлена, рука или бок порезан. Бегут из боя, орут, кричат, кто во что горазд.

Кто не участвовал, — у тех зуб на зуб не попадал от ужаса... Пахло мертвечиной.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Митроха в центре схватки кроил водоносом направо и налево — по ком попало. У его ног валялся Тимоха, он тяжело ворочался и хрипел, весь в крови, как баран зарезанный.

Митроха к нему никого не подпускал ни на шаг — кто сунется — тотчас летит с ног под тяжелым ударом водоноса. Вдруг из толпы вынырнул озверевший лавочник с топором да на Митроху. Свистнул в воздухе тяжелый водонос, рухнул глухим ударом на голову лавочнику, только тот руками размахнул и брякнулся навзничь с расколотой головой.

Кто-то отчаянно крикнул: — Мироныча убили!

Толпа вздрогнула, шарахнулась в сторону, да кто куда — как водой всех смыло. На поле сражения остался один Митроха, как победитель, да несколько корчившихся на земле тел, да вот еще этот ужасный труп Мироныча в грозной тишине смерти. Сгреб Митроха в охапку Тимошку, да в избу. Положил на лавку. Стал осматривать, насколько мог. А тот еле дышит, голова пробита в нескольких местах, лицо посинело и вздулось в багровых кровоподтёках, двух зубов напереди нет, руки, ноги как плети, — досталось, видимо, парню на орехи. Лежит на лавке да храпит разбитым носом, войти в себя не может, стонет да ворочается...

Вбежала в избу Груняшка — она тоже была здесь у своего деда в гостях — вся в слезах, подошла к Митрохе, запричитала:

— Что ты это наделал-то, родной? Загубил свою головушку навек, да и меня несчастной сделал...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.liaison.ru/

— Отстань, Грунька, ничего я не сделал.

— Как ничего? Человека убил... душу сгубил... Ой-ой — что наделал-то... не видать тебе света белого, дорогой ты мой!..

— Эх,— оборвал с досадой Митроха,— отвяжись... какую там душу? — не душу, а портянку грязную выкинул на задворки — вот и все... Человека... Это Мироныч-то человек? Тля, мразь проклятая, а не человек... Всех таких ханачей на осиновый кол надо вдоль дороги взамен верстовых столбов!.. — И Митроха стукнул кулаком по столу, скрипнув зубами — все еще пьян был в доску.

— Ай, ай,— вскрикнула Грунька,— светики мои, у тебя нож в спине торчит, вся рубаха сзади в крови... Дед, бабка, где вы? Ой, не могу, батюшки!..

— Чего там белугой-то орешь?— крикнул побледневший Митроха, — вытаскивай скорей, коли нож! Вот так!.. перевяжи чем-нибудь... И кому это угораздило меня порезать?

Груня металась по избе с причитаниями, ища тряпок, но найти ничего не может — все не то, все из рук валится...

— Чего там ищешь-то? Вот на! — и Митроха рассадил на себе рубаху в клочья...

Прибежала бабка на помощь, дед, вся родня — все встревоженные, напуганные... Осмотрели — у Митрохи на спине три резаных раны оказалось. Обмыли, перевязали, да обоих друзей на лошадь да в больницу.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

А туда как на богомолье тянулись с побоища и пешие и конные — ширь да удаль русская.

Дня через три началось следствие. Многих арестовали и увели в город. Митроху на поруки взяли до суда. Так он и жил дома всю зиму к немалому удивлению старых местных законников, которые давно решили, что за этакое дело быть Митрохе в каторге. О свадьбе нечего было и думать. Все ждали, что-то будет.

— Годиков шесть дадут молодцу, — говорили пророки.

Груня плакала. Митроха пил и буянил всю зиму. Днем в лес за дровами да за бревнами, а вечером до поздней ночи на посиденки да за бутыль — тоску заливать. С Груняшкой редко, редко когда словцом перекинется, как-будто избегал ее даже... Потемнел и осунулся весь, злой стал, ходит как туча, глядит исподлобья на всех, так и кажется: вот-вот вытащит из-за голенища нож да порснет кому-нибудь по самую рукоять... Как только завидят издали его высокую широкоплечую фигуру — пробежит по деревне шопот: душегуб идет... Узнал это Митроха — пуще запил — обидно и горько стало. И не с кем горя разделить... К Груняшке итти — стыдно, совесть мучит; видит парень, что девка ночи не спит, горюет, плачет, — а кто виноват как не он?

Шел как-то раз Митроха с попойки домой поздно ночью, подошел к дому Михайлы, скрипнула калитка, выскочила к нему Груняшка, кинулась с плачем на

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

шею... Не выдержал Митроха, растопилось окаменевшее сердце, обнял Груню и заплакал... И снова у них пошло как прежде и пить Митроха бросил. Сидит целые дни возле Груни, денно и нощно из Михайловой избы не выходит. А на сердце-то и радость и печаль.

Это проклятое «что-то будет?» так и давило гирей Митроху и Груняшку, темным горем заслоняло радость. Невеселы были и Никифор и Марья, Михайло и Пелагея. Одни дрожали за сына, другие жалели дочь, да и парня жалко: умница, худого слова от него никто не слыхивал, не только обиды.

Вызвали Митроху в город на суд перед самой пасхой. Собрался парень, накинул за плечи котомку с сухарями и пошел за сорок верст пешком на суд праведный. Что горя-то, слёз-то что было, ой, ой, ой!.. Митрохину мать, Марью, водой отливал Никифор, а у самого слезы не хватя щек бежали по рыжей бороде. Груняшку замертво унесли в избу, еле очухалась девка от горя. Даже суровый Михайло и тот смахнул слезу, а Пелагея более убивалась над дочерью, чем над Митрохой. А Митроха еле отдирал от мягкой дороги сапоги до города, ноги так и подгибались, бунтовали, не хотели итти. Сердце рвалось назад, кипело, надрывалось, словно его собаки рвали. Парень уходил совсем, совсем не думал на родимой стороне бывать.

— Ежели закатают — не перенести, сдохну, — думал он.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Ушел Митроха в город, и вся радость с ним ушла. Не стало души как-будто в избе Никифора. Осталась одна тоскливая черная тишина, как-будто в доме был покойник. Охи, вздохи да слезы Марьины. И Никифор, как с груши упал, ходит словно оплеснутый, делать ничего не может — все из рук валится, все не так. А нет так позабудет иной раз, за каким делом пошел. Стоит, раздумывает — и делает то, что и совсем бы не надо.

У Михайлы тоже в доме печаль: Груняшка не пьет, не ест, сидит да плачет, а нет — слоняется по избе, места себе найти не может. И ночью не спит. ворочается с боку на бок. Михайло ее жалел, жалел, да и ругаться под конец уж начал, девке горя прибавлять. Стал уж, пожалуй, подметки подкидывать под других женихов.

— Кто ее знает, — отпустят Митроху, либо нет, а чего ей так и сидеть в девках на отцовской шее?

Пелагея, пожалуй, была в душе согласна с резонами мужа, но дочери вида не показывала, чтобы не огорчить пуще, да и Митрохи ей было все-таки жаль — заместо родного сына был.

Ждали из городу слухов насчет суда, и они пришли, сначала неуверенные — с догадками, а потом и без догадок.

Город был в сорока верстах, ходоков и ездоков туда было много, много было и заинтересованных — чуть не из каждой деревни в этой местности были и подсудимые и свидетели, — понятно,

СОЛНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

что многих разбирало любопытство, что там делается и как.

Слухи переносились словно ветром из деревни в деревню, нарастали, разбухали до невероятности и волновали всех и каждого.

— Ну и влетит Митрохе, — бубнили старики, — шутка ли, этакого человека да такой сопляк уходил. Ведь Миронычa-то, чай, верст на сорок каждый знал— первый богатей был в местности, только вот с бузой-то этой беспортошной позаглох. А дай-ка вот ему старые-то права, так он бы показал этой голи, где зимуют раки — в бараний рог согнул бы — у него везде была рука...

Но и тут надеждам стариков не суждено было сбыться. Новый суд показал себя по-новому и погладил старое против шерсти новой диковинкой. Говорили, что многие из подсудимых попали в свидетели, а из свидетелей в подсудимые и, что еще удивительнее, так это то, что судить стали не за убийство Мироныча, а за избиение Тимохи. Всем стало ясно как белый день, что Митроху не только-что не расстреляют, али там засудят, а еще, пожалуй, оправдают да по головке погладят. А косяковский Сенька так тот такую пулю залил, что Митрохе указ такой дадут, чтобы богачей бить... Хотя в этих слухах было порядочно и вранья, но была и правда. Митроху оправдали — это верно, но только без указов Сеньки...

Летел он теперь домой в самую пасху по ростопели, только мокрый снег с грязью под ногами шлепал.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

И не понять — где это пел так чудно жаворонок: в небе ли над проталинами или у него в душе?

А дома-то без него что делалось в это время — ух, ты, мать честная! — Такое чудное дело, что руками только хлопнешь! — Баран нашелся — тот самый, что осенью у Михайлы пропал.

VII.

Наелся баран картошки — из боков вон. Расперло брюхо как боченок. Лег. Зарезало в животе—дышать нечем — объелся. Начало его так корежить, что свет из глаз выкатился, хотя, впрочем, в яме-то была тьма египетская — и так ничего не увидишь.

Сколько времени он там мучился — не знает, потому время-то узнать ему не по чему было, он видел только одну сплошную ночь... Блеял жалобно и долго — на помощь никто не шел.

— Мама, мама,—блеял он в нестерпимой боли,— его черная, с белой звездинкой на лбу, мама не прибегала, не топотала нигде поблизости копытцами...

Наконец, и блеять не мог—только слизывал языком клокочущую пену у рта, пока не потерял сознания. И долго так лежал, вытянув мордочку, с открытыми остеклевшими глазами. Казалось, что умер. Только пробегающие временами судороги по маленькому лохматенькому тельцу говорили, что он жив... Порой начинал скоблить передними и задними ножками по картофелю и вновь вытягивался и затихал,—казалось, будто навсегда... И все-таки каким-то чудом остался жить.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Прохватило его с треском и вереском, точно он два стакана касторки выпил; отлежался да опять за картошку, — но не так уж помногу ел, как впервые. Звериный ли инстинкт ему подсказал это или он своим умишком догадался, или этот горький урок ему в память пошел—трудно отгадать, трудно узнать звериную душу.

Пища была хорошая и всегда ее под носом сколько угодно, только воды вот не было—да он в ней и не нуждался вовсе: картошка сочная, почитай, она наполовину из воды состоит и была она ему в роде как панацея для медицины — заменяла и воду и пищу. А воздух освежался через неплотно прикрытое отверстие ямы — все условия жизни были налицо — чего еще надо? Только вместо света была густая тьма, настолько густая, что ее можно было обнюхать мордочкой, потрогать копытцами. А взамен зеленого поля или теплого просторного хлева была холодная тесная яма и вместо братьев и друзей глубокое тихое одиночество, тихое до жути, до помешательства.

Первое время он тосковал ужасно, блеял до слез, бегал, кружился по яме по всем четырем стенам и по диагоналям, кружил до головной боли, до тошноты, до усталости и стучал головенкой в стены, в эти глухие, гробовые, неподвижные стены... Потом ложился и спал. Снились ему луга, мать и братья. Он радостно блеял во сне, пробуждался и видел только ночь, одну сплошную ночь. Время остановилось, сжалось в темный комок и застыло в мертвом покое холодным

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ужасом. Потом привык, привык к темноте, к покою, к тесноте, к сочной картошке и все реже, реже метался по клетке. Ел, лежал и спал.

От недостатка движения стал жиреть, пореть, оброс по каким-то звериным законам неимоверно длинной шерстью от холода, возмужал и необычайно вырос от хорошей пищи. И тогда настали для него новые муки — сладкие и горькие. Появилась потребность в самке и грешные сны. Часто видал во сне красивую серую, с тонкими стройными ногами самку, гонялся за ней, вот-вот уже нагоняет, и его сейчас охватит блаженство. Но внезапно появляются кругорогие соперники и оттесняют его. Он приходил в ярость, вскакивал и, не зная, где кончается сон и начинается явь, он все давно перепутал, бешено ударял сразбега огромными рогами в деревянную обшивку стен.

Шли дни, недели, месяцы, а для него была только непроглядная немая ночь, глухая и оцепеневшая, полная животных мук и доводящая до полного отупения его и без того небольшой звериный ум.

VIII.

Услыхал однажды баран чьи-то шаги и шорох раздвигаемой соломы — там вверху, над его головой. Мелькнуло в отупелой памяти что-то давно позабытое, но радостное, по чему он иногда так смутно томился. Задребезжал он не то от радости, не то от испуга хриплым, грубым, не бараньим голосом.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

В ответ кто-то там вскрикнул, взвизгнул и затопотал прочь... И снова все стихло.

Пометался баран от неведомой тяжелой тоски, словно весть из другого мира получил, и затих снова в густой душной тьме.

Кубарем вкатилась в избу жена Никифора, Марья,— отдышаться не может и язык с трудом ворочается.

Никифор хомут чинил. Поднял голову от работы, смотрит на бабу с удивлением.

— Что так скоро?—спрашивает он обалдевшую бабу.

— Ой, Никифор, как я напужалась-то: подхожу к погребу, стала солому откидывать с прохода, а там, в яме-то, вдруг кто-то заголосил таким грубым голосом, да на разные-то ясаки, я не помню, как и от погреба-то откатилась, не знаю, как и домой прибежала... Поглумилось мне—никак бес в яму-то засел...

— Что ты, Марья, с ума спятила, что ли? Какой там бес среди бела дня? Попритчилось тебе, может мерой зацепила за что-нибудь, а тебе послышалось от подумки...

— Ой, нет, Никифор, какое там послышалось не один раз прокричало, да таково жутко—и посейчас душа не на месте... Ой, не к добру это, — не видать нам с тобой Митрошеньки, засудят его голубчика...— Заплакала Марья, запричитала, да и полезла на печь.

— Эк, типун тебе на язык, сама не знает, что мелет,—плюнул Никифор с досады. Видит — от бабы толк маленький, собрался итти сам за картошкой.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Где лукошко-то?..

— Там и лукошко и мешки, все там оставила — не до них...

— Эх ты, дура голова... — махнул рукой Никифор и вышел.

Подошел к погребу, послушал, постоял—ничего—тишина, да тающий снег кругом. Веселое, теплое солнце юркнуло в рыжую бороду и засияло у Никифора в голубых глазах.

— Ну и дура баба,—улыбнулся он на валяющееся у погреба лукошко с мешками и стал раскидывать солому, выдергивать колья, разбирать проход. Вдруг как задребезжит ужасный, ни на что не похожий голос, словно по листовому железу прокатилась огромная бочка с камнями.

Никифор так и присел. Волосы вздыбились под шапкой, как щетина у ежа, рыжая борода зашумела, как сухой веник, и растопорщилась.

— Мать честная, что же делать-то?

Перекрестил Никифор яму, сам перекрестился, еще шибче раздался голос, да так, что Никифор в ужасе назад попятился — не до картошки уж тут, какое там—обалдел хуже бабы.

Мужик матерый, а крепко струсил. Растерялся совсем—не знает, что и делать. За помощью итти—стыдно, пожалуй, зацепишь на себя такого смеху, что стыдно будет потом на улицу глаза показать. Над другими Никифор любил шутки шутить, мужик на язык был ловкий, а не любил, чтобы над ним зубы точили.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Стоит около ямы, мнется на месте, сямает — ни взад ни вперед, неловко домой-то притти без картошки, а и в яму лезть страшно — кто-то есть там такой, если уж не сам чорт, то как бы в роде этого.

Постоял, набрался храбрости, взял кол, раскрыл отверстие и, отпихнув солому в сторону, нагнулся осторожно в погреб, заглянул в яму и ахнул: прямо на него смотрят из темноты два зеленых глаза и вдруг громоподобный голос...

Никифор кол уронил, ощетинился да бегом от погреба-то, только наушники на заячьей шапке затряслись. Остановился на полдороге к дому, надул щеки и вздохнул во всю грудь.

— Эко дело-то какое! — Зайтить к Михайле разве, вдвоем-то смелее, — решил он.

А Михайло на задворках новую ось приделывал к телеге, потому как весна была в разгаре, почитай, что почти весь снег был на сгоне.

— Слышь, Михайло, у меня в погребе-то бес засел, бабу и меня прогнал, никак картошки не добыть. Пойдем вытышкаем его оттудова,— докладывал Никифор, скребя с ожесточением затылок, ему страсть было неловко говорить такие вещи перед Михайлой,— смех и горе.

Михайло от таких речей топор и долото выронил из рук и с удивлением воззрился на Никифора: не с ума ли он спятил? — подумалось ему: или опять какие-нибудь карусели выкидывает? Но встревоженная и недоумевающая рожа Никифора свидетельствовала

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

о полном и твердом уме обладателя и, кроме серьезной просьбы, никаких каруселей не выражала и загадочного вида не имела.

— Ты не шутишь? — с нескрываемым недоверием спросил Михайло, не веря своим ушам, и испуганно моргнул глазами.

— Какие к дьяволу шутки, — с сердцем сказал Михайло и плюнул с досады в сторону, — и самому, голова, не верко. Сидит кто-то там с зелеными глазищами, да так орет, сволочь, инда мурашки по коже бегают... И добро бы ночью в лихой час, а то, накося, середи бела дня... Отродясь не слыхивал, чтобы черти по дням казались—диво да и только...

— А может это так... Собака может забилась блудящая, щенков, может, выводит, либо волк... — соображал Михайло.

— Какое там собака! Голосит так, что отродясь не слыхивал, в роде как гром, только с хрипом.

— Поди, с простуды... — добродушно заметил Михайло.

— Эк тебя, чего ляпнул, да разве у чорта бывает простуда? И как он туда попал — уму непостижимо. Ну, чего хорошего в яме?

— Как чего? А темно-то? Там в роде как ночь, а чорту чего и надо? Отсидится, поди, там днем-то, а ночью и пойдет харапужить, ну а днем-то в яму спать... Только не верко что-то... Поди, шутишь?

— Ну вот! Пойдем, так увидишь...

*

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Коли не врешь, так пойдем, — заинтересовался Михайло.

Пришли. Баран стал привыкать уже к свету, обрадовался, бегает, вернее, крутится, он, почитай, во всю яму вырос, и дребезжит басом ни на что не похоже. На волю, видимо, захотел, к солнцу да зеленым лугам рвется, куда манит и зовет прелой сырью вешний ветерок, прозрачными синими волнами струящийся через порог в яму.

Опешили мужики от такой оказии. Михайло совсем перетрусил, того гляди на утек пойдет...

Никифор осмелел немного, взял кол, вошел в погреб, а за ним и Михайло шею вытянул, смотрит.

Глядят мужики: чернеет, возится там что-то огромное...

— Уж не медведь ли там? — подумали вдруг мужики: а, что, и в самом деле затесался как-нибудь сюда да и зимует...

Зажмурил Никифор глаза, ткнул туда колом в черную массу... Вдруг как там привскочит, метнется вверх страшенная морда с огромными рогами.

Никифор пулей из погреба, а Михайла уж впереди чешет, распустив крылья шубенки, как петух от ястреба.

Бегут, только бороды трясутся.

— Ну и ну!

— И впрямь бес засел,— у мужиков и сомнения не осталось.

Остановились, оглянулись—не бежит ли чорт вдогонку?—Нет. Тишина, да теплый ветер бегает по погре-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

бам, шелестит соломой. Над головами голубая синь, белые верблюды облаков тянут караван с запада на восток, да хохочет над дурашными мужиками веселый комсомолец—солнце, пляшет в небе горячей головой и топчет теплыми ногами мягкий снег в лужи и ручьи—месит грязь в земляной квашонке. А мужикам не до этого — видят они иное диво: щетинится им в глаза растрепанной соломой погреб, — встал как-будто на корточки и лает темной дырой о страшной тайне в недрах, доносит звуки. Обалдели мужики. Остановились. Отдышались.

— За попом надо съездить, молебен отслужить да водосвятной водой окропить,—предлагает Михайло,—тогда нечистый-то мигом в землю уйдет за три поприща...

— Ну вот еще что выдумал—за попом... Может, там ерунда какая—зверь, например, какой затесался... Лучше деревню скликать... Пойдем к председателю Андрюхе — мужик толковый — он объяснит, как и что...

Пошли.

Михайло ворчит: — зверь... какой там зверь, когда рога по аршину, морда с ушат, — таких и зверей - то здесь нет. Да и как бы он туда попал? — ведь от шалашика-то бы ничтожество одно должно остаться, а он целехонек.

Никифор задумался: чорт знает что такое — не поймешь никак. И почему он к нему забился, а не к другому кому?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— А это, поди, тебе в отместку козлюхинский знахарь послал, — сообразил Михайла, — помнишь, небось, как ты его в Николу утюжил в третьем году, когда он твоему шурину кил насадил?

— Как не помнить — помню... Только, брат, ерунда это, по-моему... Неужто чорт будет слушаться такого кисляя? — Быть не может...

— А вот и не может... Да как еще может-то! На моих глазах в прошлом году в Семшине свадьбу разогнал, весь как есть поезд точно бешеный разлетелся по полю, всю упряжь вдребезги, всех гостей по сугробам размело — вот тебе и не может!..

Пришли к председателю, отвели в сторонку — так и так, мол, дело, вишь, такое чудное — чорт в яму засел...

Тот захохотал во все горло.

— Эх, вы, бородачи, — на старости лет ума не нажили... — Это при Советской-то власти чорт? Шутите, что ли? Да тут по декрету не только чорта, а и бога не полагается... Сход собрать... ишь вы — за пустяками народ тревожить, да себя смешить — чудаки такие... Никифору я бы не поверил — он шутить любит, вот ради Михайлы схожу — он мужик верный... — Заключив этим, Андрюха накинул полушубок и важно зашагал с моими героями чтобы выгурить чорта.

Никифор обиделся: — погоди, я тебя подведу — храбёр больно, — узнаешь, что есть еще черти, а то зазнался с новыми-то порядками — бога, вишь, нет... — ворчал он про себя дорогой.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ну, где чорт-от? Давайте его сюда! — храбро произнес Андрюха, подходя к погребу.

— Гляди — вон он, вишь, глазищами-то как поводит, — ткнул пальцем на яму оробевший Михайло.

Забрались мужики в погреб, встали на корточки, смотрят в яму, бородищи свесили — темно там, но отчетливо вырисовывается огромная черная масса, глухо ворочающаяся на дне, поводя глазами. Председателя озадачило страсть как, — полез в карман за зажигалкой.

— Смотри, Михайло, осторожней бороду-то свешивай, — молвил Никифор, — а то сгребет чорт когтищами, да в яму стащит.

Михайло побледнел и отшатнулся.

Чиркнула зажигалка и осветила чудовище.

Баран был действительно страшен — ростом с порядочную телку, шерсть была не короче лошадиной гривы и скаталась огромными кужлями по хорошей шапке. Грязный и косматый, он был похож на какого-то библейского зверя с араратских гор.

Зажигалка задрожала в руке председателя, особенно, когда раздался оттуда неслыханный надтреснутый вопль с перекатами.

Никифор догадался, что это был за зверь, хотя с первоначалу душа запищала в голенищах. Вдруг он махнул рукой как-то так, отчего председатель рухнул с воплем в яму.

Михайлы как не бывало, а вслед за ним драл и Никифор.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Показалось из ямы посиневшее от страха лицо Андрюхи с выкатившимися глазами, руки бешено вцепились за края ямы — вот-вот он сейчас вылетит оттуда турманом. Но не тут-то было: баран дал ему такого тумака рогами в спину, что Андрюха вновь с ревом погрузился в тьму, но через секунду он выкатил оттуда кубарем, да так понесся от погреба, что от немцев на фронте так не удирал. Ему вслед гремел оглушительный хохот Никифора.

— Эй, куда вы, черти, стойте други — хо-хо-хо!

Остановились Михайло с Андрюшкой, еле дух переводят, очухаться не могут.

— Барана испугались — хо-хо-хо! — раскатывал Никифор, еле на ногах держась от хохота, рожа покраснела, на выпученных глазах слезы от натуги.

— Как барана? — спросил, стуча зубами, Андрюха; а у самого лицо почернело, как чугун — еще оправиться от ужаса не успел, весь дрожит с головы до ног, ходуном ходит.

— Барана, который осенесь у Михайлы пропал, он самый, зиму-то, видимо, всю, как есть, в яме жировал.

— Так это мой баран? — удивился Михайло.

— Он — и хвостик белый и задние ноги около копыт белые.

Андрюха опомнился, пришел в себя, догадался, что был одурачен, рассвирепел да на Никифора с кулаками.

— Ты чего, рыжий идол, толкаешься? — наступал он на Никифора, свирепо выпучив глаза.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booklugansc.ru/

— Хо-хо-хо! Вылетел, небось, из ямы-то, как ошпаренный кот, побоялся, что сатана штаны спустит, хо-хо-хо! — грохотал Никифор.

— Эк, дуй тя горой, — плюнул от злости председатель, видя, что и в самом деле попал впросак, — испугаешься такой зверюги — и впрямь, как чорт.

— Что, теперь веришь в чертей-то?

— Ни в жизнь не поверю.

— Эх, дьявол тебя съешь, — ведь поверил же на эстолечко, что есть, когда в яме-то был, хо-хо-хо,— стало быть веришь, только не признаешься, блажь на себя напустил.

— А ну тебя к лешему, рыжая скотина, — махнул рукой Андрюха и покатил домой с досады, ворча что-то себе под нос.

Никифор и Михайло смеялись.

IX.

Добыли барана из ямы с превеликим трудом и еле привели его в деревню, а мужики были здоровенные. Привязали к изгороди, любуются: экая невиданная туша — ни на что не похоже.

Вся деревня сбежалась глядеть на чудовище. Ахали, удивлялись, разводили руками.

Кто-то посоветовал оставить барана в живности для разведения богатырского племени.

— На племя, ишь ты, выдумал тоже... — осадил мужика Никифор,—кабы он сам собой такой вырос,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

а то он картофельный, не настоящий. Скорми своему барану пудов пятьдесят картошки — такой же будет. Он у меня, почитай, всю яму огородил, рублей на тридцать съел, а и вся-то цена ему сейчас десятка...

— Ну как нам теперь быть-то?—спросил Михайло,— баран-то мой... Давай его пополам зарежем.

Почесал Никифор голову, задумался.

— Ладно, говорит, только, знаешь, и убытки пополам: ты мне заплати половину картошки, сколько он у меня потратил.

— А сколько, думаешь, он у тебя съел?

— Да почти всю яму — сам знаешь, у меня туда было положено пудов восемьдесят; что осталось там— порченая да гнилая — мы ее тоже пополам для скота поделим, а ты мне сорок свежей отсыпешь, благо у меня теперь ее ни на варево, ни на семена — пуда не осталось... ну, вот, и будем квиты, обоим будет без обиды, — идет?

— Сорок пудов, — эк куда хватил, — с сердцем сказал Михайло.

— А как же иначе-то? — Баран пополам и убытки пополам, — ведь тебе скоту на варево пудов двадцать порченой придется, только и убытку будет, что двадцать пудов лишка переплатишь пуда за два жирной баранины; баран-то на диво пуда на четыре с гаком отъелся на моей картошке, обида на меня легла не от кого, как от твоей скотины и ругаться тебе нечего.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ulaic.ru/

— А хочешь я тебе ничего не дам, даже ни бараньей косточки, — разошелся Михайло, — получи фигу — видал? Мой баран!..

— Что же — мне хуже не будет — бери тогда себе барана, коли он твой, только покрой убытки.

— А вот этого не видал? — и Михайло вновь показал изумленному Никифору кукиш.

— Ну это, брат, положим, — на это суд есть, вороная шельма...

— А, ты так, сволочь рыжая! — и Михайло поднял на соседа тяжелый кулак.

Никифор вскипел, сгреб Михайлу за плечи, повернул к себе спиной, да как даст в заднее место такого толчка, что тот и опомниться не успел, как уже бороздил носом землю. Поднялся да на утек.

— Хо-хо-хо! — зареготал Никифор, позабыв гнев, уже такая была натура: что, подобрал штанишки-то, вороной бес?

А Михайло стоял уже у своего крыльца и изрыгал потоками брань на соседа.

— Сквалыга рыжая, кила моржовая, орясина толстозадая! — дразнил он Никифора.

Никифор той же монетой крыл соседа и на удачную ругань ржал, как лошадь. Наконец ему надоело.

— Марья, — крикнул он жене, — принеси сюда нож да брусок — свежевать барана будем.

— Я на суд подам, — закипел Михайло.

— Подавай, пожалуй, таскайся по судам, — не только овец, а и коров, пожалуй, прохлопочешь, а получишь —

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

шиш...— И Никифор спокойно, в полчаса, прибрал барана, себе на удивление, что в убытке не остался. Сала пуда два добыл, да баранины, опричь сбою, пуда четыре — не баран, а чудо. Потом развесил огромную косматую шкуру на высокий частокол, чтобы собакам не достать, и пошел в избу руки мыть.

А Михайла бушевал у себя, как разъяренный вепрь. Отколотил за что-то Пелагею, оттаскал за косы Груняшку. Ходит по избе, нигде покою найти не может, швыряет, что попадет под руку: чугун да две крышки порожных раскокнул. А потом всю ночь не спал, ворочался, кряхтел, совесть стала мучить: и своих стыдно стало, и Никифора. Понял, что не прав был, дураком оказался. Слышит—и Груняшка не спит, в подушку всхлипывает. Жаль девки — одна ведь, любимая... А тут, нако, какую кутерьму поднял. Стыд и срам — когда это с ним бывало? И своих отдул и соседа обидел — ровно бес нашутил...

А утром встретились с Никифором и опять ругаться на чем свет стоит. Жаль барана да и только, ведь экий матерый был. А тут еще на грех шкура баранья болтается на виду, никак не утерпеть, чтобы не взглянуть, а как взгляпешь — снова злость поднимется.

И так вот целую неделю до самой пасхи.

Разойдутся — мученье у обоих анафемское, похудели, осунулись... — Шутка ли? — С малых лет дружились, ни одного важного дела без обоюдного совета не решали, а вот поди ж ты! Тянет теперь друг к другу да и на. А встретятся—и пойдет пальба из

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booklight.ru/

самой что ни на есть тяжелой артиллерии — всю подноготную вверх дном перевернули, сродников мертвых и живых не пощадили...

X.

Вот и пасха. Напились соседи с горя и потянуло их друг к другу, не знаю как. Не могли утерпеть, пошли.

Михайло первый вышел. Идет, пошатываясь, к Никифору, да и наткнулся по дороге на злополучную баранью шкуру. Вспыхнула в пьяной голове досада и на себя, и на Никифора, да и давай на шкуре зло срывать, кулаками из нее пыль выколачивать, шерсть теребить. Стянул с частокола, замял под ноги, топчется.

Вышел Никифор к Михайле, глядь, а Михайло шкуру топчет, руками рвет.

— Ты чего, вороной, делаешь, в рот-те вожжи, а?

Подошел, толкнул Михайлу от шкуры, а тот его за бороду сгреб, а Никифор ему в волосы вцепился и давай тенетить друга. Упали, сплелись, по земле да по шкуре ерзают, когтят друг друга, как два ястреба, пыхтят да шипят втишок, валандаются...

— Ха-ха-ха! — раздался над ними веселый молодой смех...

Вздрогнули мужики, подняли вверх бороды и мигом выпустили друг друга, поджав когти и крылья, — да как вскочат разом на ноги.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Митроха, да ты ли это? — вскричали разом обрадованные мужики и раскрыли объятия.

— Здоро́во, отцы!

— Здоро́во, — гаркнули отцы и все трое сплелись в одну кучу крепкими объятиями, как ни в чем не бывало.

— Чего вы тут делали, — засмеялся Митроха, — христосовались, что ли?

— Хо-хо-хо! — раскатил Никифор, — а ведь мы с тобой, сват, еще не похристосовались, давай на мировую! — и друзья обнялись.

Выскочила Марья, увидав сына, заголосила от радости, да на шею. А там уж Груняшка, красная, что ягода, летела к Митрохе, а за нею и Пелагея; закрутили бабы Митроху в сарафанный круг. Митроха засиял от счастья.

— Ну, как твои дела? — подступили к нему с расспросами, когда первая радость прошла.

— Совсем отпустили, — вздохнул Митроха, словно ношу сбросил.

— Да ну? Вот так-так... Добро, очень добро...— обрадованно залепетали мужики. Ну, а мы тут, парень, без тебя крепко было повздорили, как видишь, до драки было дело дошло...— И мужики, смеясь, рассказали свою историю.

Митроха хохотал до слез над бородатыми чудаками.

— Эх вы, сваты этакие, не могли барана поделить на свойском деле. Вот бы как надо: баран

СОЧНВ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

пойдет в приданое за Груней, а я дам за нее вместо выкупа картошку, что баран съел — идет, что ли? А уж мы с Грушей не подкачаем за это — через год будет у нас такой барашик на карачках ползать, что берегите только бороды — выдергает... — и Митроха обнял Грушу.

— А ловко ребята наши рассудили, дуй их горой, — засмеялись мужики, чем до нельзя застыдили девку.

— Пойдемте, сват да сватья, погулять на радости, — предложил Никифор весело. И все веселой гурьбой покатили к Никифору. Митроха впереди вел Грушу за руку к себе в комнату, улыбаясь счастливому дню в груняшкиных глазах.

— Так, — волоки ее, парень, жми, не опускай, теперь твой барашик будет, стерегите, чтобы не убежал куда-нибудь, как тогда, а мы за ваше здоровье выпьем, молодые хорошие, — живите себе на радость, нам на утешенье, да смотрите, чур, чтобы обещанье сдержать — подарить нам барашка, иначе...— и сваты с шутками и прибаутками сели за стол пропивать девку, вспоминать молодость...

А за окнами пели ручьи и высоко-высоко заливался жаворонок серебристой трелью — откуда хмельное солнце бросало пригоршнями золотую радость на рыжую бороду Никифора и на молодую чету.

17/II 25 г.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	5
Бабий грех.	9
Брюхо.	139
Бес	153

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

1 р. 20 к.

р

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/